

Содержание

История

<i>Иерусалимская С. Ю.</i> Революционная активность ярославских учащихся в последней трети XIX– начале XX в.....	5
<i>Волкова Т. И.</i> Ярославское земство: социально-экономическая направленность агрономических и кредитных мероприятий (по материалам журналов губернского земского собрания).....	9
<i>Смирнова Ю. Б.</i> «Записки для немногих»: отставка министра народного просвещения А. В. Головнина (1866 г.).....	14
<i>Бутин А. Ю. (Игумен Антоний), Щербаков В. Л.</i> История села Тетеринского в свете письменных и археологических источников (опыт историко-археологического исследования).....	20
<i>Буюкли Д. А.</i> Становление института уполномоченных при Совете по делам Русской православной церкви (по материалам Ярославской области).....	25
<i>Кольцов М. В.</i> Медали итальянского Рисорджименто.....	30
<i>Капля А. С.</i> Парламентская кампания «Зеленых» во Франции в 2012 г.....	37
<i>Шарова А. С.</i> Детство в Стране догонов.....	41

Право

<i>Иванчин А. В.</i> Деление составов преступлений по моменту их окончания.....	46
<i>Смирнов Д. А.</i> Символы и символические действия в контексте последних изменений статьи 19.1 ТК РФ.....	52
<i>Симонова С. В.</i> Правомерные ограничения организации и проведения публичных мероприятий в гражданском обществе.....	58
<i>Климова А. С.</i> Гармонизация конституционных прав и обязанностей как условие эффективного развития общественных отношений.....	62

Ильин А. А. Особенности уголовной ответственности за превышение должностных полномочий по законодательству стран – бывших республик СССР.....65

Психология

Соболева Т. Н. Закономерности интеграции способностей субъекта деятельности под влиянием формализованных требований.....70

Ермакова Т. Н., Владимиров И. Ю. Роль внимания в процессе инсайтного решения.....77

Карпов А. А. Рефлексивность как детерминанта стилей принятия решений в управленческой деятельности.....82

Маркова Е. В., Е. И. Сидорова Е. И., Сергеев А. Н. Мотивационные особенности старших школьников, предпочитающих реалистические и исследовательские типы профессий.....88

Пучка И. В. Особенности адаптации женщин-военнослужащих к условиям контрактной службы.....92

Бондаренко М. Б. Личностный потенциал и успешность военных профессионалов.....96

Армашова А. Б. Исследование этической зоркости психологов-консультантов в ситуациях этических дилемм.....100

Дополнительные сведения об авторах.....105

Contents

History

<i>Ierusalimskaya S. Yu.</i> The Revolutionary Activity of the Yaroslavl Students in the Last Third XIX – the Beginning of the XX century.....	5
<i>Volkova T. I.</i> Yaroslavl Zemstvo: the Socio–Economic Orientation of Agronomic and Credit Events (According to the Journals of the Provincial Assembly).....	9
<i>Smirnova Y. B.</i> «Notes for the Few»: the Resignation of the Minister for National Education A. V. Golovnin (1866).....	14
<i>Igumen Antony (Butin), Scherbakov V. L.</i> The History of the Village of Teterinsky According to the Written and Archaeological Sources (the Experience of Historical and Archaeological Research).....	20
<i>Buiukli D. A.</i> The Formation of the Institution of the Commissioners of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in Yaroslavl Region.....	25
<i>Koltsov M. V.</i> Medals of Italian Risorgimento.....	30
<i>Kaplya A. S.</i> ”The Greens” on the French Legislative Elections of 2012.....	37
<i>Sharova A. S.</i> Childhood in the Dogon Country.....	41

Law

<i>Ivanchin A. V.</i> The Division of Corpus Delicti at the Moment of their Completion.....	46
<i>Smirnov D. A.</i> Symbols and Symbolical Actions in the Context of the Recent Modifications of Article 19.1 of the Labor Code of the Russian Federation.....	52
<i>Simonova S. V.</i> Lawful Restrictions Imposed on Organizing and Holding of Public Events in the Civic Society.....	58
<i>Klimova A. S.</i> Harmonization of Constitutional Rights and Responsibilities as a Condition of Effective Development of Public Relations.....	62
<i>Ilin A. A.</i> Features of Criminal Liability for Abuse of Official Authority under the Laws of Countries – Former Soviet Republics.....	65

Psychology

<i>Soboleva T. N.</i> Integration Patterns of Activity Subject Abilities Under the Influence of Formalized Requirements.....	70
<i>Ermakova T. N., Vladimirov I. Yu.</i> The Role of Attention in the Insight Problem Solving.....	77
<i>Karpov A. A.</i> Reflectivity as Determinants of Decision-Making Styles in Management Activity.....	82
<i>Markova E. V., Sidorova E. I., Sergeev A. N.</i> Motivational Characteristics of Schoolchildren Who Prefer Realistic and Research Types of Professions.....	88
<i>Puchka I. V.</i> Features of Adaptation of Female Soldiers to the Conditions of Contract Service.....	92
<i>Bondarenko M. B.</i> Personal Potential and Success of Military Professionals.....	96
<i>Armashova A. B.</i> The Research of Ethical Vigilance of Consulting Psychologists in the Situations of Ethical Dilemmas.....	100
Contributors	108

ИСТОРИЯ

УДК 94(470.316)«18/19»

В статье рассматривается участие ярославских учащихся в революционном движении последней трети XIX–начала XX в. В ходе исследования выявлена активная работа народников, позднее – социал-демократов и эсеров среди учащейся молодежи Ярославской губернии. В центре внимания находятся материалы неопубликованных исторических источников, сведения о руководителях студенческого движения и антиправительственных кружков, забастовки ярославских гимназистов и семинаристов в годы первой российской революции 1905–1907 гг., участие студентов Демидовского лицея в октябрьской демонстрации 1905 г.

Ключевые слова: студенты; гимназисты; семинаристы; революционное движение; Ярославская губерния.

The article considers the participation of Yaroslavl students in the revolutionary movement of the last third of the XIX – early XX century. The study revealed the active work of the Narodniks, and later of the Social Democrats and Socialist-Revolutionaries among the students of the Yaroslavl province. Information of unpublished historical sources and research literature about the leaders of the student movement and anti-government circles is generalized. Strikes of Yaroslavl gymnasium students and seminarians during the first Russian revolution of 1905 – 1907, participation of Demidov Lyceum students in the October 1905 demonstration were shown.

Keywords: students; high school students; seminarians; revolutionary movement; Yaroslavl Province.

С. Ю. Иерусалимская

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: osniyar@uniyar.ac.ru*

Революционная активность ярославских учащихся в последней трети XIX– начале XX в.

Научная статья

S. Yu. Ierusalimskaya

P. G. Demidov Yaroslavl State University

The Revolutionary Activity of the Yaroslavl Students in the Last Third XIX – the Beginning of the XX century

Scientific Article

Наращение политической активности учащейся молодежи в Российской империи в последней трети XIX – начале XX в. явилось своеобразным экзаменом для педагогов и всех тех, кто так или иначе соприкасался с учебным делом. Основное участие в событиях принимали студенты высшей школы. Однако и ученики средних учебных заведений города Ярославля поддержали старших товарищей.

Активизировалось участие студентов Демидовского лицея, как и учащихся других высших учебных заведений Российской империи [1, с. 177–179], в общественно-политической жизни и оппозиционном движении. Осенью 1876 г. студент лицея А. Н. Козырев (бывший дьякон, сложивший с себя духовный сан) стал одним из организаторов

кружка землевольческого направления в Ярославле. Кроме него, по нашим подсчетам на основании данных П. М. Широчина, в эту нелегальную организацию входили еще 8 учащихся лицея, 6 семинаристов, гимназист, акушерка, рабочий и другие [2, с. 145–146].

В 1881 г. сын священника Орловской губернии, студент Демидовского лицея, А. В. Геденовский (1859–1928 гг.) организовал в Ярославле нелегальный народовольческий кружок, куда вошло уже 25 лицеистов [3]. Данная организация инициировала 16 ноября 1882 г. в ярославском высшем учебном заведении студенческие волнения в знак солидарности со студентами Московского, Петербургского и Казанского университетов.

© Иерусалимская С. Ю., 2017

В 1885 г. А. В. Геденовский покинул губернский город, а кружок возглавили только что принятые в ряды студентов лицея О. С. Минор и Н. И. Коншин, незадолго до этого исключенные из Московского университета. 15 июня 1886 г. А. В. Геденовский был арестован и по приговору суда сослан в Усть-Каменогорск. После убийства Александра II народовольцами и в первой половине 1880-х гг. ярославский кружок А. В. Геденовского был самым крупным и активным среди всех народных организаций в России [2, с. 152–155].

Спустя несколько лет на смену народническим организациям пришли русские марксисты. Характеристику антиправительственного движения студентов в империи на рубеже веков дал В. И. Ленин (Ульянов), знакомый с процессами такого рода не только в теории, но и на практике. 18-летний студент Казанского университета Володя Ульянов энергично участвовал в антиправительственной сходке. В донесении соответствующих структур он был отмечен тремя звездочками как самый активный оратор, за что первокурсника Ульянова исключили из университета и отправили в ссылку.

Через несколько лет ряд своих публицистических работ он посвятил движению учащейся молодежи. Говоря о сложностях и проблемах студенческой жизни, своей главной целью В. И. Ленин видел мобилизацию всех слоев общества, в том числе учащейся молодежи, на борьбу с самодержавием. В статье «Отдача в солдаты 183-х студентов» он подчеркивал: «Студенты хотят свободно и самостоятельно обсуждать и ведать свои общие дела. Их начальство, – с тем бездушным формализмом, которым искони отличается русское чиновничество, – отвечает мелким придирам, доводит недовольство до крайних размеров и невольно наталкивает мысль не погрязшей ещё в тине буржуазного прозябания молодежи на протест против всей системы полицейского и чиновнического самовластья» [4, с. 391–392].

В работе «Задачи революционной молодежи» В. И. Ленин переходит от простого обличения самодержавия к созданию идеологической модели так называемого сознательного студенчества, констатируя, что «известная часть студенчества хочет выработать в себе определенное социалистическое мировоззрение» [5, с. 355], и ставя перед ней вполне определенные конкретные поручения.

В конце XIX–начале XX в., как и в других университетских городах, политическую активность в ярославском высшем учебном заведении развили

социал-демократы, преимущественно большевистского направления (с 1903 г.), и неонародники (в лице эсеров). Не случайно из стен Демидовского юридического лицея вышли будущие видные деятели большевистской партии и советского правительства, такие как А. М. Стопани, М. С. Кедров и Н. И. Подвойский. Первый учился в лицее в 1894–1896 гг., в 1920-х гг. стал прокурором РСФСР по трудовым делам [6].

М. С. Кедров был исключен из Московского университета в 1899 г. Он учился в Демидовском юридическом лицее в 1900–1902 гг., придерживался марксистских взглядов, вел пропагандистскую работу. Из Демидовского образовательного учреждения по одним сведениям он был отчислен за революционную деятельность [7], а по другим – не только закончил учебу, но и был награжден серебряной медалью за научное сочинение [8, с. 99–100]. После победы Советской власти М. С. Кедров в 1919 г. являлся председателем Особого отдела ВЧК, уполномоченным ЦК РКП (б) по Южному и Западному фронтам [7].

Н. И. Подвойский обучался в лицее в 1901–1905 гг. В лицей он был принят после исключения из Черниговской духовной семинарии. Демидовское высшее учебное заведение не закончил в связи с антиправительственной деятельностью. Во время учебы являлся председателем Ярославского студенческого комитета, ориентирующегося на большевиков, принимал самое активное участие в революционном движении в губернии. Вскоре после манифеста Николая II от 17 октября 1905 г. в Ярославле произошло столкновение верноподданнической демонстрации членов Союза Русского народа и революционной манифестации, в которой приняли участие студенты-демидовцы. Н. И. Подвойский был жестоко избит черносотенцами. От расправы не спасло его и оказанное отчаянное вооруженное сопротивление: он несколько раз выстрелил в «союзников» из револьвера. В октябре 1917 г. Н. И. Подвойский станет одним из руководителей знаменитого штурма резиденции Временного правительства России – Зимнего дворца в Петрограде, в 1917–1918 гг. займет пост наркома по военным делам РСФСР [9].

Наиболее активно движение студентов, гимназистов и семинаристов проявилось в годы первой российской революции 1905–1907 гг. [10] Уже на ее начальном этапе ярославские школьники активно высказывались за невозможность продолжения занятий. Так, 21 февраля 1905 г. учащиеся

всех классов Ярославской духовной семинарии сплоченно (вероятно, по предварительной договоренности) после окончания первого урока устроили общую сходку в спальном комнате, перед этим взломав туда дверь. На сходке собравшиеся приняли резолюцию, согласно которой они выступали полными распорядителями хода учебной деятельности, имеющими право прекратить ее и снова возобновить по своему желанию.

Семинаристы единогласно высказались за временную приостановку занятий и, не явившись на уроки, тем самым выразили протест против насильственных действий полиции по отношению к учащимся в разных городах России. В качестве «выборных от всех классов», призванных осуществлять контакт бастующих с ректором и инспектором семинарии, были избраны «четыре ученика шестого класса» [11, с. 77].

Ответ правления семинарии вкупе с архиепископом ярославским и ростовским Иаковом не заставил себя долго ждать. Он последовал 27 февраля 1905 г.: «При наличии таких грубых массовых проступков и при наличии такого вызывающего настроения, воспитанники ярославской духовной семинарии, участвовавшие в общей сходке, не могут быть терпимы в духовно-учебном заведении. А потому, согласно указу святейшего синода от 21 июня 1899 г. за № 2, всех воспитанников ярославской семинарии, участвовавших в сходке 21-го февраля 1905 г., уволить из семинарии, о чем ныне же немедленно и объявить им, каждому в отдельности по месту нахождения их» [11, с. 77].

Строгость решения была несколько смягчена архиепископом ярославским и ростовским Иаковом, сделавшим следующее уточнение: «Но, принимая во внимание исключительные обстоятельства настоящего времени, полного настроений и волнений и в других учебных заведениях всех ведомств, нахожу возможным вместе с сим предоставить и предоставляю семинарскому правлению право не к началу следующего учебного года, как бы следовало по требованию указа св. синода от 21-го июня 1899 г. № 2, а тотчас же по возвращении учащихся из масленичного отпуска принимать обратно в семинарию по прошениям, однако лишь тех из воспитанников, которые сознают свою виновность, попросят себе прощения в учиненных ими проступках и дадут каждый от себя письменное обязательство исполнять все установленные для семинарских воспитанников правила, а семинарским начальством будут признаны благона-

дежными к продолжению учения. О чем также объявить всем воспитанникам, ныне уволенным из семинарии» [11, с. 78].

Таким образом, на основании принятого решения правление ярославской семинарии в феврале 1905 г. объявило учащимся, что они «уволены» из учебного заведения. Им предоставлялось право подать прошение об обратном приеме с обязательным соблюдением всех вышеназванных условий. Кроме того, правление сочло необходимым предупредить семинаристов о том, что если они, по возвращении из домов родителей, позволят себе вновь устроить сходку, то семинария будет закрыта до начала следующего учебного года. Вскоре семинарское начальство реализовало угрозу.

Несмотря на репрессии 1 мая 1905 г. в губернском центре на Казанском бульваре (в наши дни в память об этих событиях бульвар носит название Первомайский) состоялась массовая политическая демонстрация студентов, гимназистов и семинаристов. Манифестанты выкрикивали лозунги «Долой царя, долой самодержавие!». Демонстрация была разогнана отрядом казаков, применивших нагайки [12, с. 328].

Во время Всероссийской октябрьской политической стачки и московского декабрьского вооруженного восстания 1905 г. гимназисты и семинаристы Ярославской губернии приняли непосредственное участие в происходивших событиях в своем регионе. В Ярославле, Рыбинске и ряде других городов губернии они участвовали в школьных забастовках и общих демонстрациях с рабочими и служащими [13, с. 207, 209]. Ненависть к существующему строю, тяга учащихся к революционной романтике оказалась столь велика, что их не испугало закрытие учебных заведений и угроза отчисления.

Студенты Демидовского лицея активно поддерживали антиправительственное движение в годы первой российской революции. Они регулярно принимали участие в забастовках, манифестациях и других революционных акциях как в аудиториях Демидовского образовательного учреждения, так и вне его стен. Об этом постоянно сообщали ярославские газеты различной политической направленности. Сведения об оппозиционной деятельности молодежи практически каждый день отражались в делопроизводственной документации. Губернские власти, школьное и студенческое начальство всячески боролись с любым проявлением антиправительственного движения учащихся в 1905–1907 гг.

и неизменно рапортовали об этом вышестоящим чинам.

Таким образом, в последней трети XIX– начале XX в. политическая активность ярославских учащихся постепенно нарастала и особенно ярко проявила себя в период первой российской революции 1905–1907 гг. Учащиеся Демидовского лицея, как и студенты всех российских вузов, активно участвовали в сходках, митингах, демонстрациях, студенческих забастовках, распространяли социал-демократические и эсеровские листовки [14]. Немного отстали от них представители местных семинаристов и гимназистов. Движение учащихся активно использовали в своих целях народники, а позднее социал-демократы и эсеры, стремясь привить ему антиправительственные черты

Ссылки

1. Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976. 232 с.
2. Широчин П. М. Революционное народническое движение в Ярославской губернии (70–80-е гг. XIX в.) // Очерки истории Ярославского края. Ярославль, 1974. С. 145–146.
3. Геденовский А. В. Ярославский революционный кружок 1881–1882 гг. // Каторга и ссылка. 1926. № 3. С. 95–108.
4. Ленин В. И. Отдача в солдаты 183-х студентов // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1976. Т. 4. С. 391–396.
5. Ленин В. И. Задачи революционной молодежи // Ленин В. И. Полн. собр. соч. М., 1976. Т. 7. С. 341–356.
6. Лушникова М. В. Школа и ее воспитанники: жизнь и научное наследие А. М. Стопани и В. А. Гаген // Вестник трудового права и права социального обеспечения. Ярославль, 2006. Вып. 1. С. 102–115.
7. Кедров М. С. Кедров М. С. // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М.: Советская энциклопедия, 1973. Т. 12. С. 15.
8. Ярославская юридическая школа: прошлое, настоящее, будущее / под ред. С. А. Егорова, А. М. Лушниковой, Н. Н. Тарусиной. Ярославль, 2009. 835 с.
9. Подвойский Н. И. // Большая советская энциклопедия. М., 1975. Т. 20. С. 106.
10. Иерусалимский Ю. Ю., Марасанова В. М. Первая российская революция 1905–1907 годов: учебное пособие. Ярославль, 2006. 128 с.
11. Яблоновский А. О способах борьбы с забастовками учащихся и о педагогическом такте // Образование. 1905. № 3. С. 58–83.
12. Марасанова В. М., Федюк Г. П. Ярославские губернаторы, 1777–1917: Историко-биографические очерки / под ред. А. М. Селиванова. Ярославль, 1998. 420 с.
13. Иерусалимский Ю. Ю., Марасанова В. В. Общественно-политическое развитие края в конце XIX–начала XX в. // История Ярославского края с древнейших времен до конца 20-х гг. XX века. Ярославль, 2000. С. 207–221.
14. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1741. Оп. 1. Д. 27174, 27175, 27176.

В статье на примере Ярославской губернии рассматриваются основные формы экономической помощи крестьянским хозяйствам во второй половине XIX–начале XX в. Автор анализирует деятельность земств по двум направлениям: агрономическим мероприятиям в крае и формам кредитования сельского населения.

Ключевые слова: земство; агрономические мероприятия; формы кредитования.

The article using the example of the Yaroslavl province, examines the main forms of economic assistance to peasant farms in the second half of the XIX - early XX centuries. The author analyzes the activities of zemstvos in two directions: agronomic measures in the province and forms of lending to the rural population.

Keywords: zemstvo; agronomical activities; forms of lending.

Т. И. Волкова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: volkova.tatiana2017@yandex.ru

Ярославское земство: социально-экономическая направленность агрономических и кредитных мероприятий

(по материалам журналов губернского земского собрания)

Научная статья

T. I. Volkova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Yaroslavl Zemstvo: the Socio - Economic Orientation of Agronomic and Credit Events (According to the Journals of the Provincial Assembly)

Scientific Article

Земское самоуправление в России было введено по реформе 1864 г. и предполагало создание земских учреждений для заведования «хозяйственными пользами и нуждами». Функции этих органов были разнообразны – от содержания правительственных учреждений, мостов и дорог местного значения, домов призрения ближнего до работы в области народного здравоохранения и образования, оказания экономической помощи крестьянским хозяйствам. Последнее направление их деятельности включало развитие агрономических мероприятий, создание сельскохозяйственных артерий и различных форм кредитования.

Обратимся теперь к рассмотрению практической работы Ярославского земства в данном направлении, так как читателю всегда интереснее знать, что и как было в истории его края, его местности, где он живет сегодня.

В последнее десятилетие XIX – начале XX в. внимание земских учреждений было сосредоточено на агрономических мероприятиях. Их можно

© Волкова Т. И., 2017

разделить по следующим направлениям: организация складов сельскохозяйственных орудий и семян, развитие животноводства, распространение правильного травосеяния (луговодства), организация пчеловодства и т. д.

Вопрос о создании сельскохозяйственных складов в губернии был поднят в 1893 г. по ходатайству общества сельского хозяйства. На заседании губернского собрания было решено построить при управе помещение для склада необходимого производственного оборудования. Его функции должны были сводиться к закупке сельхозтехники по заказам от частных лиц и организаций. Сотрудники обязаны были договариваться с соответствующими фирмами, добиваться льготных условий покупки и сообщать об этом заказчикам, предлагая свои услуги по выписке техники. Склад брал на себя также посредничество по продаже семян и орудий кустарного производства.

Данное решение было выполнено. Управа выделила на его организацию 26 тыс. руб., и склад начал

функционировать с 1897 г. [1, с. 156]. Его обороты росли быстрыми темпами и за 4 года увеличились более чем в 17 раз – с 4.593 руб. до 70.000 руб. [2, с. 171], что свидетельствовало о повышенном спросе местного населения на закупку техники и семян, его заинтересованности в услугах склада. Из заседаний губернских собраний видно, что за счет операций склада решались многие проблемы уездных земств. В частности, получение кредитов от губернской управы на закупку тех же семян и техники. За счет его доходов был приглашен на работу и губернский агроном, а в 1897 г. даже организовали выставку сельскохозяйственного оборудования.

Было очевидно, что один склад в губернии не справляется с объемом заказов, поэтому уже с 1900 г. они начали открываться при уездных управах и с 1905 г. функционировали уже на всей территории края. Денежные средства на их организацию заимствовались из губернской кассы, но эти ссуды было необходимо ежегодно возвращать из прибылей складов.

Другой формой агрономических мероприятий земских учреждений была их деятельность в сфере животноводства. Особое внимание здесь уделялось развитию молочного животноводства и коневодства. Географическое положение и природные условия в губернии были таковы, что урожайность на землях была низкая, однако сама почва могла использоваться для травосеяния и луговодства. Близость крупных рынков потребления молочных продуктов и развитие путей сообщения, связывающих край со столичным Петербургом, Москвой, также способствовали развитию животноводства. По подсчетам специалистов ежегодно из губернии вывозилось 4500 голов рогатого скота и спрос на ярославских коров рос с каждым годом.

В целом мероприятия земства в области молочного животноводства сводились к следующим: устройство случных пунктов, аренда племенных производителей у частных лиц для общественного пользования, выдача ссуд отдельным владельцам и крестьянским обществам на покупку племенных животных и устройство рассадников. Среди вышеперечисленных мероприятий основным для земских органов была организация случных пунктов. Большинство из них было устроено так, что племенные животные находились исключительно на содержании уездных земств, которые приобретали быков за свой счет и предоставляли их крестьянам в стада. Существовал и другой вари-

ант, когда органы местного самоуправления выдавали хозяину субсидию на покупку быка в размере 25 руб. в год. [3, с. 45]. В 1903 г. в губернии функционировало 8 случных пунктов. Конечной целью земских случных пунктов было дать населению породистого племенного быка-производителя.

Что же касается коневодства, то оно также являлось важной отраслью сельского хозяйства Ярославской губернии. К началу XX в. в крае было организовано 20 заводских конюшен, которые существовали исключительно за счет земского финансирования. Конные случные пункты в 1905 г. действовали во всех уездах губернии, кроме Пошехонского. Их общее количество составляло 23, и на их содержание земство ежегодно отчисляло 4530 руб. [4, с. 151].

Делу улучшения животноводства в значительной мере способствовали в значительной мере выставки скота, проходившие практически ежегодно на территории разных уездов. В 1899 г. губернское собрание постановило, что начиная с 1900 г. в каждом уезде должны организовываться подобные мероприятия. Для этого губернская управа рассчитывала ежегодно ассигновывать на каждую уездную выставку по 100 руб. В 1901 г., как отмечалось в отчетном докладе инструктора по животноводству, эти выставки молочного скота прошли во всех уездах губернии [5, с. 77].

В связи с развитием животноводства земства обратили внимание и на состояние лугов края. Возникает еще одно направление агрономической деятельности земств – травосеяние. К концу XIX в. лишь незначительное число селений уделяли внимание данному виду агрономических улучшений, а те, которые его уже применяли, делали это неэффективно: травы сеялись не на отдельном четвертом поле, а на части одного из полей трехпольного севооборота или на запольном участке. Проанализировав в целом данную ситуацию, губернская управа в 1898 г. предложила земскому собранию выделять кредиты крестьянским хозяйствам на это мероприятие. С 1898 по 1902 г. ссудами на травосеяние воспользовались 139 сельских обществ, причем число предоставленных ссуд за это время выросло с 22 до 67. Результаты данных земских мероприятий по развитию травосеяния уже сказались в 1905 г. К этому времени, несмотря на подорожание семян клевера, в 72 селениях края осуществлялось правильное травосеяние. По мнению губернского агронома, данное явление могло объясняться тем, что «с каждым годом все глубже и глубже укореня-

лось убеждение в выгоде и необходимости замены отживающего свой век трехполья травопольным севооборотом [6, с. 85].

В этот же период времени органы местного самоуправления уделяли внимание еще одному направлению агрономической деятельности, тесно связанному с травосеянием, – луговодству. Впервые о необходимости его развития заявил назначенный в губернию в 1904 г. старший инструктор Министерства земледелия и государственных имуществ Дмитриев. В своем докладе он предлагал организовать постоянный штат инструкторов по луговодству, а также оказывать широкую помощь местному населению за счет предоставления мелкого кредита на мелиоративные работы.

В целом губернское земское собрание с данными предложениями согласилось, и в этом же году в расходную часть бюджета заложили 600 руб. на предоставление кредитов, 250 руб. на разъезды помощника агронома и 300 руб. на издание методических брошюр. В последующие годы эти ассигнования увеличились, и в 1906 г. они составляли уже 2125 руб. [6, с. 91].

В дальнейшем указанная практика продолжилась и получила свое развитие. Так, в 1911 г. Ярославское губернское земское собрание постановило: в целях проведения планомерных работ по луговодству и культуры кормовых трав выдавать пособия в размере 25 % из общих сметных расходов на данные мероприятия, предусмотренных на бюджетный год тем уездам, в которых будут разработаны конкретные планы работ. В 1912 г. такие программы были приняты в Мологском, Мышкинском, Пошехонском, Ростовском, Угличском и Ярославском уездах. На основании составленных планов губернская управа начала выдавать предусмотренное денежное пособие.

Параллельно указанным агрономическим мероприятиям земство обратило свое внимание также и на состояние пчеловодства в крае. В губернии в 1900 г. насчитывалось свыше 3500 пасек, приносящих населению доход приблизительно 73000 руб. [2, с. 37].

Было установлено, что для успешного развития пчеловодства в крае и при правильной постановке дела оно могло бы стать очень важной подсобной статьей крестьянского хозяйства. Поэтому губернская земская управа разработала ряд мероприятий, среди которых были следующие: открытие при содействии земства коллективных, артельных и общественно-показательных пасек, выдача

ссуд на их устройство, отпуск в кредит с рассрочкой платежа технического оборудования для пчеловодства, устройство передвижных выставок и издание популярных брошюр.

Данная работа началась с 1908 г., когда губернское земское собрание постановило организовать при практической школе огородничества и садоводства в Ярославле образцовую учебно-показательную пасеку, при которой были организованы бесплатные практические курсы. В том же году началось выделение ассигнований управой на нужды общества пчеловодства и было составлено ходатайство в Департамент земледелия с просьбой выделить 500 руб. для дальнейшего проведения курсов пчеловодов. Просьба департаментом была удовлетворена [7, с. 113].

Рассмотрев на примере Ярославской губернии агрономические мероприятия земства, мы можем утверждать, что в целом их значимость была существенна. Основные направления крестьянского хозяйства, будь то сельскохозяйственное производство, животноводство, луговодство или пчеловодство, находились в центре внимания органов местного самоуправления. Конечно, не во всех рассмотренных отраслях помощь была одинаково полноценна, однако земские органы в силу своих финансовых возможностей старались поднять экономическое благосостояние сельского населения, которое являлось основным налогоплательщиком земских сборов.

Другим направлением в работе органов местного самоуправления было устройство сельскохозяйственных артелей. Они начали создаваться в нашей губернии еще в начале 70 гг. XIX в.

С учетом отраслевой характеристики сельскохозяйственного производства в крае на заседании губернского собрания в 1869 г. был поставлен вопрос о развитии артельного сыроварения. По решению собрания управа обязывалась гарантировать ссуды на устройство коллективных артелей сельским обществом из капитала земского банка в крае. Четыре уезда выразили готовность организовать у себя подобные формы предпринимательства. Поэтому управа предложила собранию открыть кредит из фонда банка под 6 % годовых с рассрочкой платежа на 4 года Рыбинскому уезду – 5000 руб. для устройства 6 сыроварен, Пошехонскому – 4000 руб. для 4 сыроварен, Мологскому и Любимскому – по 3000 руб. для организации 2 сыроварен в каждом уезде. Таким образом, уже в 1871 г. в губернии действовали 14 артелей [8, с. 76].

Черед год губернская управа собрала сведения за два года существования сыроварен. Оказалось, что чистый доход ярославских артелей с пуда молока составил в среднем от 34 до 48 коп. и был на порядок выше обычного домашнего производства с разницей в среднем на 15 коп. с пуда. Отсюда данное начинание свидетельствовало, что артельное сыроварение было, несомненно, эффективным предприятием и дополнительным источником денежных средств для крестьян – участников артелей. Параллельно с артельными начинаниями в сельскохозяйственном производстве внимание земских структур было обращено на создание ссудно-сберегательных товариществ и касс мелкого кредита для улучшения благосостояния сельского населения. Их целью являлась «выдача ссуд для сельского хозяйства, промысловых и торговых предприятий под возможно умеренные проценты». По проекту предполагаемых обществ наименьший размер кредита составлял 100 руб. для каждого члена, наибольший – 5000 руб. При вступлении в общество каждый член был обязан уплатить наличными деньгами вступительный взнос 10 % с означенной суммы. Организация ссудно-сберегательных товариществ в Ярославском крае началась с 1872 г., когда губернское земское собрание ассигновало на это мероприятие 10000 руб. из своего запасного капитала. В этом году открылось Курбское, а через год – Копринское ссудно-сберегательное товарищество [9, с. 71].

Согласно уставу их членом мог стать любой житель данной или соседней волостей при условии, что он баллотировался большинством голосов поверочного совета. Каждый участник должен был уплатить взнос в размере 50 руб., причем эта сумма могла вноситься в рассрочку в течение каждой трети года. Операции, которые выполняли товарищества, заключались в следующем: в приеме вкладов, выдаче ссуд и заключении займов. Наибольший размер ссуды приравнивался к вступительному взносу, увеличенному в три раза. Она (ссуда) выдавалась на период не свыше 6 месяцев. В свою очередь, займы могли заключаться как на определенный срок, так и бессрочно; особо подчеркивалось, что они могут быть предоставлены лишь с целью усиления оборотных капиталов, а не для покрытия убытков.

Отчеты по Копринскому и Курбскому товариществам, сделанные в 1874 г. показали, что за этот непродолжительный период времени их работы, Копринское увеличило количество своих членов в 4

раза (с 34 до 135), а Курбское – в 3 раза (с 28 до 88), что свидетельствовало о росте заинтересованности товаропроизводителей в их услугах. Что же касается уставного капитала, состоящего по Курбскому товариществу из 3850 руб. первоначальных взносов и займов в размере 3490, то ссуды, выданные его членам, почти в 2 раза превысили размер этого капитала, что свидетельствовало о значительных прибыльных операциях данного кредитного учреждения [10, с. 83]. В следующем 1876 г. открылось еще Шубино-Вахтинское ссудно-сберегательное товарищество, охватившее своей деятельностью 7 волостей Даниловского уезда, три волости Романо-Борисоглебского и одну волость Любимского уезда. В Журнале Ярославского губернского земского собрания приводится отчет этого товарищества за год деятельности, в котором указывалось, что в 1877 г. в нем состояло 394 пайщика. В целом приход товарищества составил 29629 руб., годовой оборот – 50259 руб., а чистая прибыль – 771 руб. Если учесть, что большинство его членов (358 человек) были крестьяне, заплатившие в рассрочку первоначальный взнос в размере 5 руб., то именно они в основном и заключали договоры на получение ссуд и займов [11, с. 76].

Подобная практика кредитования населения продолжилась и в начале XX в. Особенно она активизировалась с 1906 г., когда Министерством финансов был утвержден образцовый устав земских касс мелкого кредита. Целью этих кредитных учреждений также являлась денежная помощь крестьянским хозяйствам, артелям, товариществам и обществам, занимающимся развитием сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленностью.

Устав предоставлял право земским собраниям образовывать специальный капитал, который передавался кассам для выдачи ссуд на создание фонда для развития травосеяния и луговодства, на помощь кустарным производствам, а также на устройства промышленных заведений на срок до пяти лет.

Кассы, помимо краткосрочного кредита, должны были выдавать ссуды и на осуществление модернизации хозяйства. Они могли вести посреднические операции, приобретая и продавая сельскохозяйственные орудия, продукты сельского хозяйства и получали за эти операции комиссионную плату. В целом функции касс были близки к деятельности банков, однако они находились в непосредственной подчиненности земских органов.

Так, согласно статье 60 устава земское губернское собрание утверждало правила по ссудам, вкладам, заломам и в целом заведовало всей деятельностью данных учреждений. Земское собрание также назначало проценты по ссудам, рассматривало и утверждало отчеты правления касс, распределяло прибыли и т. д. Таким образом, образцовый Устав земских касс мелкого кредита давал земствам широкую возможность дальнейшего развития и подъема экономического благосостояния населения [12, с. 51].

Первые земские кассы мелкого кредита открылись в нашей губернии в 1911 г., а через 4 года их было уже 9 в 8 уездах края, включая также и губернскую [13, с. 43]. Такая ситуация давала органам местного самоуправления возможность корректировать свою социально-экономическую политику в интересах сельского населения и укреплять связь с крестьянством.

Как свидетельствуют источники, в большинстве случаев создание земством подобных учреждений встречалось местным населением с воодушевлением. Все кредитные структуры там, где они открывались, сыграли свою позитивную роль в финансовой поддержке жителей. Однако таких учреждений, в силу отсутствия у органов местного самоуправления достаточных средств, было открыто явно недостаточно, чтобы охватить своей сетью всю губернию в целом.

Таким образом, подводя итоги вышеизложенному можно заключить, что земства, основываясь на принципах коллегиальности, открытости, финансовой самостоятельности и прозрачности своих бюджетов, за короткий исторический срок создали основу своего хозяйства, причем как в целом, так и по отдельным отраслям. В результате ими был накоплен богатейший опыт, выработаны формы и методы работы в различных областях местного хозяйства. Этот опыт требует своего должного изучения, ибо, несмотря на то что мы живем в новую эпоху и общество наше другое (иная культура и система ценностей), земские подходы

к решению проблем, которые в местном хозяйстве все те же, на наш взгляд, не утратили своей практической значимости. Социальная сфера и сегодня является весьма запущенной, а отечественное сельскохозяйственное производство находится в упадочном состоянии. На наш взгляд, на вопрос, как помочь отечественному производителю и наладить его хозяйственную инфраструктуру, в определенной мере может ответить: изучайте историю земской работы.

Ссылки

1. Журнал Ярославского губернского земского собрания (ЖЯГЗС). Очередная сессия 1894 г. Агрономический отдел. Ярославль, 1895. 121 с.
2. ЖЯГЗС. Очередная сессия 1900 г. Агрономический отдел. Ярославль, 1901. 127 с.
3. ЖЯГЗС. Очередная сессия 1907 г. Агрономический отдел. Ярославль, 1908. 134 с.
4. ЖЯГЗС. Очередная сессия 1905 г. Агрономический отдел. Ярославль, 1906. 143 с.
5. ЖЯГЗС. Очередная сессия 1899 г. Агрономический отдел. Ярославль, 1900. 129 с.
6. ЖЯГЗС. Очередная сессия 1906 г. Агрономический отдел. Ярославль, 1907. 146 с.
7. ЖЯГЗС. Очередная сессия 1908 г. Агрономический отдел. Ярославль, 1909. 131 с.
8. ЖЯГЗС. Очередная сессия 1870 г. Агрономический отдел. Ярославль, 187. 115 с.
9. ЖЯГЗС. Очередная сессия 1872 г. Общий отдел. Ярославль, 1873. 119 с.
10. ЖЯГЗС. Очередная сессия 1874 г. Общий отдел. Ярославль, 1875. 117 с.
11. ЖЯГЗС. Очередная сессия 1877 г. Общий отдел. Ярославль, 1878. 116 с.
12. ЖЯГЗС. Очередная сессия 1906 г. Общий отдел. Ярославль, 1907. 1с.
13. ЖЯГЗС. Очередная сессия 1911 г. Общий отдел. Ярославль, 1912. 157 с.

УДК 94(47).081

В статье рассматриваются воспоминания министра народного просвещения А. В. Головнина. Автор анализирует размышления мемуариста о причинах его отставки.

Ключевые слова: министр народного просвещения; А. В. Головнин; воспоминания; отставка.

This article discusses memories of the Minister for National Education A.V. Golovnin. The author analyses the memoirist's reflections on the reasons for his resignation.

Keywords: Minister for National Education; A.V. Golovnin; memories; resignation.

Ю. Б. Смирнова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: smirnovay72@mail.ru

«Записки для немногих»:

отставка министра народного просвещения А. В. Головнина (1866 г.)

Научная статья

Y. B. Smirnova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

«Notes for the Few»:

the Resignation of the Minister for National Education A. V. Golovnin (1866)

Scientific Article

Александр Васильевич Головнин (1821–1886 гг.) происходил из семьи известного вице-адмирала В. М. Головнина. Государственную службу Александр Васильевич начал в 1840 г. после окончания с золотой медалью Царскосельского лицея. Сначала Головнин получил скромную должность в IV отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Спустя три года, в феврале 1843 г., он был приглашен в Министерство внутренних дел, где трудился на протяжении пяти лет. В эти годы гораздо большее значение для продвижения по служебной лестнице имела общественная деятельность молодого чиновника в качестве секретаря Русского Географического общества, председателем которого был великий князь Константин Николаевич. Следующая ступень в карьере будущего сановника была связана со службой в Морском ведомстве (1848–1859). Стремительное возвышение А. В. Головнина произошло осенью 1859 г., когда он был произведен в тайные советники со званием статс-секретаря Его Императорского Величества и стал членом Главного правления училищ Министерства народного просвещения. В 1861 г.

Александра Васильевича назначили министром народного просвещения. При его участии проводились масштабные реформы в области образования, печати и цензуры. В апреле 1866 г. Головнин был освобожден от занимаемой должности, что означало конец его активной административно-политической деятельности. После увольнения опальному министру было предложено членство в Государственном совете. Таким образом, отставка является переломным моментом в служебной биографии государственного чиновника.

В отечественной исторической литературе это событие зачастую объясняется изменением внутривластного курса правительства после покушения на императорскую жизнь Дмитрия Каракозова. Неожиданная отставка и назначение на освободившуюся министерскую должность политического соперника побудили А. В. Головнина рассказать современникам и потомкам о своей жизни и деятельности.

«Записки для немногих» состоят из пяти томов и охватывают практически весь жизненный путь Александра Васильевича. Первая часть мемуаров объединяет четыре рукописных тома, каж-

дый в двух экземплярах. Указанная часть «Записок» включает период от детских воспоминаний до 1867 г. Первые три тома были составлены осенью 1866 г. Наибольший интерес представляет третий том, где содержатся воспоминания А. В. Головнина о его руководстве Министерством народного просвещения (МНП) с конца 1861 до апреля 1866 г. На страницах этого раздела бывший министр пытается разобраться в причинах своего поражения. В 1867 г. мемуары были переданы автором на хранение в Императорскую публичную библиотеку (Санкт-Петербург; СПб) и в библиотеку Российской Академии Наук (СПб.).

Вторая часть «мемуарного архива» А. В. Головнина поступила в Публичную библиотеку (СПб.) и в Библиотеку Академии наук уже в 1887 г. За это время им был написан еще один том, в котором рассматривались события с 1867 г. до поездки в Рязанскую губернию в 1877 г. Согласно составленному завещанию конверты, в которых были запечатаны воспоминания, разрешалось вскрыть спустя 80 лет после передачи последней части воспоминаний или спустя 50 лет после смерти автора. Подобное условие было характерно для многих российских мемуаристов XIX в., не желавших предавать огласке свои труды при жизни.

В наши дни сохранившийся оригинал представляет собой два экземпляра, находящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА; СПб.) и Российской национальной библиотеке (СПб.). В 1996–1997 гг. воспоминания были впервые частично опубликованы в журнале «Вопросы истории». В 2004 г. «Записки для немногих» были изданы целиком по рукописи из РГИА. По мнению современных исследователей, данная рукопись является наиболее полным вариантом воспоминаний [1, с. 24].

Оценивая мемуарное наследие А. В. Головнина, отечественные историки обращают внимание на стилистическое различие в оформлении отдельных разделов «Записок» [2, с. 13]. Действительно, содержание третьего тома воспоминаний несколько отличается от текста, представленного в других частях. Освещая события, мемуарист широко использует официальные документы, в том числе «Обзор деятельности Министерства народного просвещения», возражения на замечания комиссии С. Г. Строганова, ведомость неудавшихся представлений и полученных отказов, а также личную датированную

переписку с князем Н. А. Орловым и бароном А. П. Николаи.

Широкая документальная основа третьего тома во многом предопределила формально-официальный стиль повествования. Автор достаточно аккуратно и сдержанно рассказывает о своей министерской деятельности. Абстрагируясь от описываемых событий, мемуарист использует распространенный для XIX в. прием изложения материала от третьего лица. В целом выбранный стиль подчеркивает желание Головнина «найти и высказать правду». Авторские заверения в беспристрастности и объективности, встречающиеся в тексте, подтверждают указанные намерения, вызывая при этом настороженное отношение у современного историографа и источникововеда. Надо признать, что в воспоминаниях достаточно достоверно воспроизводятся факты. Об этом свидетельствует сопоставление приводимых в «Записках» данных со сведениями других источников. Вместе с тем автор рассматривает далеко не все события, зачастую намеренно пропуская целый ряд важных сюжетов, необходимых для составления целостной картины общественно-политической жизни России в первой половине 1860-х гг. Открыто, не выражая собственных взглядов, А. В. Головнин умело подводит читателя к нужным выводам.

Мемуарный рассказ об отставке, несомненно, представляет научный и общественно-политический интерес. Анализ воспоминаний помогает глубже понять логику происходящих в стране политических процессов, а также изучить их интерпретацию бывшим министром.

14 апреля 1866 г. А. В. Головнин был освобожден от занимаемой должности министра народного просвещения. Понимая непрочность своего положения, сановник все-таки не ожидал, что выстрел Д. Каракозова настолько ускорит увольнение. Современники отмечали, что Головнин был «... глубоко уязвленным смещением с министерского места» [3, с. 35].

Для характеристики событий, предшествующих отставке, мемуарист обращается к письмам, адресованным ближайшему другу барону А. П. Николаи. Так, в послании от 19 апреля 1866 г. освобожденный от должности чиновник вспоминал, что 8 апреля 1866 г. он делал очередной доклад у императора, во время которого Александр II был «как всегда, весьма милостив и, по-видимому, весьма далек от мысли о перемене» [4, с. 349].

Спустя четыре дня, 12 апреля 1866 г., председатель Следственной комиссии М. Н. Муравьев доложил Александру II, что члены ишутинского кружка, среди которых был Каракозов, «предназначали себя в учителя народных школ, чтобы развить народ и освободить его от того, что они называли религиозными предрассудками» [4, с. 349]. По мнению бывшего министра, доклад Муравьева и негативные отзывы государственных сановников о деятельности МНП сыграли значительную роль в решении императора отстранить его от занимаемой должности.

13 апреля 1866 г. Головнин был вновь приглашен к Александру II, а уже на следующий день был подписан указ о его отставке. В письме воспроизводятся слова, сказанные императором при увольнении своему министру: «Обстоятельства становятся все труднее и труднее, и нам нужна великая энергия и единство направления <...> О тебе я должен сказать, что вполне ценю твои намерения и твое усердие и ни в чем не могу тебя упрекнуть, но против тебя сильно возбуждено общественное мнение, и, чтобы ты не делал, все истолковывается в дурную сторону. Теперь нужны люди новые» [4, с. 350]. Александр Васильевич, возможно специально, забудет написать еще одну важную фразу, произнесенную императором: «Я ни от кого решительно не слышал слова в твою пользу» [4, с. 352]. В воспоминаниях автор объяснит свою забывчивость «торопливостью и волнением». В действительности, были и другие весьма важные политические причины, связанные с дальнейшей государственной деятельностью отстраненного от должности министра. Всего через несколько дней после отставки А. В. Головнин найдет в себе силы оценить произошедшее событие как «благополучный исход» и согласится с «основательным» и «правильным» решением императора. Однако дальнейшие размышления бывшего высокопоставленного чиновника, написанные под воздействием официально высказанных упреков в адрес МНП, заставляют читателя усомниться в искренности сделанных им выводов.

Против реформаторской политики в области образования активно выступали православные церковные иерархи. Пытаясь доказать несостоятельность выдвинутых обвинений, Александр Васильевич обращает внимание на то, что нравственно-религиозное образование молодых людей являлось первоочередной задачей МНП. В связи с этим в воспоминаниях подробно рассматри-

вается работа министерства по «искоренению» «нерелигиозного или антирелигиозного духа» из светских учебных заведений. В письме барону Николаи от 3 мая 1866 г. Головнин подчеркивает, что никто из предыдущих министров «не сделал столько для облегчения духовенству исполнения религиозной задачи его в училищах министерства народного просвещения...» [4, с. 351]. На наш взгляд, автор немного лукавил и преувеличивал предоставленные российскому духовенству возможности в формировании духовно-нравственного облика учащихся.

А. В. Головнин в весьма резких выражениях, в целом не свойственных для него, отзывается о преподавательской деятельности духовенства в светских учебных заведениях. Мемуарист, рассматривая примеры непрофессионализма законоучителей, обращает внимание на то, что редко встречал среди них человека, «умеющего преподавать и возбуждать религиозное чувство в учениках» [4, с. 351]. В «Записках» отмечается, что Русская Православная Церковь, в силу своих внутренних проблем, не оказывала должной поддержки и помощи в решении вопросов, связанных с нравственно-религиозным воспитанием учащейся молодежи. Опальный чиновник убеждает современников в основательном подходе МНП к разработке и проведению мероприятий, направленных на усиление нравственно-религиозного элемента в светских образовательных учреждениях. Весьма логично выглядят рассуждения автора о перспективах назначенного вместо него графа Д. А. Толстого на посту министра народного просвещения. Спустя пару недель после своей отставки Головнин напишет барону Николаи следующее: «Положение его [Толстого] трудное, и я решительно не понимаю, какие он изобретет средства для достижения цели, указанной государем – введения полного единства в действиях обоих ведомств и усиления в министерстве просвещения религиозного элемента» [4, с. 352].

В воспоминаниях косвенно критикуется деятельность «многих тысяч учебных заведений», неподведомственных МНП. Мемуарист, заявляя об их ответственности за нравственное воспитание молодых поколений, язвительно отмечает, что этим ведомствам, по сравнению с МНП, были предоставлены вдвое больший бюджет и государственная поддержка.

Размышляя над причинами своего карьерного поражения, отставной чиновник пишет о «нерас-

положенности» к нему императора. В тексте приводятся многочисленные факты, свидетельствующие о недоверии Александра II к инициативам министра. Так, в мемуарах подробно описывается история обсуждения вопроса об издании сочинения английского писателя XVI в. Флетчера. При рассмотрении этого вопроса в Комитете министров император не поддержал предложение А. В. Головнина о публикации и утвердил мнение меньшинства.

Еще более ярким показателем негативно-настороженного отношения императора к проектам Головнина явилось назначение в 1865 г. С. Г. Строганова председателем Особой комиссии для проверки деятельности МНП. Выбранная Александром II кандидатура председательствующего, по мнению опального министра, определила вектор деятельности комиссии, поскольку «...граф Строганов постоянно отличался явным нерасположением к Головнину и всегда порицал все его действия» [4, с. 326].

В воспоминаниях обращается внимание на формальный характер работы комиссии, которая с сентября 1865 до марта 1866 г даже не собиралась. 26 марта 1866 г. Строганов представил министру составленный доклад, «содержавший полное и весьма резкое порицание всей системы действий и управления министерства народного просвещения» [4, с. 326].

Головнин весьма болезненно воспринял критику комиссии, поскольку император оценил ее «справедливой и основательной». В течение месяца Александр Васильевич готовил ответы на сделанные замечания. Однако в правительстве контраргументы бывшего высокопоставленного чиновника не были рассмотрены. Не имея возможности отстаивать политические взгляды на государственном уровне, обиженный чиновник включил свои «возражения» в мемуары.

Анализируя главные претензии комиссии о командировках профессорских кандидатов, учительских съездах, роли религии в образовании и недостаточной экономии МНП государственных средств, автор пытается убедить потомков в необъективной оценке его министерской деятельности. Фокусируя внимание читателя на критических характеристиках, мемуарист забывает написать об отдельных положительных отзывах, представленных комиссией в связи с увеличением количества учеников и гимназий в губерниях.

В «Записках» достаточно скупое рассматривается изменение политического климата в высших эшелонах власти после Польского восстания 1863 г. Головнин лишь упоминает о том, что последовавшее за восстанием усиление «полицейско-преследовательных мер» в управлении империей значительно препятствовало «правильному и мирному развитию науки и просвещения, для коих необходимы простор и свобода» [4, с. 217]. Ограничившись краткими комментариями, уволенный сановник намеренно не заостряет внимание читателя на политическом поражении своего идейного покровителя великого князя Константина Николаевича.

На наш взгляд, восстание в Царстве Польском, наместником которого был великий князь, сыграло важную роль в карьере А. В. Головнина. После выступления поляков идеи либеральной бюрократии были поставлены в правительстве под сомнение. Отсюда понятно, что отставка министра во многом была предопределена, поскольку он воспринимался верховной властью как «константиновец».

Следующая причина поражения А. В. Головнина заключалась в негативном отношении к нему многих высокопоставленных министров. Мемуарист признает, что такая враждебность была обусловлена, с одной стороны, разными политическими взглядами и представлениями, а с другой – личным «недоброжелательством некоторых влиятельных лиц» [4, с. 321]. Объясняя личные мотивы, Александр Васильевич вспоминает, что «не имел знатной и влиятельной родни, богатства, связей при дворе». Кроме того, он воспринимался высшими властными структурами «...как человек, близкий и преданный великому князю Константину Николаевичу, ненавидимому весьма многими...» [4, с. 215]. В силу этого большинство членов правительства рассматривало его назначение на пост министра «как временную прискорбную уступку либеральному направлению ...», вызванную усилением влияния великого князя. Эти обстоятельства во многом объясняли противодействие, постоянно оказываемое чиновниками высших эшелонов власти. Будучи министром, Головнин мог рассчитывать только на дружеское расположение великого князя Константина Николаевича, который «был сам предметом ненависти и разнородных интриг, имевших целью уменьшить славу его ума и административных способностей» [4, с. 216].

В целом автор воспоминаний достаточно много внимания уделяет описанию своего политического одиночества и отсутствию поддержки со стороны авторитетных государственных деятелей. А. В. Головнин иллюстрирует сложные взаимоотношения с сановниками многочисленными примерами «разномыслия». В частности, автор рассказывает о том, что весной 1862 г. на Особом совещании министров и петербургского генерал-губернатора в связи с пожарами в столице он оказался единственным, кто выступил против восстановления смертной казни в отношении поджигателей.

Изоляцию среди других министров Головнин подчеркивает «добросовестным недоверием» к реформированию системы образования даже со стороны либерально-настроенных чиновников. В подтверждение этого Александр Васильевич рассказывает об административных решениях министра финансов М. Х. Рейтерна, с которым он с детства находился «в приятельских, товарищеских отношениях» [4, с. 322]. В «Записках» указывается, что за период с 1 января 1862 по 1 января 1866 г. Министерство финансов выдало около 90 отказов на обращения Головнина о предоставлении денежных средств на модернизацию учебного процесса и ремонт зданий МНП. Автор с горечью отмечает, что получал отказы «в то самое время, когда по некоторым другим министерствам беспрекословно отпускались значительные суммы на расходы сравнительно несравненно менее полезные» [4, с. 322].

Весьма показательно выглядит небольшая глава под названием «Ошибки и упущения Головнина в бытность его министром народного просвещения». В этом разделе воспоминаний мемуарист в очередной раз ловко уходит от критического разбора своей деятельности и, по сути дела, пишет о своих деловых качествах, которые в условиях существующей системы управления препятствовали успешной реализации намеченных планов. Так, «ошибки» бывшего министра заключались в том, что он «весь предавался кабинетному труду..... и вовсе не заботился о приобретении между другими министрами и влиятельными лицами администрации политических друзей», а также «забывал разные личные соображения и действовал не для лиц, а для дела» [4, с. 353–354].

На первый взгляд «упущением» выглядит сообщение автора о недостаточной деятельности МНП в части организации соответствующего печатного

отпора критическим замечаниям, распространявшимся в прессе. Вместе с тем в рассуждениях о том, «какой вред могут принести остающиеся без опровержения печатные ложные обвинения», Александр Васильевич обращает внимание на низкий уровень общественного сознания и незрелость российской публики, которая «еще верит всему печатному» [4, с. 353].

Головнин достаточно сжато характеризует практику МНП по использованию печатных изданий для противостояния критикам из консервативного лагеря. Такой прием помогает мемуаристу оставить в тени историю о своей неудавшейся попытке при помощи прессы нанести удар М. Н. Каткову, жестко выступавшему против либеральных реформ.

В воспоминаниях весьма лаконично рассказывается об издании брошюры на французском языке бароном Ф. И. Фирксом (Шедо-Феротти). В 1864 г. Александр Васильевич обратился к публицисту с просьбой написать о политике великого князя Константина Николаевича в Царстве Польском. С помощью этой публикации министр просвещения надеялся оправдать деятельность великого князя, а также подорвать влияние М. Н. Каткова. Однако данный расчет не оправдался, поскольку в обществе большой резонанс вызвали намеки Ф. И. Фиркса о возможном отказе русского правительства от чрезвычайных мер и установлении будущей политической автономии Русской Польши.

В «Записках» автор признает, что, покровительствуя изданию «*Que fera-t-on de la Pologne*», он еще больше настроил против себя общественное мнение. Пытаясь оправдаться перед потомками, мемуарист пишет, что принимал далеко не все положения и «вовсе не сочувствовал некоторым крайностям в суждениях» [4, с. 354]. Примечательно, что в воспоминаниях подготовка брошюры представлена как инициатива частного лица, стремившегося выразить благодарность и защитить своего покровителя от необоснованных нападок со стороны недоброжелателей. В мемуарах отсутствуют сведения о заинтересованности отдельных государственных деятелей в распространении данной публикации в русском обществе. А. В. Головнин также не упоминает о значительных денежных средствах МНП, предоставленных барону на научную командировку и в качестве гонорара за напечатанные экземпляры.

Таким образом, А. В. Головнин, вспоминая о своей отставке, в основном использует официально-описательный стиль повествования. Между тем характер рассуждений мемуариста показывает определяющее значение внешних факторов в крушении его государственно-административной карьеры. Многочисленные умолчания, встречающиеся в тексте «Записок», помогают опальному сановнику представить свою министерскую деятельность наилучшим образом. Автор, преуменьшая собственные ошибки, акцентирует внимание современников и потомков на неблагоприятной общественно-политической обстановке в стране, способствующей укреплению «полицейско-преследовательского» направления в правительстве. В мемуарах прямо не сообщается о внутривнутриполитическом конфликте в высших правительственных структурах, но логика изложенных фактов подводит читателя к пониманию той роли, которую

сыграла борьба политических элит в процессе смещения А. В. Головнина с занимаемой должности.

Ссылки

1. Гальперина Б. Д. Александр Васильевич Головнин и его «Записки для немногих» // Головнин А. В. Записки для немногих. СПб.: Нестор-История, 2004. С. 12–27.
2. Стаферова Е. Л. А. В. Головнин и либеральные реформы в просвещении (первая половина 1860 гг.). М: Канон, 2007. 511 с.
3. Веселовский К. С. Записки и воспоминания о моем лицейском товарище, бывшем министре народного просвещения Александре Васильевиче Головнине. СПб., 2016. 120 с.
4. Головнин А. В. Записки для немногих. СПб.: Нестор-История, 2004. 577 с.

В статье на основании вещественных и письменных источников реконструируются основные этапы истории села Тетеринского вблизи летописной Нерехты на протяжении XIII–XVIII вв.: поселок переселенцев, феодальная вотчина, монастырское владение. Для изучения раннего периода истории села (до XV в.) наиболее информативны археологические работы, последующий период документирован письменными источниками.

Ключевые слова: средневековье; памятник археологии; историческое село; феодальная вотчина; монастырь.

In the article on the basis of material and written historical sources the main stages of the history of the village Teterinsky near the annalistic Nerekhta during XIII–XVIII centuries are reconstructed: the village of settlers, the feudal patrimony, the monastery patrimony. To study the early period of the village history (up to the 15th century) archaeological materials are most informative. The next period is documented by written sources.

Keywords: the Middle Ages; archaeological object; historic village; feudal patrimony; monastery.

А. Ю. Бутин (Игумен Антоний)

Успенская Тетеринская пустынь

E-mail: igumenantoniy@mail.ru

В. Л. Щербаков

Костромской государственной историко-архитектурный и художественный музей-заповедник

E-mail: Scherbakov-V-L@yandex.ru

**История села Тетеринского
в свете письменных и археологических источников
(опыт историко-археологического исследования)**

Научная статья

Igumen Antony (Butin)

Uspenska Teterinska pustin

V. L. Scherbakov

Kostroma State Historical, Architectural and Arts Museum-Reserve

**The History of the Village of Teterinsky
According to the Written and Archaeological Sources
(the Experience of Historical and Archaeological Research)**

Scientific Article

Тетеринское – одно из крупнейших исторических сел в округе летописной Нерехты. Но письменных свидетельств существования населенного пункта на месте Тетеринского в XII–XIV вв. нет. Единственным источником информации о раннем периоде истории этого сельского поселения являются данные археологических исследований. На территории Тетеринского известен один памятник археологии – селище Тетеринское. Памятник занимает высокий мыс надпойменной террасы, прорезанной оврагом с протекающей

по нему р. Бобровец (приток р. Солоницы, правого притока р. Волги), средневековое селище локализуется на правом берегу р. Бобровец (рис. 1). Памятник археологии выявлен в 1975 г. Н. В. Малиновской [1].

В 2012–2014 гг. археологической экспедицией Костромского музея-заповедника проведены археологические исследования селища [2–4], культурный слой изучен в общей сложности на площади 84 м², заложено два шурфа и два раскопа, зачищено обнажение культурного слоя (рис.1).

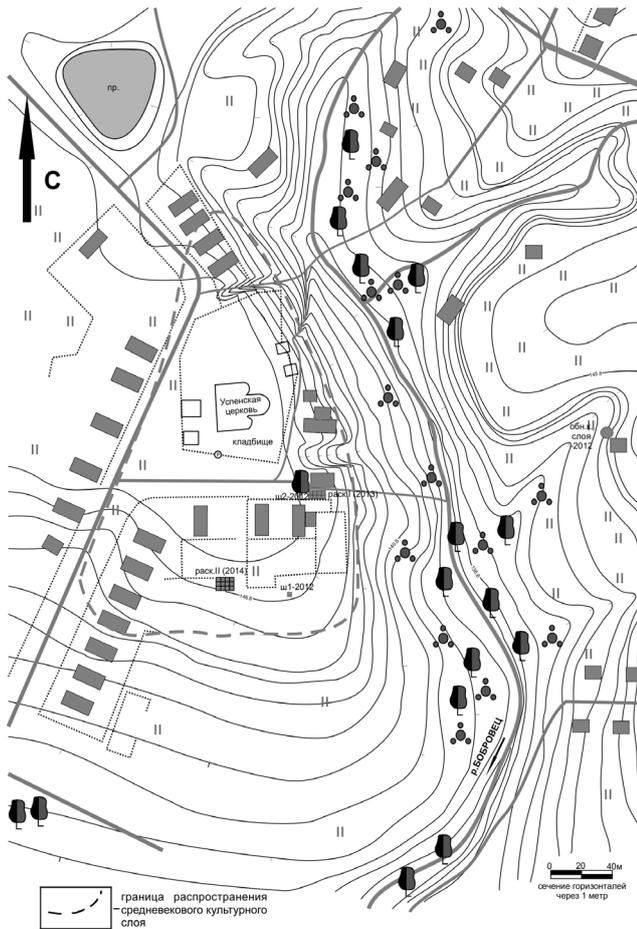

Рис. 1. План села
с указанием археологических объектов

В 2012 г. в овраге на левобережье р. Бобровец, к востоку от Успенской церкви с. Тетеринское, собрана коллекция керамики XVIII–начала XX в., прослежен горизонт культурного слоя XVIII–первой половины XIX в., что не противоречит графическим источникам: на планах генерального межевания 1792 г. Тетеринское обозначено на обоих берегах р. Бобровец [5]. В шурфах на правом берегу реки собраны материалы, относящиеся к XIII–XX вв.

В 2013 г. на участке, примыкающем к шурфу № 2, заложен археологический раскоп площадью 32 м² (рис. 1). Верхний горизонт культурного слоя на участке закладки раскопа был нарушен многолетней огородной распашкой. Культурный слой XIII–XV вв. оказался полностью переработанным в процессе образования напластований XVI–XVII вв., отложения XIII–XV вв. сохранились только в материковых ямах. На уровне материка были выявлены контуры разновременных ям, являющихся заглубленными частями назем-

ных построек (рис. 2). Выявленные постройки датированы следующим образом: постройка 1 (яма № 4) — второй половиной XIII–первой половиной XIV в.; постройка 2 (яма под скоплением обожженной глины 2) — конец XIV–XV в.; постройка 3 (яма № 2) — XVI–первая половина XVII в.; постройка 4 (яма № 1) — вторая половина (конец?) XVII–XVIII в. Установить конструктивные особенности построек не представляется возможным ввиду перемешанности вышележащих напластований, однако во всех четырех случаях можно предположить наличие в них отопительных устройств, на что указывает присутствие в заполнении прокаленных камней (яма № 4) и мощных прослоек обожженной и слабообожженной глины (ямы № 1, 2, яма под скоплением обожженной глины 2). Вероятно, во всех случаях сооружения имели срубную конструкцию стен, поскольку следы столбовых конструкций отсутствуют. Обилием находок выделяется постройка 2, входящая в состав усадебного комплекса XIV–XVI вв. (рис. 3, № 1–6). При разборке заполнения найдены кудельная и одежная булавки, бронебойный наконечник стрелы, крест-энколпион, железный нож, днище керамического сосуда с клеймом, фрагмент импортной посуды. Очевидно, что раскоп № 1 затронул жилую зону селища второй половины XIII–XVIII вв.

Раскоп № 2 (2014 г.) заложен в 100 м. к югу от Успенской церкви на площадке за линией современных домовладений и приусадебных участков. Площадь раскопа составила 48 м². Состояние культурного слоя оказалось аналогичным зафиксированному в раскопе № 1. На уровне материка были зафиксированы контуры многочисленных ям (рис. 4). Особый интерес представляет мусорная яма (яма № 3), датированная второй половиной XIV–первой половиной (началом?) XV в. Из ямы происходят разнообразные вещевые находки (рис. 3, № 7–17, 21). Указанная яма прорезала северную часть ямы № 5, являвшейся углубленной в землю частью наземной постройки (№ 5 общей нумерации построек) второй половины XIII–первой половины XIV в. В заполнении постройки выявлены находки, свидетельствующие, наряду с отсутствием остатков отопительного устройства, о ее хозяйственном назначении (стамеска, кость со следами обработки). Значительную часть площади раскопа занимал объект № 1, предположительно атрибутированный как заглубленная в землю часть постройки (№ 6 общей нумера-

ции построек). В заполнении, помимо керамики, было найдено несколько предметов, в том числе два железных ножа. Объект датирован в пределах XIV в. Остальные зафиксированные в раскопе ямы имеют небольшие размеры, относятся к разным периодам в пределах второй половины XIII–XIX в. На основании анализа результатов раскопок изученный в 2014 г. участок можно определить как часть периферийной, хозяйственной зоны поселения во второй половине XIII–XIX в.

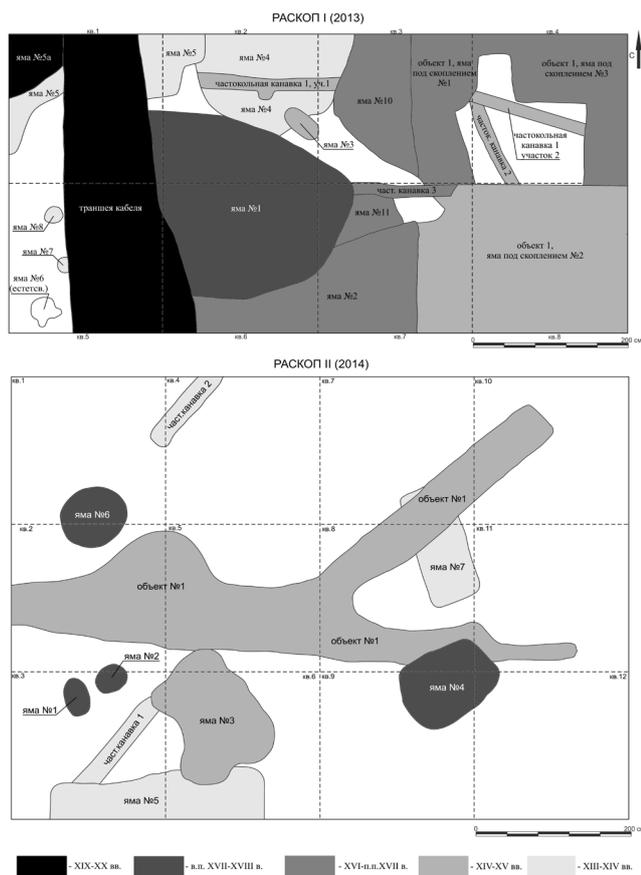

Рис. 2. Разновременные постройки и объекты в археологических раскопах 2013 и 2014 гг.

Отдельной характеристики заслуживают найденные в раскопе № 2 предметы конской упряжи (рис. 3, № 14–20). В их числе две накладки, датированные (на основании аналогий) XIV–первой половиной XV в. [6, с. 186, рис. 7], либо второй половиной XIV–началом XV в. [7, с. 92, 327, рис. 77], крепление ремня шпоры [8, с. 334, рис. 88, № 16] (рис. 6) из комплекса второй половины XIII–первой половины XIV в. и два фрагмента кольчатых удил. Наличие таких предметов и достаточно точно определенная хронологическая позиция части из них указывают на пребывание на селище представите-

лей владельческого сословия в XIV–первой половине (начале) XV в., что согласуется со сведениями письменных источников о принадлежности села Тетеринского рода Остеевых до начала XV столетия [9, с. 12].

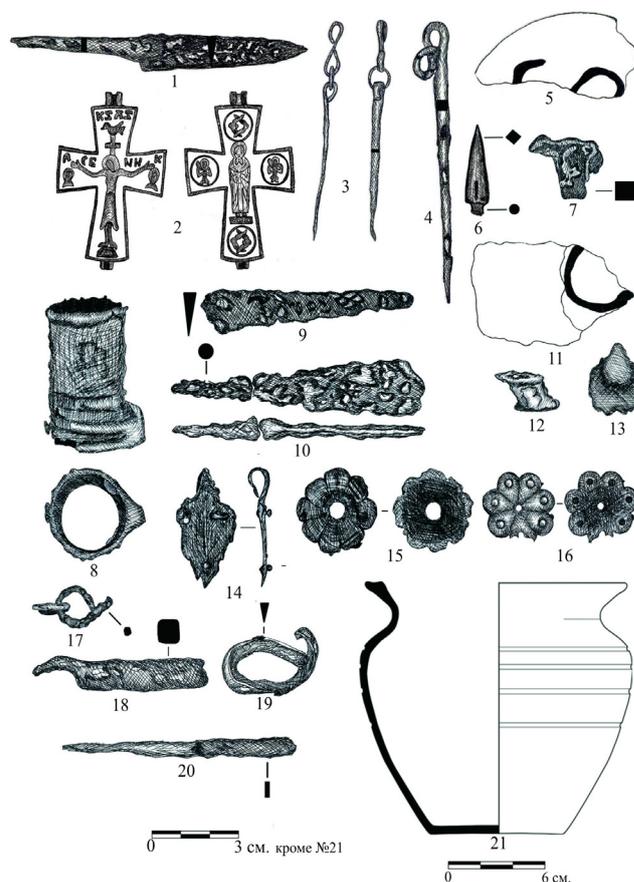

Рис. 3. Предметы, найденные в ходе раскопок в Тетеринском в 2013–2014 гг.:

1 – нож; 2 – крест-энколпион; 3 – булавка; 4 – кудельная булавка; 5 – фрагмент дна сосуда с клеймом; 6 – наконечник стрелы; 7 – костьль; 8 – корпус пружинного цилиндрического замка; 9 – нож; 10 – наконечник стрелы-срезня; 11 – фрагмент дна сосуда с клеймом; 12, 13 – заклепки; 14 – крепление ремня шпоры; 15, 16 – накладки на конскую упряжь; 17, 18 – фрагменты удил; 19 – нож; 20 – стамеска; 21 – реконструкция сосуда.

Анализ результатов трехлетних работ позволяет выдвинуть предположение о времени основания села и обстоятельствах его возникновения. Вероятно, появление на данном участке поселения во второй половине XIII в. связано с оттоком населения из центральных районов Северо-Восточной Руси в периферийные районы в связи

с неоднократными походами монголо-татар. Идея об оттоке населения из центральных районов Северо-Восточной Руси в связи с ордынскими походами не нова [10, с. 122].

Период истории села XV–XIX вв. несравненно лучше документирован письменными источниками, чем предшествующий. В первой трети XV в. Тетеринская вотчина была передана Андреем Хрулем (Остеевым), бездетным внуком наместника г. Коломны боярина Александра Остея, который в 1385 г. был вероломно пленен в числе других бояр рязанским князем Олегом, разграбившим Коломну, Переяславскому Горицкому монастырю. В монастырском синодике после 6928 (1420) г. записано: «Село Тетеринское октября в 1 день дал Андрей Романович Остеев по деде своем Александре и по бабе своей Марье и по отце своем Романе, и по матери своей Вассе» [9, с. 12]. В «Описной книге казны» Переяславского Горицкого монастыря, составленной в 1697 г., упоминаются в числе хранившихся в монастыре древних актов XV–начала XVI в. две грамоты, касающиеся села Тетеринского, которое, к сожалению, не смогли верно локализовать составители третьего тома Актов социально-экономической истории Северо-Восточной Руси: 1. «Жалованная грамота великой княгини Марфы с. Тетеринского с деревнями о дани и оброке, лета 91 марта в 9 день»; 2. «Жалованная грамота великого князя Ивана Васильевича в Ростов (?) на с. Тетеринское с деревнями, что с посадскими людьми тягла тянуть не велено, 95 года января в 30 день» [11, с. 131].

В писцовых книгах Павла Волинского и Юрия Шевелева 1627–1628 гг. в селе Тетеринском упоминаются монастырский двор, двор приказчика, 23 крестьянских и бобыльских двора, церковь Николы Чудотворца с двумя приделами Успения Богородицы и Даниила Пророка «древянна вверх», при которой было кладбище, теплая церковь мученицы Параскевы Пятницы, на церковной земле 5 дворов, в которых жили поп, два дьячка, пономарь и просфорница, и 6 келий для нищих [12, с. 68]. В 1653 г. при церкви значатся 2 двора поповых, 3 двора церковных причетников, 4 двора церковных бобылей, двор монастырский, в вотчине 277 дворов крестьянских и 22 двора бобылей, церковной пашни 15 чети в поле, сена 50 копен [12, с. 68].

К началу XVIII в. деревянная Никольская церковь (построена в 1615 г.) обветшала и пришла в упадок. Возникла необходимость в постройке

в Тетеринском новой церкви. По распоряжению нового настоятеля Горицкого монастыря архимандрита Льва 18 июня 1720 г. в Синодальный Казенный Приказ подано было прошение от тетеринских священно-церковнослужителей о постройке каменного храма [13]. Начиная с 1697 г. ряд царских указов запрещал возводить новые церковные постройки без именного указа государя. Ответ на челобитную последовал через два года. Монастырским приказом «1722 г. июля 5 запечатан указ о строении церкви по челобитью села Тетеринского церковного целовальника Семена Борисова, велено в том селе, вместо ветхой деревянной церкви, построить вновь церковь каменную во имя Успения Пресвятыя Богородицы, да в приделе с теплою трапезою во имя Николая чудотворца, пошлин 13 алтын 2 денги» [14, с. 79]. «Трудами и тщанием строителей Гавриила и Василия Степановых с приходскими людьми» на месте ветхой деревянной Никольской церкви была построена новая каменная Успенская церковь с шатровой колокольнею за три летних строительных сезона.

Перед секуляризацией Тетеринская вотчина состояла из 14 деревень и нескольких пустошей. Описание деревень Тетеринской вотчины было составлено в ходе ревизии 1744 г.; упомянуты следующие деревни: Векторово, Денисово, Малыгино, Дехтерово, Кишкино, Пленино, Жуково, Добрынино, Иванищево, Бекнево, Якушевка, Оголихино, Горки, Пятино. В Тетеринском на тот момент было 72 души мужского пола; упоминается пруд размерами 50 на 24 сажени и монастырский двор с разнообразными строениями. Примечательно, что по количеству душ мужского пола деревня Добрынино в 1744 г. превосходила Тетеринское [15, с. 8–19].

Таким образом, со второй половины XIII в. Тетеринское последовательно проходит в своей истории несколько этапов: поселок переселенцев, бежавших от татарских набегов второй половины XIII в., феодальная вотчина XIV–начала XV в., монастырское владение XV–XVIII вв. (до секуляризации). Во второй половине XVIII–XIX в. Тетеринское – религиозный и административный центр небольшой округи. Этот период сознательно не рассматривается нами в рамках данной статьи как требующий отдельной обстоятельной характеристики.

Реконструкция этапов истории села Тетеринского на протяжении более чем полутысячелетнего отрезка стала возможной только на основании комплексного подхода, предполагающего

использование вещественных и письменных источников, результатов археологических и историко-архивных изысканий. Данный подход представляется оправданным при изучении исторических городов и сел Костромского края и других регионов.

Ссылки

1. Паспорт памятника археологии «Тетеринское, селище, XII–XIII, XIV–XVII вв.» // Инспекция по охране объектов культурного наследия Костромской области.
2. Щербаков В. Л. Отчет об археологическом обследовании селища Тетеринское XII–XIII, XV–XVII вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2012 г. Кострома, 2013 // Костромской музей-заповедник.
3. Щербаков В. Л. Отчет об археологических раскопках селища Тетеринское XII–XIII, XIV–XVII вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2013 г. Кострома, 2014 // Костромской музей-заповедник.
4. Щербаков В. Л. Отчет об археологических раскопках селища Тетеринское XII–XIII, XIV–XVII вв. в Нерехтском районе Костромской области в 2014 г. Кострома, 2014 // Костромской музей-заповедник.
5. Генеральный геометрический план городу Нерехте и уезду, состоящему в Костромском наместничестве. Сочинен в Нижегородской межевой конторе в 1793 году. Копия. URL: <http://www.starayakarta.com/plany-generalnogo-mezhevaniya-rpm> (дата обращения: 08.02.2017).
6. Блохина О. А. Исследования на селище Старбеево близ города Химки // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. М.: ИА РАН, 2010. Вып. 6. С. 180–195.
7. Лапшин В. А. Тверь в XIII–XV вв. (по материалам раскопок 1993–1997 гг.). СПб., 2009. 540 с.
8. Археология Романова Двора: предыстория и история центра Москвы в XII–XIX вв. / автор-сост. Н. А. Кренке. М.: ИА РАН, 2009. 524 с. (Материалы охранных археологических исследований. Т. 12.)
9. Титов А. А. Синодики XVII в. Переславского Горицкого монастыря. М. 1902. 16 с.
10. Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 350 с.
11. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XVI в. М.: Наука, 1964. Т. 3, № 94а. С. 131.
12. Костромского уезда: дворцовые, вотчинные, помещичьи, патриаршьи, монастырские вотчины и поместные села, погосты, деревни и пустоши с их церквями и церковными землями по пожалованным грамотам, по писцовым, переписным, дозорным, отказным и другим документам XV–XVIII вв. // Материалы для истории сел, церквей и владельцев Костромской губернии. Отдел третий для Костромской и Плесской десятин. М.: типография Русского Товарищества, 1912. Выпуск пятый. 235 с.
13. Агриколянский П. И. Священник. О начале села Тетеринского. Рукопись. 1808 // ОР РНБ Ф. 775: Титов А. А. Д. 4008. Л. 792–796.
14. Материалы для истории костромской епархии. Костромская десятина жилых данных церквей 1628–1710 и 1722–1746 гг. Кострома: Губернская типография, 1908. 276 с.
15. Смирнов М. Костромские вотчины Переяславского Горицкого монастыря (материалы) // Исторический сборник. Кострома: Типография губернского земства, 1917. 46 с.

В статье рассматривается формирование института уполномоченных при Совете по делам Русской православной церкви по материалам Ярославской области. Показаны основные направления работы уполномоченных как посредников между государством и церковью. Выявлены особенности полилога между уполномоченными, представителями Русской православной церкви и паствы в Ярославской области.

Ключевые слова: уполномоченный Совета по делам РПЦ; ходатайства об открытии церквей; религиозные объединения; репрессированные священники; верующие.

The article considers the formation of the institution of the commissioners of the Council for the affairs of the Russian Orthodox Church in the Yaroslavl region. The author shows the main directions of work of the commissioners as intermediaries between the state and the church. The peculiarities of the polylogue between the commissioners, the representatives of the Russian Orthodox Church and the congregation of the Yaroslavl region are revealed.

Keywords: the commissioners of the Council for the affairs of the Russian Orthodox Church; petitions for the opening of churches; religious associations; repressed priests; believers.

Д. А. Буюкли

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: darya.buyukli@mail.ru*

**Становление института уполномоченных
при Совете по делам Русской православной церкви
(по материалам Ярославской области)**

Научная статья

D. A. Buiukli

P. G. Demidov Yaroslavl State University

**The Formation of the Institution of the Commissioners
of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church
in Yaroslavl Region**

Scientific Article

1943 год — знаковый в государственно-церковной политике СССР. Эволюцию политики партии в отношении Русской православной церкви (далее — РПЦ) определил ряд факторов: необходимость открытия второго фронта, активная патриотическая деятельность религиозных организаций в тылу, осознание руководством страны возможности использования потенциала РПЦ для усиления авторитета СССР на международной арене. Как отмечает исследователь М. И. Одинцов, внешние причины: «стремление сузить возможности немецкой пропаганды по использованию религиозных проблем, желание снять в общественных кругах стран-союзниц предубеждение в отношении церковного курса советского правительства и, наконец, намерение сплотить все антифашист-

ские силы, включая и религиозные организации, — предопределили шаги Сталина по дальнейшей нормализации государственно-церковных отношений» [1, с. 272].

Как следует из доклада в ЦК ВКП(б) Совета по делам русской православной церкви об итогах работы за 1946 г., начало сотрудничества государства и РПЦ в 1943 г. было тесно связано с внешней политикой СССР. В докладе отмечается, что «проведенная значительная подготовительная работа за границей позволяет использовать Московскую Патриархию для осуществления в 1947–1948 гг. ряда новых мероприятий, имеющих принципиальное и политическое значение» [2, с. 902–905].

Офицеру НКВД Георгию Григорьевичу Карпову было поручено подготовить совещание церковных

иерархов с И. В. Сталиным 4 сентября 1943 г. Выбор был определен его биографией. Как отмечает М. И. Одинцов, «начиная с 20-х гг. Карпов работал в тех структурных подразделениях ВЧК-ОГПУ-НКВД, которые имели непосредственное отношение к деятельности религиозных организаций на территории северо-запада России» [1, с. 273].

По итогу встречи были приняты решения, которые определили характер церковно-государственных отношений на годы вперед. Как следует из записки Г. Г. Карпова о приеме И. В. Сталиным деятелей Русской Православной Церкви, «тов. Сталин сказал, что Совет будет представлять собою место связи между Правительством и церковью и председатель его должен [докладывать] Правительству о жизни церкви и возникающих у нее вопросах» [3, с. 290]. По настоятельной просьбе Сталина Собор для выбора Патриарха необходимо было собрать в течение нескольких дней – до приезда представителей Англиканской церкви. Епископам даже были предоставлены самолеты для скорейшего прибытия в Москву.

В Положении о Совете от 7 октября 1943 года говорилось, что этот орган осуществляет связь «между Правительством СССР и Патриархом Московским и всея Руси по вопросам Русской православной церкви, требующим рассмотрения Правительства СССР» [4]. Кроме того, основная задача состояла в принятии решений об открытии церквей. Постановление Совнаркома СССР «О порядке открытия церквей» от 28 ноября 1943 г. определяло данный процесс: ходатайство верующих после одобрения местным органом власти пересылалось в Совет, который утверждал его и передавал в Совнарком на одобрение. Еще одной важной функцией было подготавливать сообщения от имени ТАСС для публикации в газете «Известия» или для радиозэфира.

Изначально данный орган включал в себя 5 человек [5, с. 16], но штат постепенно увеличился. Расширение состава сотрудников, согласно распоряжению Совнаркома № 19036 от 5 октября 1944 г. [6], шло по пути увеличения должностей, вовлеченных в документооборот. Первым председателем стал офицер НКВД Георгий Григорьевич Карпов. Ему в течение 10 лет приходилось совмещать работу в НКВД и руководство Советом. Выбор председателя оказался весьма удачным — это был достаточно мудрый человек, понимающий всю силу и хрупкость своего положения. Судя по письмам патриарха Алексия в Совет по

делам РПЦ, между ним и Георгием Григорьевичем сложились достаточно теплые и доверительные отношения. Патриарх часто советовался с Карповым, справлялся о его здоровье. Одним из способов поддерживать конструктивные отношения был обмен подарками. На 77 день рождения патриарх Сергей получил золотые часы с цепочкой, ткань для пошива трёх ряс, 6 пар нательного белья и дефицитные в годы войны деликатесы [7, с. 269]. Презенты также получали и члены Священного Синода на Пасху, Новый год и другие памятные даты. Подарки всегда сопровождалась поздравительными словами или в редких случаях телеграммами и тепло принимались иерархами церкви.

По Положению о Совете по делам Русской Православной Церкви Совет имеет при Совнаркомах союзных и автономных республик, обл(край) исполкомах своих уполномоченных. По мнению исследователя деятельности Совета по делам РПЦ Т. А. Чумаченко, «руководство Совета не имело формальных рычагов влияния на назначение уполномоченного – кадровый состав формировался областными комитетами партии, работа уполномоченных и полагающиеся им социальные выплаты также должны были производиться из местного бюджета» [8]. Очень трудным для председателя Совета и его уполномоченных на местах был вопрос о передаче РПЦ мощей святых, многие из которых находились в краеведческих музеях и музеях религий. Решения принимались в зависимости от того, были ли ходатайства верующих о возвращении этих реликвий церкви или нет и как много посетителей музеев могли видеть такие выставочные экспонаты. Совет по делам РПЦ обрабатывал в том числе ходатайства об амнистии репрессированных священников.

За первые же месяцы пришлось изменить порядок регистрации религиозных обществ и групп верующих [7, с. 245–248]. Решение об открытии церкви должны были принимать совнаркомы области или края, ставя в известность уполномоченного при Совете по делам православной церкви на местах и верующих, подписавших заявление. В своем решении СНК должны были руководствоваться следующим: сколько человек ходатайствует об открытии церкви, когда и на каком основании была закрыта церковь, в каком состоянии она находится сейчас, каково расстояние до ближайшей церкви. Если ходатайство решено было удовлетворить, то свое предварительное решение Совнарком отправлял в Совет, а тот — в Правительство.

Уполномоченный Совета на местах выполнял работу по учету и предварительной обработке заявлений. Если в данной области или крае имелась действующая епархия, уполномоченному необходимо было узнать мнение епископа на этот счет. Если мнение епископа было не удовлетворить ходатайство, то эту новость сообщать верующим должен был именно он.

Уполномоченные были не во всех краях и областях. В 1946 г. их было 112 человек. На эту должность часто попадали случайные люди. Г. Карпов в 1946 г. писал, что 20 уполномоченных «либо инвалиды, либо тяжелобольные (туберкулез, язва желудка, припадки и т. д.)» [9, с. 37]. Обычно в подчинении у уполномоченного находились машинистка и секретарь.

22 июня 1944 г. решением исполкома Ярославского областного Совета депутатов трудящихся за № 959 утверждена должность уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР по Ярославской области, подчиняющегося в своей деятельности Совету по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР [10]. Только к концу 1944 г. ему и его аппарату были выделены две комнаты и два письменных стола для ведения дел [11, л. 7]. За 2 года существования Совета сменились 4 уполномоченных. Первый из них, Николай Иванович Борисов, проработал меньше полугода. В июле 1947 г. эту должность занял Николай Геннадьевич Цыганов.

В своей деятельности уполномоченный Совета по делам РПЦ в Ярославской области решал такие же задачи, как и его коллеги по всей стране. Но уже в первые годы существования этой должности в области возникло несколько нетипичных ситуаций. К ним можно отнести, например, вопрос о передаче РПЦ мощей Святителя Иркутского Иннокентия, поставивший в замешательство руководителей Совета по делам РПЦ. Верующие города Иркутска обратились к патриарху Алексию с просьбой вернуть мощи Святителя Иркутского Иннокентия из ярославского музея-заповедника обратно в Иркутск. Патриарх, поддержав ходатайство верующих, обратился с соответствующей просьбой в Совет. Г. Г. Карповым вместе с уполномоченным по Ярославской области Н. Г. Цыгановым было принято решение посетителей к мощам не допускать, заключения по передаче мощей не принимать. Позднее председателем Совета в докладной записке Совету министров СССР было внесено предложение составить списки мощей,

о возвращении которых возбуждались ходатайства и в отношении которых ходатайств не поступало. Реликвии из второго списка предлагалось собрать в Музее религии в Москве и уничтожить, а мощи из первого списка по решению Совета министров передать РПЦ, так как «эти «мощи» могли видеть духовенство и верующие, они знают местонахождение и состояние их» [5, с. 284].

Уполномоченный также составлял ходатайства об амнистии репрессированных священников. Подобный документ из Ярославской области был направлен Г. Г. Карпову. В нем содержалась просьба решить скорейшим образом судьбу 26 священнослужителей, в числе которых был Борисовский митрополит Павел Ярославский [7, с. 79]. К сожалению, к моменту написания ходатайства в 1943 г. он был уже расстрелян [12, с. 77].

Священники-обновленцы апеллировали через Совет и патриарха о возвращении в РПЦ, и ярославский обновленческий епископ Корнелий Попов был не только принят в ряды епископов РПЦ, но и назначен управляющим новоучрежденной Сумской епархии (город Сумы) [7, с. 266].

Из доклада Карпова начальнику управления пропаганды видно: Ярославская область отличалась тем, что процедура рассмотрения ходатайств об открытии церквей в области нарочно затягивалась и даже имели место факты обмана верующих. Так, «по ходатайству верующих об открытии церкви в с. Павлово Борисоглебского района Ярославской области райисполком предложил им уплатить недоимки по налогам с 1939 по 1943 гг. в сумме 27 тысяч рублей, что верующими и было выполнено. При повторном обращении верующих за разрешением производить церковные службы райисполком предъявил требование о производстве ремонта. Верующие, собрав 18 тысяч рублей, предложение райисполкома выполнили. Отремонтированное здание занято райисполкомом под склад зерна, а верующим предложено пользоваться церковью, находящейся в 12 километрах от с. Павлово» [7, с. 481]. Неудивительно, что многие церкви работали без разрешения и ведома уполномоченного по делам РПЦ. По неполным данным в Ярославской епархии «в феврале 1944 года самостоятельно действовало более 90 церквей» [13, с. 207].

Из Ярославской области за первые месяцы работы Совета поступило достаточно большое количество заявлений (28) об открытии церквей [7, с. 245]. Карпов в докладной записке Молотову отметил нашу область в числе первых семи самых

активных по этому показателю. К середине 1945 г. Ярославская область всё ещё сохраняла за собой шестую строчку «рейтинга» по стране – 150 заявлений с момента начала работы Совета [7, с. 479]. Большинство исследователей данной проблемы призывают не связывать напрямую количество ходатайств с возросшей активностью религиозной жизни в регионе. Во многом этот процесс можно объяснить тем, что церковные постройки несильно пострадали в годы войны, сохранился их внешний облик, элементы внутреннего убранства. Тем не менее такое большое количество обращений внесло свою лепту в дальнейшее восстановление религиозной жизни. Ю. В. Гераськин и А. Ю. Михайловский в статье «К вопросу о массовом характере ходатайств верующих об открытии храмов в 1940–50-е гг.» предлагают оценивать по достоинству потенциал прошений в качестве сдерживающего фактора на пути к закрытию храмов в более поздний период [14, с. 125].

Обобщив материалы фонда уполномоченного по делам РПЦ по Ярославской области Государственного архива Ярославской области (далее — ГАЯО), можно выделить несколько районов, откуда поступило наибольшее количество ходатайств об открытии церквей. Это Мышкинский, Даниловский и Ярославский районы [10]. Положительные решения об открытии церквей принимались редко: в первые годы работы совета не открыли ни одной церкви. Наиболее распространенные причины отказа: 1) наличие другой церкви неподалеку (иногда на расстоянии 8-9 километров), 2) использование здания церкви под другие нужды (склад зерна, кинотеатр, машинно-тракторные станции (далее – МТС) и т. д.), 3) нарушение общиной договора по ремонту церкви или проведение несанкционированных сборов. Кроме того, важным фактором было количество людей, подписавших под заявлениями. По материалам ГАЯО половина ходатайств об открытии церквей не была поддержана большинством верующих данного населенного пункта. Загадкой остается система подсчета верующих советским правительством. Однажды церковные активисты из села Прилуки (Угличский район), не набрав нужного количества подписей, пошли на обман и включили в списки «мертвые души», а некоторых верующих вписали дважды [11, л. 18]. Обман раскрыли. Безусловно, такие поступки не способствовали установлению доверительных отношений между церковным активом и уполномоченным по Ярославской области.

Расположение действующих церквей в области было очень неравномерным. По данным, переданным управляющим по делам РПЦ по Ярославской области Г. Г. Карпову, в трёх районах области не было действующих церквей, тогда как в Некрасовском районе их было 16 [7, с. 477]. Хотя, конечно, нельзя не учитывать тот факт, что Некрасовский район Ярославской области — один из самых крупных районов. Он располагается на обоих берегах реки Волги, и моста, соединяющего два берега, в этом месте нет. Этим можно частично объяснить количество действующих церквей в этом районе.

В юрисдикцию уполномоченного также входила обработка документации на закрытие церквей. В годы войны к этому процессу подходили с большой осторожностью — церкви закрывались только при наличии веской на то причины. Так, в период с 1941 по 1945 г. в области было закрыто не более 10 церквей [10, 11], причем каждый раз решение принималось с участием представителей краеведческого музея. Только одну из них определили под снос — церковь в селе Рябина пришла в негодность и угрожала обвалом [15, л. 5]. Начиная с 1948 г. вопрос о переоборудовании и сносе церквей поднимается в разы чаще. Основными причинами закрытия церквей были отсутствие ходатайств об открытии, необходимость использовать помещение под производственные нужды и наличие неподалеку другой действующей церкви.

После войны количество рассматриваемых ходатайств резко сократилось. Число прошений к 1948 г. уменьшилось почти в четыре раза, а к 1952 г. — ещё вдвое (по материалам ГАЯО). Историк М. И. Одинцов связывает эти факты со следующими событиями в политической жизни страны: «Критика деятельности Совета на Секретариате ЦК, игнорирование «Директив», отсутствие четкой ориентировки от правительства привели к тому, что среди сотрудников аппарата Совета в неофициальных разговорах стала муссироваться тема о «новой линии» в отношении к религиозным организациям, о том, что «работа Совета не нужна, она идет вразрез с линией нашей партии» [1, с. 362].

Таким образом, проанализировав деятельность уполномоченного при Совете по делам РПЦ в Ярославской области в первые годы существования, можно заметить некоторые типичные черты в работе этого института. Уполномоченный следил за выполнением распоряжений правительства, готовил отчет о религиозной жизни в регионе, занимался учетом церковных зданий. Необходимо было

также рассматривать заявления об открытии церквей, докладывать о деятельности религиозных объединений и священнослужителей, устанавливая связи с епархией. Отметим некоторые ключевые особенности, отличавшие Ярославскую область от других: поверхностное взаимодействие с епархией, особая активность верующих (о чем, в частности, говорит количество заявлений об открытии церквей), более жесткое администрирование в отношении религиозных активистов и наличие нескольких нетипичных для страны в целом конфликтных ситуаций. Подводя итог, стоит заметить, что, несмотря на сложности во взаимопонимании верующих и уполномоченных, уполномоченных и Совета, Совета и Правительства, начало конструктивного диалога между РПЦ и руководством страны дало новый толчок религиозной жизни паствы.

Ссылки

1. Одинцов М. И. Русская православная церковь накануне и в эпоху сталинского социализма, 1917–1953 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 424 с.
2. Данилушкин М. Б. История Русской Православной Церкви. Новый патриарший период. Т. 1: 1917–1970. СПб.: Воскресение, 1997. 1020 с.
3. Одинцов М. И. Русские патриархи XX века. М.: РАГС, 1994. 334 с.
4. ГАРФ. Ф. Р. 6991. Оп. 2. Д. 29. Л. 4. Машинописная копия.
5. Письма патриарха Алексия I в Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров – Совете министров СССР. Т. 1: 1945–1953 гг. / под ред. Н. А. Кривовой. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 847 с.
6. Распоряжение № 19036 от 5 октября 1944 года. URL: http://www.bogoslov.ru/text/1415465.html#_edn5
7. Русская Православная Церковь в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: сборник документов / сост.: О. Ю. Васильева, И. И. Кудрявцев, Л. А. Лыкова. М.: Изд-во Крутицкого патриаршего подворья, 2009. 765 с.
8. Чумаченко Т. А. Совет по делам Русской православной церкви при Совете министров СССР и его уполномоченные в первой половине 1960-х годов: структура, формы и методы работы // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 30. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/soviet-po-delam-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-pri-sm-sssr-i-ego-upolnomochennye-v-pervoy-polovine-1960-h-godov-struktura-formy-i-metody-raboty>
9. Горбатов А. В. К вопросу о статусе уполномоченных по делам религии в Сибири (1943–1969 гг.) // Государство и церковь в XX веке: эволюция взаимоотношений, политический и социокультурный аспекты. Опыт России и Европы. М.: ЛИБРОКОМ, 2011. С. 35–47
10. ГАЯО. Ф. Р – 1033. Оп. 1. Д. 1. Историческая справка.
11. ГАЯО. Ф. Р – 1033. Оп. 1. Д. 2. Л. 7, 18.
12. Не предать забвению: Книга памяти жертв политических репрессий, связанных судьбами с Ярославской областью. / В. П. Голиков [и др.] Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд.-во, 1994. Т. 2. 480 с.
13. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущёве. М.: Крутицкое подворье, 2005. 424 с.
14. Свобода совести в России: исторический и современный аспекты // Сборник докладов и материалов международных, общероссийских и межрегиональных научно-практических семинаров и конференций, 2004–2005. М.: Российское общество исследователей религии, 2005. Вып. 2. С. 564.
15. ГАЯО. Ф. Р – 1033. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

УДК 94(450)

Статья посвящена описанию двух итальянских медалей, которыми награждались участники движения Рисорджименто. Автор рассказывает об истории учреждения, внешнем облике, материалах изготовления и основных встречающихся вариантах этих медалей, а также специфике награждения кавалеров.

Ключевые слова: Италия; Рисорджименто; медаль; аверс; реверс; клеймо; планка.

The article describes two Italian medals, awarded to members of the movement of the Risorgimento. The author tells about the history of the institution, appearance, materials of manufacturing and main occurring variants of these medals, as well as the specifics of awarding the Cavaliers.

Keywords: Italy; Risorgimento; medal; obverse; reverse; mint stamp; bar.

М. В. Кольцов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: votan-mk@mail.ru

Медали итальянского Рисорджименто

Научная статья

M. V. Koltsov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Medals of Italian Risorgimento

Scientific Article

В 2016 г. Италия отметила 155-летие создания единого государства, провозглашенного 17 марта 1861 г., когда король Сардинии Виктор Эммануил II стал первым монархом объединённого итальянского королевства. В течение длительного периода на Апеннинском полуострове отсутствовало государственное единство, а слово Италия было скорее географическим, чем политическим понятием. Только в XIX в. здесь разворачивается широкое национальное движение за освобождение от иноземного присутствия и за объединение страны, известное как Рисорджименто (в переводе с итальянского – «обновление», «возрождение»). В его рамках сформировались два течения, которые взаимодействовали и одновременно конкурировали друг с другом. Первое – революционно-демократическое, олицетворяемое такими выдающимися фигурами, как Джузеппе Мадзини (1805–1872) и Джузеппе Гарибальди (1807–1882). Второе – умеренно-либеральное – имело несколько видных идеологов, но фактическим лидером его являлся Камилло Бенсо ди Кавур (1810–1861). Став в 1852 г. премьер-министром Сардинского королевства, он начал проводить политику, направленную на объединение Италии под эгидой правившей Сардинией Савойской династии.

© Кольцов М. В., 2017

Ключевыми событиями борьбы за единство Италии были три войны за Независимость (1848–1849 гг., 1859 г. и 1866 г.), походы под руководством Дж. Гарибальди (1860 г., 1862 г. и 1867 г.), провозглашение Итальянского королевства (1861 г.) и, наконец, присоединение Рима (1870 г.), формально завершившее эпоху Рисорджименто. Очевидно, что все эти события не могли не найти отражения в наградной системе уже единого государства: целая серия медалей, посвящённых Рисорджименто, занимает особое место в итальянской фалеристике XIX–XX вв. В данной статье мы остановимся лишь на двух, история учреждения которых недостаточно освещена в отечественной специализированной литературе. Среди зарубежных исследований следует выделить опубликованную в 2011 г. работу итальянских авторов Альберто Леарди и Давиде Моччиа, которую можно считать наиболее полным трудом по этой проблематике [1].

Первая из интересующих нас медалей – «Medaglia Commemorativa delle Guerre per L'Indipendenza e L'Unità D'Italia», или в переводе на русский «Памятная медаль Войн за Независимость и Объединение Италии», – была учреждена королевским указом № 2174 от 4 марта 1865 г. [2]. Медаль

предназначалась всем участникам движения за Объединение Италии, воевавшим на суше или на море в составе регулярных войск и добровольческих формирований, начиная с 12 января 1848 г. (дата революционного восстания на Сицилии) и заканчивая провозглашением единого итальянского государства. Впоследствии верхняя граница была продлена вплоть до 20 сентября 1870 г. — даты присоединения Рима к Италии. Медалью награждались не только итальянские, но и иностранные граждане, в частности французские военнослужащие, принимавшие участие в войне 1859 г. с Австрией. Представления к награждению медалью рассматривались специальной Комиссией из 15 членов, созданной королевским указом № 2175 от 4 марта 1865 г. Солдатам и офицерам итальянской армии наградной аттестат (фото 1) и сама медаль вручались бесплатно. Остальные кавалеры, как правило, приобретали медаль (по предъявлению аттестата) либо у Королевского монетного двора либо у многочисленных частных производителей. Решением короля медаль «Воин за Независимость и Объединение Италии» должна была заменить собой все ранее выданные медали за участие в кампаниях и событиях эпохи Рисорджименто. Исключение было сделано лишь для медалей за Крымскую войну (сардинской, британской и турецкой), французских медалей «Святой Елены» и за Австро-итало-французскую войну 1859 г., а также медали за участие в «Походе Тысячи», которая была учреждена городскими властями Палермо в 1860 г [3, p. 47].

В связи с тем, что медаль «Воин за Независимость и Объединение Италии» чеканилась как государственными, так и частными производителями существует значительное количество её вариантов. А. Леарди и Д. Моччия насчитывают, по крайней мере, 73 варианта, оговаривая, что это далеко не окончательное число, и предлагают разделить их на три группы: 1) варианты официальной модели, производимой Королевским монетным двором в Турине (Regia Zecca di Torino); 2) варианты частных производителей с маркировкой (клеймо медальера или фирмы); 3) варианты частных производителей без маркировки (так называемые анонимные варианты) [1, p. 11].

Медали официальной модели чеканились из серебра и имели диаметр 32 мм. Они распространялись в картонной коробочке, на крышке которой методом тиснения были нанесены изображения аверса и реверса медали, а также надпись

«MEDAGLIA COMMEMORATIVA ITALIANA» (фото 2). Автором официальной модели был служивший в то время на Королевском монетном дворе гравёр и медальер Деметрио Канзани (1815–1887). На аверсе медали изображён профиль (голова) короля Виктора Эммануила II, а также

легенда «VITTORIO EMANUELE II RE D'ITALIA» – «Виктор Эммануил II король Италии» (фото 3).

В нижней части королевского профиля располагается клеймо медальера – «CANZANI» (фото 4).

На реверсе медали находится аллегорическое изображение Италии в виде женской фигуры с короной муралис на голове, вооружённой копьём и щитом с гербом Савойской династии. Всё это дополняется круговой надписью: «GUERRE PER L'INDIPENDENZA E UNITÀ D'ITALIA» – «Войны за Независимость и Объединение Италии» (фото 3). Клеймо медальера находится в правой части линии, обозначающей плоскость, на которой стоит женская фигура. Крепление медали – *arriccagnolo* – представляет собой слегка сплюснутый по бокам шарик с продетым сквозь него кольцом. Лента медали шириной 33 мм состоит из 18 вертикальных зелёных, белых и красных полосок, которые 6 раз последовательно повторяют цвета итальянского флага. На ленте могли размещаться серебряные планки (длинной 38 мм и шириной 6 мм) в виде лавровых листьев, перевязанных в центре лентой с датами войн и кампаний эпохи Рисорджименто, в которых кавалер непосредственно принимал участие. Планок существует 8 вариантов: 1) «1848»

– кампания 1848 г. Австро-итальянской войны или Первой войны за Независимость (фото 5);

2) «1849» – кампания 1849 г. Австро-итальянской войны или Первой войны за Независимость (фото 6);

3) «1855–1856» – Крымская война¹ (фото 7);

4) «1859» – Австро-итало-французская война или Вторая война за Независимость (фото 8);

5) «1860–1861» – «Поход Тысячи» под командованием Дж. Гарибальди и присоединение Юга (Фото 9);

6) «1866» – Австро-пруско-итальянская война или Третья война за Независимость (фото 10);

7) «1867» – предпринятый Гарибальди неудачный поход на Рим (фото 11);

8) «1870» – присоединение Рима к Италии (фото 12).

¹ Этот европейский конфликт, конечно же, не имел прямого отношения к Рисорджименто, но участие в нём рассматривалось Сардинией как возможность увеличения своего внешнеполитического авторитета в преддверии решающих войн за объединение Италии.

Планки № 1, 2, 4 и 5 были учреждены одновременно с медалью в 1865 г., планки № 6 и 8 – соответственно 6 декабря 1866 г. и 8 октября 1870 г. Самыми редкими являются планки № 3 и 7, поскольку учреждены они были 21 апреля 1898 г. и 4 января 1900 г., когда большинство участников кампаний уже умерли.

А. Леарди и Д. Моччиа насчитывают четыре варианта медали, произведённой Королевским монетным двором. Первый – самый распространённый, с клеймами медальера на аверсе и реверсе медали. На аверсе второго варианта вместо «CANZANI» стоит только «С». В двух последних случаях клеймо находится только на реверсе.

Гораздо сложнее точно определить количество существовавших вариантов медали, изготовленных негосударственными производителями. Итальянские авторы описывают в своей работе 34 варианта медали с маркировкой и 35 анонимных вариантов. Их диаметр колеблется от 31 до 34 мм. Кроме размера, материала или деталей штампа (форма и размер королевского профиля на аверсе и женской фигуры на реверсе, размер и расстояние между буквами, расстояние между легендой и краем медали), «частники» могут отличаться от официальной модели и типом крепления, например таким, как хорошо знакомое любителям итальянской фалеристики широкое трапециевидное ушко (Cambretta), характерное, скорее всего, для медалей более позднего производства (фото 13). В большинстве случаев материалом для изготовления медалей частного производства служило серебро. Кроме него, мог использоваться медно-цинко-никелевый сплав (так называемый *packfong*, или «белая медь», медали из такого материала маркировались на гурте латинской буквой Р), а также бронза (с серебрением или без). Не включая в предложенную ими классификацию, А. Леарди и Д. Моччиа упоминают также о встречающихся в единичных случаях серебряных медалях с позолотой.

Среди «частников» встречаются медали со следующей маркировкой:

1) «A.C.» – клеймо миланского медальера Анджело Каппуччио;

2) «CASSINA» – клеймо миланского медальера Джованни Кассина (фото 14, 15);

3) «DE GREG.» – клеймо миланского медальера Де Грегорио;

4) «E. FALOT» – клеймо на медалях, произведённых во Франции, среди которых встречаются варианты с более ранним типом изображения короля Виктора Эммануила II, характерного, например, для сардинской медали за участие в Крымской войне (Фото 16);

5) «GRAZIOLI F.» – клеймо миланского медальера Франческо Грациоли;

6) «OLIVERI – NAPOLI» на аверсе и «OLIVERI F.» на реверсе – клейма неаполитанского медальера Ф. Оливери;

7) «S.J.» или «J.» – клейма, встречающиеся на медалях, произведённых известной миланской фирмой Стефано Джонсона (фото 17);

8) «SUDRIE ROMA» на аверсе и «OLIVERI F.» на реверсе – клейма, встречающиеся на медалях римской фирмы Луиджи Судрие, на которых мы можем видеть совершенно иной тип изображения королевского профиля (фото 13);

9) «TACCONET» – клеймо туринского медальера Альбино Такконе;

10) «AMOROSO»; 11) «GRAMAGLIA»;

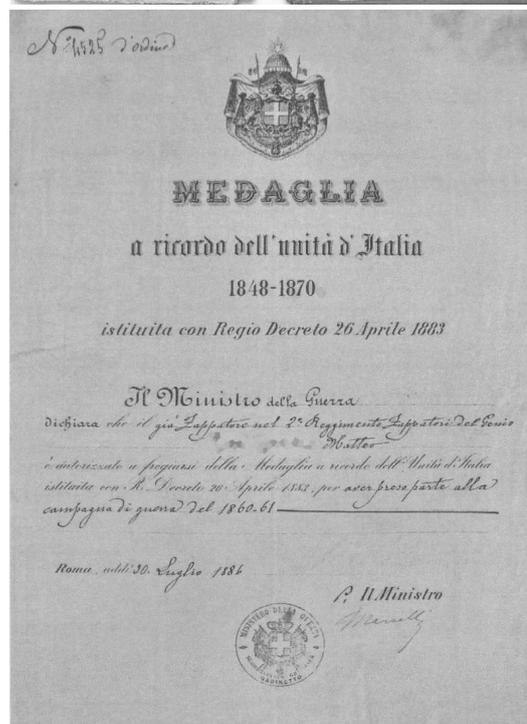
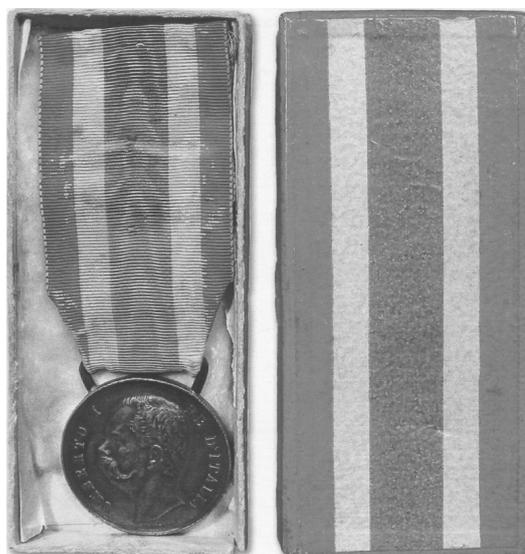
12) «GRECO»; 13) «G M»; 14) «L.R.»; 15) «S.F.».

Среди медалей частного производства без маркировки мы можем встретить как известные нам по первым двум группам типы изображения королевского профиля на аверсе или женской фигуры на реверсе, так и не встречающиеся среди них (фото 18).

Король Умберто I, сын и наследник Виктора Эммануила II, продолжил традицию, заложенную отцом, и со своей стороны также решил отметить всех участников движения за Объединение Италии. С этой целью 26 апреля 1883 г. он учредил «Medaglia a Ricordo dell'Unità D'Italia», или в переводе на русский «Медаль в память Объединения Италии». Правом на награждение этой медалью обладали участники тех же войн и кампаний, что и в случае с медалью «Войн за Независимость и Объединение Италии». Единственным дополнением было то, что в этот перечень вошли участники ещё одного известного события времён Рисорджименто – экспедиции в Сапри 1857 г. под руководством К. Пизакане [3]. Действующим военным служащим медаль (фото 19) и наградной аттестат (фото 20) вручались бесплатно. Остальные награж-

дённые покупали медаль самостоятельно, либо у Королевского монетного двора (по установленной цене в 4,60 лиры), либо у частных производителей.

А. Леарди и Д. Моччиа в своей работе описывают 55 вариантов медали «В память Объединения Италии», которые они, как и в случае с медалью «Войн за Независимость и Объединение Италии», делят на три аналогичные группы. Медали, которые чеканились Королевским монетным двором в Риме (Regia Zecca di Roma), представлены двумя типами. Медали первого типа производились сразу после учреждения этой награды, а второго – на рубеже XIX–XX в. Автором первого типа был

медальер Филиппо Сперанца, а второго – Луиджи Джорджи. Медали обоих типов чеканились из серебра и имели диаметр 32 мм. На аверсе изображён профиль (голова) Умберто I и легенда «**UMBERTO I RE D'ITALIA**» («Умберто I король Италии»), а на реверсе – надпись «**UNITÀ D'ITALIA 1848–1870**» («Объединение Италии 1848–1870») в обрамлении лавровых ветвей, перевязанных лентой. Крепление медали – в виде широкого трапециевидного ушка типа *sambretta*. Лента медали шириной 33 мм была также цветов итальянского флага, но в ином сочетании: в центре – зелёная полоса шириной 11 мм, по краям которой по две полосы красного и белого цветов шириной 5,5 мм каждая. Кроме деталей штампа (королевский профиль на аверсе или так называемая «закрытая» цифра 4 на реверсе первого типа и «открытая» – на реверсе второго), два официальных типа медали отличаются клеймами медальеров, располагающихся в нижней части медали. На аверсе медали первого типа мы видим надпись «**SPERANZA**», а на реверсе – латинскую букву «**S**» (фото 21). На образцах второго типа мы встречаем клеймо медальера «**L. GIORGI F.**», причём только лишь на аверсе (фото 22).

Среди медалей, изготовленных многочисленными частными производителями, А. Леарди и Д. Моччиа выделяют, по крайней мере, 21 вариант с маркировкой и 30 без маркировки. Встречаются медали диаметром как 32, так и 33 мм. Материалом может быть серебро, *packfong* и другие сплавы. Крепление чаще всего классического типа *sambretta*, но существуют медали и с *arriccagnolo* (Фото 23). Кроме того, «частники» могут серьёзно отличаться от медалей двух

официальных типов иными видами изображения королевского профиля и легенды на аверсе, а также формой и размером лаврового венка и надписи на реверсе (фото 24). Среди медалей с клеймами медальеров или фирм на аверсе существуют следующие варианты:

- 1) «**GRAZIOLI F.**» – клеймо миланского медальера Франческо Грациоли;
- 2) «**S.J.**» или «**SJ.**» – клейма, встречающиеся на медалях, произведённых миланской фирмой Стефано Джонсона (фото 25);

- 3) «**TACCONET**» – клеймо туринского медальера Альбино Такконе (фото 26);

4) «BeC» (только на реверсе); 5) «С»; 6) «С.А.» (Фото 27); 7) «С.М»; 8) «E. GRAMAGLIA» (Фото 28); 9) «G M»; 10) «L.R.» (фото 29); 11) «P. AMOROSO».

19 октября 1922 г. к медали «В память Объединения Италии» была учреждена бронзовая планка с датами «1915–1918» аналогичного с планками 1865 г. образца и способа ношения. Планка пред-

назначалась тем ветеранам движения за Объединение Италии, которые принимали участие в Первой мировой войне [4, р. 196]. Однако, учитывая, что в 1915 г. самым молодым участникам последней кампании Рисорджименто (присоединение Рима) уже пошёл седьмой десяток лет, претендовать на ношение данной планки могли совсем немногие и поэтому она практически не встречается коллекционерам.

Активное обращение к событиям Рисорджименто в период Первой мировой войны и в годы, последовавшие за её завершением, привело к учреждению двух новых медалей в память Объединения Италии, на этот раз с датами «1848–1918» и «1848–1922». Обстоятельства появления этих наград, без сомнения, заслуживают отдельного подробного исследования.

Ссылки

1. Lerdi A., Moccia D. Le medaglie commemorative delle guerre per l'Indipendenza e l'Unità d'Italia. I modelli, le varianti e gli attestati. Roma, 2011. 112 p.
2. Gazzetta Ufficiale del Regno d'Italia. 1865. 9 marzo.
3. Bini D. Le medaglie ufficiali militari e civili del Regno d'Italia. Pontedera: CLD Libri, 2008. 222 p.
4. Gazzetta Ufficiale del Regno d'Italia. 1883. 28 aprile.
5. Manno R. Il cerchio e la croce. Medaglie e Distintivi di guerra. Parma: Ermanno Albertelli Editore, 2009. 318 p.

Статья посвящена выступлению партии «Европа. Экология — Зеленые» на парламентских выборах во Франции в 2012 г. Автор исследует особенности избирательной кампании, которая позволила «Зеленым» создать фракцию в Национальном собрании, что явилось важной вехой в эволюции французского экологического движения.

Ключевые слова: зеленые; парламентские выборы во Франции 2012 г.; экология.

This article is devoted to the party “Europe. Ecology — the Greens” in the parliamentary elections in France in 2012. The author examines the peculiarities of the electoral campaign of the “Greens,” that allowed them to create a faction in the National Assembly, which was an important milestone in the evolution of the French environmental movement.

Keywords: the greens; parliamentary election campaign 2012; ecology.

А. С. Капля

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

E-mail: a.s.kaplya@gmail.com

Парламентская кампания «Зеленых» во Франции в 2012 г.

Научная статья

A. S. Kaplya

Lomonosov Moscow State University

”The Greens” on the French Legislative Elections of 2012

Scientific Article

На французской политической арене партия «Европа. Экология — Зелёные» (ЕЕЛВ) является ядром экологического движения. Она входит в число основных действующих партий Пятой республики, регулярно выдвигающей свои кандидатуры на президентские и парламентские национальные выборы. Партия относит себя к левому идеологическому крылу. В основе ее идейно-политических взглядов лежат идеи построения нового общества и государственной системы, в которой основной акцент ставится на сохранении окружающей среды. Получив в 2009 г. на выборах в Европарламент 16,28 % голосов французов [1], почти вдвое больше, чем одна из главных партий республики — социалисты, «Зеленые»¹ приняли новую стратегию на создание объединенной партии. В 2010 г. в результате слияния политического объединения экологистов «Зеленые — Экологическая конфедерация», существовавшего во Франции с 1984 г., и партии «Европа. Экология», учрежденной специально для проведения европейских выбо-

ров 2009 г., была сформирована партия «Европа. Экология — Зеленые». Объединенные экологисты делали ставку на президентские и парламентские выборы 2012 г., однако избранный кандидат от партии Ева Жоли не оправдала надежд однопартийцев и «провалила» (в чем признавалась лично) президентскую избирательную кампанию, набрав лишь 2,34 % голосов. Именно поэтому для «Зеленых» предстоящие выборы в парламент Пятой республики были решающими в достижении поставленных целей.

Парламентские выборы 2012 г. во Франции прошли через месяц после президентских, в два тура: 10 и 17 июня. По конституции 1958 г. граждане Франции избирают прямым всеобщим голосованием 577 депутатов нижней палаты парламента (Национального собрания). Депутаты избираются по одномандатной мажоритарной системе: в 2012 г. на один избирательный округ приходилось в среднем 11 кандидатов. Для победы в первом туре один из кандидатов должен набрать абсолютное большинство голосов; в противном случае требуется второй тур. В него выходят два кандидата, набравшие наибольшее число голосов, или все претенденты, за которых проголосовали не менее 12,5 % внесен-

¹ Под «зелеными» со строчной буквы подразумеваются экологисты, а название партии «Европа. Экология — Зеленые», или просто «Зеленые», пишется с заглавной буквы — «Зеленые»

© Капля А. С., 2017

ных в избирательные списки граждан. Победитель избирается простым большинством голосов [2].

Программа партии «Европа. Экология — Зеленые» под названием «Жить лучше: на пути к экологическому обществу» [3] почти на двухстах страницах разъяснила, каким образом партия собирается преобразовать французское общество для лучшей жизни. Экологи предупреждали о «постоянном ухудшении жизни на Земле в случае бездействия властей в решении экологических проблем». «Зеленые» предложили новый подход к управлению обществом: в частности, требовалось «изменить политическую систему в целях создания экологического общества» [3]. Они выдвинули проект Шестой республики, в которой должен соблюдаться принцип «равенства и совместного принятия всех решений». По мнению «Зеленых», «безработица и повышение пенсионного возраста — реальные угрозы в современной Франции, причина манифестаций и забастовок». Сократить безработицу они планировали путем «организации новых рабочих мест в сфере защиты окружающей среды и создания новых технологий».

Бороться с экономической нестабильностью предполагалось с помощью «мягких и современных форм планирования». Чтобы обеспечить французам рабочие места, следовало перевести производство из «Третьего мира» обратно в Европу. «Зеленые» выступали за введение системы налогообложения, поощряющей «экологически чистые» производства и социальную ответственность работодателей. Решение большинства проблем общества (обеспечение жильем, высокие социальные выплаты, разработка нового экологического и социального законодательства) возлагалось экологистами на «обновленное государство».

Проанализировав программу «Зеленых», становится очевидным заимствование многих требований из программ партий левого лагеря. Сближение экологистов и социалистов наблюдалось с конца 1990-х гг. и было связано с практикой их взаимной поддержки на выборах. На выборах в Сенат в сентябре 2011 г. «Европа. Экология — Зеленые» баллотировалась в одной избирательной коалиции с партией социалистов [4]. В свою очередь социалисты добавили в свою программу 2012 г. экологические требования. На выборы 2012 г. они шли в союзе, который Сесиль Дюфло, возглавлявшая партию «Зеленых», подписала с первым секретарем Социалистической партии Мартин Обри в ноябре 2011 г. [5]. Чтобы иметь правящее большинство

в Национальном собрании, социалистам требовалось получить 289 мандатов, тогда как в нынешнем составе ФСП контролировала только 140 мест и нуждалась в союзниках. По данным социологических опросов социалисты и их сторонники через небольшие союзы левого толка могли заручиться поддержкой 31,5–32 % французов, тогда как за кандидатов от СНД (правоцентристская партия «Союз за народное движение») и их ближайших союзников собирались голосовать от 33,5 до 35 % избирателей [6].

За принятие предвыборного соглашения с социалистами 19 ноября 2011 г. проголосовали 74 % экологистов [7]. Целью договора было сотрудничество партии «Европа. Экология — Зеленые» и партии социалистов на выборах, формирование коалиции в Национальном собрании в случае победы Ф. Олланда, а также возможность для экологистов сформировать парламентскую фракцию. Социалисты пообещали поддержать «Зеленых» в 60 избирательных округах. Совместно с экологистами им удалось выработать единую программу действий в результате победы на президентских выборах: прежде всего они смогли договориться о закрытии к 2025 г. 24 из 58 атомных электростанций, об обязательстве не разрабатывать проекты строительства новых ядерных сооружений, отказе от переработки MOX², о сокращении потребления газа и угля [8]. Соблюдение договора могло бы способствовать ликвидации старых атомных электростанций, созданию ненайденных источников выработки энергии, развитию новых отраслей промышленности и одновременно увеличению выпуска выхлопных газов, что неизбежно отразилось бы на проблеме глобального потепления и привело к экономическим потерям от разрыва контрактов с зарубежными потребителями французской энергии [9].

Представители партий договорились о совместной политике в области здравоохранения, которая предполагала «проведение профилактик и борьбу с поддельными лекарствами, улучшение работы больниц». К общему консенсусу пришли и при пересмотре транспортной инфраструктуры с учетом экологических критериев. Например, поощрялось использование гибридных двигателей, развитие сети общественного транспорта.

² MOX-топливо (Mixed-Oxide fuel) позволяет использовать и перерабатывать излишки оружейного плутония, которые в противном случае считаются атомными отходами.

Соглашение подразумевало ряд реформ по переориентации сельского хозяйства: запрет ГМО, сокращение использования пестицидов. Экологи и социалисты договорились об увеличении роли своих депутатов в Европарламенте в разрешении вопросов, связанных с переходом ЕС на более экологичные рельсы (увеличение бюджета на поиск альтернативных источников энергии), а также в борьбе с экономическим кризисом путем контроля за функционированием общенациональных банков. После многочисленных дискуссий ФСП согласилась на требование экологов о введении налоговой реформы с учетом экологических вкладов, создании 600 000 «зеленых» рабочих мест, проведении политики переориентации промышленности, о социальных программах, о фактическом равенстве мужчин и женщин [10].

Однако партии не пришли к единому мнению по двум вопросам: строительству атомного реактора в Фламанвилле на Западе Франции и проекту возведения аэропорта Нотр-дам-де-Ланд [7], которые оставались предметом дискуссии между их представителями в течение многих месяцев. «Зеленые» обвиняли социалистов в последующем исключении пункта о МОХ-топливе из договора и в сговоре с крупнейшими национальными компаниями в области атомной энергетики, например с «Арева» и «ЭДФ». Социалисты опровергали это утверждение [11]. «Европа. Экология — Зеленые» и Движение независимых экологов (МЕИ) также заключили договор, по которому МЕИ поддерживал ЕЕЛВ в 20 округах, в том числе и в округе лидера МЕИ Антуана Вахтера, а ФСП выступила союзником «независимых экологов» в районе Верхнего Рейна [12].

В итоге парламентские выборы, благодаря заключенным договорам с социалистами и с «Движением независимых экологов», принесли «Зеленым» ошеломляющие результаты. После первого тура у партии «Европа. Экология — Зеленые» оказалось 5,46 % голосов [13], у других экологических организаций — 0,96 % [13]. Во втором туре «Европа. Экология — Зеленые» получила 3,6 % [14] и 18 мест в Национальном собрании, где впервые в истории экологического движения сформировалась фракция экологов. В Национальном собрании ее возглавил Франсуа Дюрежи, находившийся в составе депутатов собрания 2007 г.

На правах союзников социалистов, ставших партией власти, экологи получили несколько постов в кабинете министров. По мнению членов

партии «Европа. Экология — Зеленые», портфель министра по вопросам территорий и жилищного строительства [15], доверенный С. Дюфло, оказался одним из самых «весомых» при распределении и в целом позволял ей приступить к реализации экологических задач, сформулированных в предвыборной программе. Однако из-за серьезных разногласий между социалистами и экологами по вопросам атомной энергетики министерство экологии могло бы быть предложено «зеленым» без департамента по энергетике и транспорту, что существенно сокращало функции министерства. Зеленые приняли решение занять министерство по вопросам территорий и жилищного строительства, шестое по значимости и размеру в кабинете министров. В правительство вошел также Паскаль Канфан, занявший пост министра — делегата по развитию при МИД Франции [16].

Победа «зеленых» в значительной степени объясняется тем, что они использовали электорат социалистов. После победы на парламентских выборах фракция «Зеленых» выступила с опубликованным на сайте Национального собрания программным заявлением, которое повторяло главные тезисы программы «Жить лучше». В нем депутаты разъяснили задачи, над которыми они собирались работать в ходе всей легислатуры [17].

Подводя итоги участия экологов в парламентской кампании 2012 г., следует отметить ее некоторые особенности. Во-первых, несмотря на неудачное выступление кандидата от «Зеленых» в президенты Евы Жоли, парламентская гонка увенчалась для партии успехом, поскольку впервые в ее истории количество избранных депутатов позволило создать полноценную парламентскую фракцию. При этом активисты партии не переоценивали успех, осознавая, что кампания могла бы сложиться удачнее и принести партии большее количество голосов на президентских и парламентских выборах и, соответственно, увеличить число депутатских мест в Национальном собрании и министерских портфелей. Во-вторых, особенностью предвыборной кампании 2012 г. для «Зеленых» явилась прямая зависимость их успеха от блокирования экологов с ФСП. Однако члены «Европа. Экология — Зеленые» утверждают, что другая не менее важная причина их победы связана с наполнением программы 2012 г. не только экологической, но и другой тематикой, в частности антикризисными мерами. Благодаря этому тактическому ходу, партия предприняла попытку пред-

стать не в виде группы с узкими интересами, озабоченной исключительно вопросами окружающей среды, но политической силой, понимающей и разделяющей заботы простых французов в период экономического кризиса.

Ссылки

1. Le site d'information sur la vie politique française // <http://www.france-politique.fr/elections-les-verts.htm> (дата обращения: 16 июля 2016 г.)
2. Le service public de la diffusion du droit par l'Internet. URL: http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do;jsessionid=F412B1A98E6D36C8B787A201EB1130E7.tpdjo10v_1?idSectionTA=LEGISCTA000006148464&cidTexte=LEGITEXT000006070239&dateTexte=20120614 (дата обращения: 26 октября 2016 г.)
3. Le site officiel du parti « Europe. Ecologie – Les Verts » – <http://eelv.fr/le-projet-2012-definitif/> (дата обращения: 06 апреля 2017 г.)
4. Le site officiel du Senat de la France. URL: <http://www.senat.fr/role/senate.html> (дата обращения: 06 апреля 2017 г.)
5. France soir (L'e-mag sur la vie française). URL: <http://www.francesoir.fr/actualite/politique/pseelv-l-accord-aubry-duflot-157066.html> (дата обращения: 10 июля 2016 г.)
6. Le site des sondages d'opinion independant consacre aux elections. URL: <http://www.sondages-election.com/videos/duflot/accord-nucleaire-ps-les-verts.htm>
7. Le Point. 19.11.2011.
8. Le site officiel du parti «Europe Ecologie - Les Verts». URL: http://eelv.fr/wp-content/uploads/2011/11/texte_complet_daccord_EELV-PS1.pdf
9. Le Nouvel Observateur. 15.12.2011
10. Le site officiel du parti «Europe Ecologie - Les Verts». URL: http://eelv.fr/wp-content/uploads/2011/11/texte_complet_daccord_EELV-PS1.pdf (дата обращения: 10 июля 2016 г.)
11. Le Figaro. 16.11.2011.
12. Le site officiel du parti «Europe Ecologie - Les Verts». URL: <http://patrickmesle.eelv-legislatives.fr/> (дата обращения: 10.05.2016 г.)
13. Le site officiel du gouvernement de la France. URL: <http://www.gouvernement.fr/gouvernement/les-resultats-du-premier-tour-des-elections-legislatives> (дата обращения: 10.07.2016 г.)
14. Le portail sur les élections dans le journal «Le Figaro». URL: <http://elections.lefigaro.fr/resultats/election-legislatives-2012/> (дата обращения: 10.05.2016 г.)
15. Le site officiel du Conseil General. URL: <http://www.conseil-general.com/ministeres/ministeres.htm> (дата обращения: 12.07.2016 г.)
16. Личная беседа с Алексисом Прокопьевым 3.12.2012. Личный архив автора.
17. Сайт Национального собрания Франции. URL: <http://www.assemblee-nationale.fr/> (дата обращения: 10.08.2016 г.)

В статье рассматриваются правила и традиции воспитания детей догонов – народа, проживающего на юге Республики Мали. Анализируются повседневные занятия юного поколения общества плато Бандиагара и изменения, произошедшие в их образе жизни в конце XX века. Исследуется место детей в обществе догонов.

К л ю ч е в ы е с л о в а : догоны; дети; игры; детская смертность; воспитание; взросление; инициация; маски; школа.

The article discusses the rules and traditions of the upbringing of the Dogon children, the people living in the south of the Republic of Mali. The daily activities of the representatives of the young generation of the society of the plateau of Bandiagara and the changes that occurred in the way of their life at the end of the 20th century are analyzed. The place of children in the Dogon society is investigated.

К е у о r d s : the Dogon; children; games; infant mortality; upbringing; growing up; initiation; masks; school.

А. С. Шарова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: alessandrasharva@rambler.ru

Детство в Стране догонов*

Научная статья

A. S. Sharova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Childhood in the Dogon Country

Scientific Article

Дети – важный элемент социума любого народа. У каждого этноса есть свои особые правила и традиции воспитания и ухода за подрастающим поколением. Что представляет собой детство в Стране догонов – народа, проживающего в Африке на юге Республики Мали на территории плато Бандиагара?

Дети и подростки составляют примерно половину населения догонов. По данным Всемирной книги фактов ЦРУ уровень рождаемости в Мали на 2016 год составил 44,4 новорожденных на 1000 человек, что является весьма высоким показателем [1]. Среди младенцев чуть больше мальчиков. Но согласно статистическим данным к 15 годам и в старшем возрасте женское население начинает немного преобладать, что свидетельствует о более высокой смертности среди мужчин. По сведениям Всемирной организации здравоохранения на 2015 год средняя продолжительность жизни в Мали, в том числе и в среде догонов, составила 58 лет [2].

В обществе плато Бандиагара всегда была достаточно большая детская смертность. Несмотря

на развитие медицины в мире и попытки различных международных организаций понизить уровень детской смертности в Мали, она до сих пор продолжает расти в Стране догонов. Так, проведенные демографические исследования 1980-х годов свидетельствуют о том, что 10 % младенцев умирали до достижения одного года и 25 % – до достижения пятилетнего возраста [3]. Демограф Б. Страсман, проводивший исследования в деревне догонов в 1990-х годах, выявил, что 20 % младенцев не доживают до одного года и 46 % – умирают, не достигнув пятилетнего возраста [4].

Причины высокого уровня детской смертности среди догонов – болезни (корь и малярия), грязная питьевая вода и плохое питание. Между тем этот народ всегда старался обезопасить своих детей. По мнению ряда исследователей, такая ситуация привела к тому, что в обществе плато Бандиагара сложилась особая система по уходу за ребенком [5].

В чем же заключается эта система и каковы её последствия? Во-первых, частое кормление грудью (несколько раз в час): мать бежит к своему малышу

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 16-31-00025 «Современная история Тропической Африки (опыт классификации источников)».

по первому требованию. Кроме того, при любом плаче младенца к нему немедленно подходят и стараются утешить. Частым решением проблемы является еда, при этом неважно от голода плачет ребенок или нет. Малыш обычно находится на расстоянии вытянутой руки от своей матери, чтобы можно было в любой момент обеспечить тактильный контакт.

Во-вторых, не только мать обеспечивает уход за младенцем. Некоторые дети преимущественно находятся под присмотром бабушек. Иногда сразу несколько человек заботятся о младенце. Традиционно бабушка по материнской линии обеспечивает уход за перворожденным мальчиком. Мать, безусловно, постоянно находится поблизости, чтобы обеспечить грудное вскармливание. Кто бы ни ухаживал за ребенком, он в первую очередь заботится о его благополучии и немедленно подбегает на любой зов [6, р. 1454–1455].

При таком достаточно высоком уровне заботы и внимания со стороны родственников в младенчестве и раннем детстве при прочих благоприятных условиях у детей догонов формируется надежный тип привязанности. Они растут любознательными и могут быстро приспосабливаться к различным жизненным условиям. Таково мнение ученых – сторонников теории привязанности, с которыми невозможно не согласиться [7].

Поведение, игры, способности юного поколения во многом зависят от воспитания и формы поведения взрослых. Как утверждает американский антрополог Маргарет Мид, «... игры – показатель не столько их ума, сколько манеры воспитания» [8, с. 140].

Сознание ребенка формируется под влиянием языка, фольклора, отношения взрослых к детям. По природе дети нерелигиозны, невосприимчивы к фетишам и ритуалам. Их умственное развитие в этом отношении определяется не внутренней необходимостью, а формой той культуры, в которой они были воспитаны [8, с. 142]. Дети догонов не являются исключением. То, как воспитывают их взрослые и в какой среде они растут, формирует их мировосприятие и образ жизни.

Дети догонов проходят через особую систему воспитания и взросления. Она состоит из шести периодов, каждый из которых длится 7 лет [9, с. 171]. Отрезку каждого времени свойственно наиболее полное и сознательное восприятие истин (за исключением первого). Названия периодов соответствуют шести частям тела: «домо» – щиколотка,

«камо» – голень, «намо» – бедро, «чиуара» – плечо, «коно» – локоть, «коре» – запястье. С рождения в ребенке воспитывают такие качества, как благородство, честность, порядочность, искренность, трудолюбие, сдержанность, дисциплина, уважение старших, скромность.

Мальчики с 6–7 лет живут вместе со сверстниками вне семьи под присмотром наставников до прохождения обряда инициации (посвящения в мужчины), совершаемого раз в три года. Там завязываются узы дружбы, прививаются навыки коллективного труда. Вместе юноши строят для всех по очереди хижины, в которые после прохождения обряда инициации приведут своих невест.

Обряд обрезания проводится догонами в соответствии с определенными местными традициями во всем регионе Мопти южнее р. Нигер. Группы мальчиков не младше 7–9 лет обычно в марте после захода солнца около 18:30 обходят все дворы квартала, выкликая имена домохозяек и требуя от них подношений: «Мы голодны! Дай нам еды!» Днем они стоят группами вдоль дорог, оглашая окрестности звуками трещоток, и требуют от прохожих мелких подарков. После того, как все домохозяйства уплатили «дань», ночью осуществляется обрезание [10, с. 91–92].

До четырнадцати лет подростков знакомят с окружающим миром, отношениями людей, законами природы, традициями, прививают трудолюбие. В течение нескольких периодов формируется представление об общественной пользе, передаются медицинские знания. В определенный период молодежь получает знания о строительстве семьи и ауре (бессмертной материи, окружающей землю и человека). К 42 годам у догонов наступает период «коре» – зрелость. Считается, что к этому возрасту человек проникает в суть бытия: познает себя, природу, свои отношения с природой и свое место в мире.

Мальчики и девочки подросткового возраста редко бездельничают. С самых ранних лет их приучают к тяжелой работе, без которой не обойтись в жизни догонов¹. Это приводит к формированию у них зрелого и вдумчивого взгляда на мир ещё до вступления во взрослую жизнь. Антонин Потовски, француз, работавший фотографом в Мали в течение продолжительного времени в конце

¹ Основным занятием догонов всегда являлось и является земледелие, несмотря на то что плато Бандиагара – территория, где они проживают, – малопригодно для обработки: там преобладают каменистые осыпи, песок.

1990-х–начале 2000-х, много общался с детьми общества плато Бандиагара. Они делали для него снимки своей повседневной жизни. А. Потовски отмечает, что при общении с подростками он ощущал, что у них совсем другие заботы и другое видение мира, нежели у малийских детей, живущих в городах. Он описывает фотографии, сделанные ими, как исключительно серьезные, зрелые. К выполнению его заданий дети общества плато Бандиагара подходили с такой тщательностью и ответственностью, как если бы выполняли свои повседневные дела [11].

Несмотря на нелегкую жизнь и необходимость работать с малолетства, подрастающее поколение догонов находит время поиграть, подурчиться, что видно из фотографий, привезенных А. Потовски [11], и из рассказов путешественников и исследователей общества плато Бандиагара [12–13].

Во что же играют дети догонов? Все играют в футбол. Заполучить мяч для детей догонов – настоящая радость, хотя это им и не всегда удается сделать. В силу бедности игрушками для малышей служат различные банки, палки, коробки [6, p. 1455].

В повседневной жизни во время игры дети общества плато Бандиагара часто как бы «отрабатывают» ритуальные церемонии взрослых. В 1938 году французский антрополог Марсель Гриоль описал, как маленькие мальчики проигрывали похоронный обряд для kota [12, p. 257]. Свидетелем такой же игры детей стал исследователь Уолтер ван Бик в 1990-х годах [13, p. 50].

Для подобных игр дети и по сей день изготавливают из разноцветной резины, тростника и дерева куклы и игрушечные маски [14, p. 66]. И хотя эти предметы не имеют сходства со скульптурами и масками, используемыми для настоящих ритуалов, подобные игрушки показывает, насколько важными в жизни догонов являются культы. Дети таким способом пытаются приобщиться к религиозной жизни взрослых, которая закрыта для мальчиков до прохождения инициации, а для девочек и в дальнейшем. Но уже после обрезания в специально отведенных местах юноши должны будут продемонстрировать, что они постигли значения ритуальных символов, избразив их на стенах пещер [13, p. 47]. Трансформация игры во взрослую жизнь тесно связана с инициацией, изучением тайного языка и разделением полов, молодых и старых, светской и религиозной жизни.

Кроме игр, дети принимают участие и непосредственно в самих религиозных церемониях, причем, по мнению У. ван Бика, эти события занимают центральное место в жизни мальчиков [14]. Так, участие в ритуале дама² – необходимое условие для ношения маски юношей в дальнейшем. Детям разрешается изготавливать и носить маски из листьев во время фестивалей сагири³ и буро⁴, ассоциирующихся с плодородием и жертвоприношениями.

Исследовательница Полли Ричардс описывает случаи, когда мальчики, ещё не получившие во время дама права носить маски, допускаются к участию в танцевальных представлениях для туристов, если имеются определенные договоренности, включая уплату специальных сборов старейшинам [15, p. 120]. Смотреть маскарады разрешается и девочкам. Таким образом, маски являются неотъемлемой частью жизни не только взрослых, но и детей.

Помимо ритуалов, ребята проигрывают и другие аспекты повседневной жизни. Например, М. Гриоль наблюдал за детьми, строившими маленькие глиняные дома [12, p. 182]. Они сравнивали постройки, обсуждали их качество и дизайн, сначала рисуя свои архитектурные проекты на песке.

Сейчас граница, отделяющая, что разрешается знать ребятам до инициации и что после, постепенно сдвигается, несмотря на то что коренные устои воспитания и обучения детей сохраняются. Причиной тому является проникающий повсеместно туризм. Все чаще дети общаются с иностранцами и не меньше взрослых используют достопримечательности и особенности своей культуры в качестве источника заработка. Это характерно в большей степени для мест, популярных среди туристов, например таких, как деревни Санга, Банани и Тирели.

Общение с детьми – важная составляющая путешествия туристов по Стране догонов. Ребята собираются у пещер, посещаемых чужестранцами, поют и танцуют, а в Банани даже иногда формируют хор юных исполнителей. Они пожимают руки посетителям и предлагают услуги в качестве сопровождающих лазающим по скалам. Некоторые из тури-

² Дама представляет собой заупокойный ритуал, выполняемый через некоторое время после погребения и предназначенный для ускорения ухода души покойника из мира живых, где она продолжает задерживаться.

³ Фестиваль сагири обозначает смену сезонов.

⁴ Фестиваль буро – ритуал года.

стов постарше приветствуют помощь, если напор неагрессивен, другие пытаются оттолкнуть детей, но, как правило, безуспешно.

Один из российских путешественников Владимир Снатенков, посетивший Африку вместе с семьей в 2008 – 2009 гг., пишет: «На самом деле в стране догонов больше, чем особые жилища с кладбищами, запоминаются голодные дети, бегающие около туристов» [16, с. 402]. Вряд ли детей догонов можно назвать такими уж «голодными», но подобное мнение хорошо демонстрирует, насколько активны они при оказании приема иностранцев. Официальные гиды в Санге, опасаясь конкуренции со стороны молодежи, пытаются запугать их с помощью старейшин, но без особых успехов.

Подобные детские услуги пользуются спросом в Тирели, где юные гиды помогают путешественникам забираться на крутые обрывы в район танцев. Ребята часто остаются поблизости и во время представления, даже если они ещё не прошли инициацию и им недозволено видеть маски. Но это один из немногих шансов для них увидеть танец масок в юном возрасте и приобщиться к жизни взрослых. Часто дети разрешают туристам фотографировать себя. В обмен иностранцы покупают у них маленькие тетради, полные рисунков, на которых изображены танцоры в масках, жилища догонов, алтари и жертвоприношения, элементы ритуальных церемоний плато Бандиагара⁵.

Многие родители (не все!) в Стране догонов стараются отправить детей учиться. Школы есть не во всех деревнях, иногда ребятам приходится ходить в соседние селения, чтобы получить, по крайней мере, начальное образование. Учителей не хватает, поэтому набор детей на обучение проводится не каждый год (например, раз в два года) в некоторых учебных заведениях. Одни школы были основаны католическими и протестантскими миссионерами, другие – представителями исламского духовенства, третьи – неправительственными организациями, такими как Виа Сахель⁶ [18].

Учебный год в Стране догонов начинается 29 сентября, а завершается 29 июня. Занятия прово-

дятся с 8 до 12 часов утром и с 15 до 17 часов вечером, минуя сильную дневную жару. Ребята изучают французский язык, математику, историю и географию страны, естественные науки и сельское хозяйство. Наличие последней дисциплины в школьной программе подтверждает, насколько важную роль играет земледелие в жизни общества.

Обучение может проводиться на французском и догонском языках. Письменность для последнего была разработана только в конце XX–начале XXI в., в частности для диалекта торо-со.

В некоторых школах, например в деревне Ирели, дети пишут даже не в тетрадках, а на маленьких черных дощечках. Но, несмотря на все трудности и нехватку средств в школах, почти все любят учиться и проявляют живой интерес к знаниям. Российская журналистка О. Соколовская описала свою встречу с девятилетним Мамаду в селении Санга: «Перебегая крохотный дворик, он ввинтится мне под руку со словами: “Привет! Это меня вчера не было! Хочешь, покажу свою тетрадку?” — Тетрадка выглядит основательно: хорошая оценка заверена печатью, рядом — примечание учителя: “Работает пока не в полную силу, может лучше”» [19].

Несмотря на любознательность, процесс получения знаний труден для детей догонов: у большинства из них нет доступа ни к книгам, ни тем более к мобильным телефонам, компьютерам и планшетами в силу бедности. Немногие в дальнейшем продолжают учиться. Только дети состоятельных родителей могут позволить себе поступать в университеты. По этой причине образовательный процесс в школе направлен на то, чтобы подготовить ребенка к обычной повседневной жизни общества плато Бандиагара, что подтверждается наличием в программе такого предмета, как сельское хозяйство.

Традиционные верования пронизывают и школьную жизнь детей. Так, А. Потовски описывает здание школы: оно украшено изображениями танцоров в масках [11] – это ещё одно подтверждение важности религии и традиций в жизни детей.

Детство догонов нельзя назвать беззаботным. Нелегкие условия жизни приводят к тому, что детям приходится трудиться с раннего возраста, но они успевают учиться, остается время и на игры. Молодежь стремится как можно быстрее приобщиться к миру взрослых, постигая его в ходе развлечений и игры.

Туризм, ставший популярным на исходе XX в., наложил отпечаток и на детство догонов. В местах

⁵ Более подробную информацию о детских рисунках догонов можно посмотреть в статье А. С. Шаровой «Детские рисунки догонов: попытка самоопределения или дань современности?» [17].

⁶ Виа Сахель – французская неправительственная организация, целью которой является оказание помощи сахарскому населению, в первую очередь догонам, чтобы улучшить их повседневную жизнь.

скопления иностранцев дети, отлынивая от занятий, пытаются сосредоточить свое внимание на добыче денег. Современные дети догонов гораздо практичнее и прагматичнее родителей. Они будущее общества плато Бандиагара. И от них, по большому счету, зависит, какими станут догоны и выживет ли их самобытная культура в дальнейшем, вплотную соприкоснувшись с обществом потребления.

Ссылки

1. Статистические данные по Мали Всемирной книги фактов ЦРУ. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ml.html> (дата обращения: 15.08.2017).
2. Статистические данные по Мали Всемирной организации здравоохранения. URL: <http://www.who.int/countries/mli/en/> (дата обращения: 15.08.2017).
3. Pisani L., Diaoure R., Oumar F. Grossesse et accouchement dans le Cercle de Bandiagara / P. Coppo and A. Keita (Eds.) // *Medicine traditionnelle: Acteurs, itinéraires thérapeutiques*. Trieste: Edizioni, E., 1990. P. 109–139.
4. Strassmann B. Polygyny as a Risk Factor for Child Mortality among the Dogon // *Current Anthropology*. 1997. Vol. 38, № 4. P. 688–695.
5. Levine R. A., Levine S. Parental strategies among the Gusi of Kenya / R. Levine, P. Miller, M. West (Eds.) // *New Directions for Child Development*. 1988. № 40. P. 27–35.
6. True M. M., Pisani L., Oumar F. Infant–Mother Attachment among the Dogon of Mali // *Child Development*. 2001. Vol. 72, № 5. P. 1451–1466.
7. Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003. 477 с.
8. Мид М. Культура и мир детства. Избранные произведения. М.: Наука, 1988. 429 с.
9. Шапошникова В. На границе с Сахарой // Москва. 1988. № 1. С. 161–174.
10. Куценков П. А. Ислам и традиционная культура догонов (Мали). Опыт полевого исследования // *Исламоведение*. 2015. № 4. С. 89–104.
11. Potovski A. Through Dogon eyes. URL: http://www.unesco.org/courier/2000_07/uk/dici.htm (дата обращения: 20.09.2011).
12. Griaule M. *Jeux dogons*. P.: Institute d'ethnologie, 1938. 290 p.
13. Schildkrout E. Drawing tradition: Dogon Children's Art in the Age of Tourism // *African Arts*. 2004. Vol. 37, № 1. P. 46–53.
14. Hollyman St., Beek van W. E. A. *Dogon: Africa's People of the Cliffs*. N. Y.: Harry N. Abrams, 2000. 176 p.
15. Richards P. Imina Sana or Masque a la Mode: Contemporary Masquerade in the Dogon Region // *Re-visions: New Perspectives on the African Collections of the Horniman Museum / ed. Karel Arnaut. L.: the Horniman Museum and Gardens, and Museu Antropologico da Universidade de Coimbra*, 2000. P. 107–123.
16. Снатенков В. Путешествие семьей по Африке – год в пути / В. Снатенков [и др.]. СПб.: ИПК БИОНТ, 2016. 464 с.
17. Шарова А. С. Детские рисунки догонов: попытка самоопределения или дань современности? // *Африканский сборник – 2015*. СПб.: МАЭ РАН, 2015. С. 291–297.
18. Via Sahel. URL: <https://www.viasahel.fr/activites/leducation/> (дата обращения: 16.08.2017).
19. Соколовская О. Путь в страну догонов // *Вокруг света*. 2006. № 10. URL: <http://www.vokrugsveta.ru/vs/article/2886/> (дата обращения: 05.03.2012).

ПРАВО

УДК 343.232

В статье анализируется деление составов преступлений по моменту их окончания. Автор доказывает, что это деление не следует смешивать с подразделением составов на формальные, материальные и формально-материальные, критерием которого является функциональная роль последствий в их конструкциях. По моменту окончания предлагается выделять шесть автономных видов составов, в том числе усеченные составы и составы создания опасности. Дается характеристика различных видов составов, выделяемых по моменту окончания. Так, в усеченном составе момент окончания фактически переносится законодателем на стадию приготовления или покушения. Соответственно, предложено различать составы «деяний-приготовлений» (первый подвид усеченных составов – ч. 1–3 ст. 209 УК РФ и т. д.) и составы «деяний-покушений» (второй подвид усеченных – ч. 1–3 ст. 162 УК РФ и др.). В статье оцениваются и иные научные подходы к делению составов по моменту окончания; авторские рассуждения иллюстрируются примерами из УК РФ.

Ключевые слова: состав преступления; деление; момент окончания; УК РФ; классификация; последствия преступления; усеченный состав; состав создания опасности.

The article analyzes the division of corpus delicti at the moment of their completion. The author proves that this division should not be mixed up with the classification of corpus delicti for formal, material and formal-material, the criterion of which is the functional role of consequences in their structure. At the moment of their completion we offer to distinguish six autonomous types of corpus delicti, including truncated corpus delicti and elements of endangering. The article describes the characteristics of different kinds of corpus delicti. For instance, in a truncated corpus delicti, the moment of the completion is transferred by the legislator to the stage of preparation or attempt. That is why we suggest to distinguish elements of “acts-preparations” (the first subspecies of truncated corpus delicti - parts 1-3 of article 209 of the Criminal Code of the Russian Federation, etc.) and elements of “acts-attempts” (the second subspecies of truncated ones - parts 1-3 of article 162 of the Criminal Code of the Russian Federation, etc.). The article also evaluates other scientific approaches to the division of corpus delicti at the moment of their completion, the author illustrates his arguments by the examples from the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: corpus delicti; division; moment of completion; Criminal Code of the Russian Federation; classification; consequences of a crime; truncated corpus delicti; elements of endangering.

А. В. Иванчин*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова**E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru***Деление составов преступлений по моменту их окончания**

Научная статья

A. V. Ivanchin*P. G. Demidov Yaroslavl State University***The Division of Corpus Delicti at the Moment of their Completion**

Scientific article

В монографической и учебной литературе составы преступлений делят по самым различным основаниям (критериям деления). Одним из самых первых делений, разработанных как российской, так и зарубежной теорией уголовного права, является подразделение составов в зависимости от обязательности последствий на формальные и материальные (первоначально, правда, без использования терминов «формальный состав» и «материальный состав»). Об этом в России писали А. Н. Круглев-

ский [1, с. 44], Н. Д. Сергеевский (в частности, в период своей педагогической и исследовательской деятельности в Демидовском юридическом лицее [2, с. 10–15]), В. Н. Ширяев [3, с. 1110], Н. А. Неклюдов [4, с. 25], Э. Я. Немировский [5, с. 167] и др. В советское время выделение формальных и материальных составов стало общепризнанным [6, с. 38–40] и даже А. Н. Трайнин (отстаивающий тезис об отсутствии в природе беспоследственных преступлений) вынужден был

констатировать, что при обрисовке одних составов в законе последствия указаны, а при обрисовке других – нет [7, с. 153].

Рассматриваемое деление преступных деяний известно всем уголовно-правовым системам мира. Так, уголовное право США знает преступления поведения и преступления результата, а в уголовном праве Германии принято деление преступлений на беспоследственные деликты и деликты с последствиями [8, с. 191]. Как отмечает Лун Чанхай, данное деление используется и в теории уголовного права КНР [9, с. 39].

Однако анализ уголовного закона позволяет выделить не только формальные и материальные, но и еще один вид составов *в зависимости от функциональной роли последствий в их конструкции*. Известно, что рамки состава в Особенной части УК РФ следует «привязывать» к статье, неделимой на части (ст. 106 и т. п.), либо к части статьи (ч. 2 ст. 105 УК и т. п.). Именно там, на наш взгляд, указано определенное преступление [10, с. 162–164; 11, с. 730]. И это – определенное – преступление может включать его разновидности, одни из которых влекут последствия, а другие – нет. Так, в ч. 1 ст. 159 УК РФ одна разновидность состава мошенничества (хищение) описана материально, а другая (приобретение права на чужое имущество) – формально. Поэтому по существу законодательную конструкцию основного состава мошенничества можно охарактеризовать как *формально-материальную*. Таким образом, в формальном составе последствия находятся за его рамками, не играя в нем никакой роли, в материальных составах выступают обязательным признаком и, наконец, имеют факультативное значение в формально-материальных.

Следует отметить, что традиционным для теории уголовного права является выделение наряду с формальными и материальными составами усеченных составов и составов создания опасности [12, с. 71]. Иногда последние виды рассматривают в рамках первых двух. Так, А. В. Наумов классифицирует составы преступлений по конструкции объективной стороны на два вида: материальные и формальные, а усеченные составы рассматривает как разновидность последних [13, с. 320–321]. Часто различие между всеми указанными видами проводится не по роли последствий в составе, а по моменту окончания. А. П. Козлов по этому поводу справедливо отмечает, что в теории при выделении усеченных, формальных и мате-

риальных составов, в сущности, используются два основания деления (отсутствие или наличие последствия; стадия совершения преступления), что противоречит правилам формальной логики [14, с. 268].

Для доктрины, действительно, характерно смешение критериев выделения рассматриваемых составов. Объективные предпосылки для такого смешения есть, ибо *моменты окончания преступлений* с формальным или материальным составом не совпадают. «Составы преступлений различаются по их конструкции. Соответственно выделяются: материальные и нематериальные составы. Классификация составов преступлений по их конструкции служит для отражения момента окончания соответствующих деяний» [15, с. 124]. Преступление с материальным составом может быть оценено как оконченное (и соответствующее всем признакам состава, названным в Особенной части УК) с момента наступления общественно опасных последствий, находящихся в причинной связи с общественно опасным деянием. При оценке же содеянного через призму формальных составов момент окончания связывается с совершением самого деяния [16, с. 44–45]. Наконец, для выделенных выше формально-материальных составов момент окончания имеет комбинированный характер.

Что же касается усеченных составов и составов создания опасности, то, очевидно, что критерий «функциональная роль последствий в составе» не пригоден в качестве основания их выделения. Для этого *нужен более содержательный критерий*, в качестве которого и выступает *момент окончания преступления*. И, более того, использование момента окончания преступления как основания деления позволяет не только обособить указанные виды составов, но и осуществить более дробную их классификацию. И именно в рамках данного деления оправданно, по нашему мнению, выделять усеченные составы и составы создания опасности [17, с. 170].

Правда, обоснованность вычленения данных видов составов порой подвергается сомнению. «Выделение “усеченных составов”, – писал еще А. Н. Трайнин, – основано на явном недоразумении и способно вести к серьезным ошибкам судебной практики. Состав всегда един и всегда «полон» теми конкретными элементами, из которых он по закону слагается. Отсутствует один из этих элементов – нет состава; имеются все элементы – имеется всегда «весь», «полный» состав.

Половинчатого, частичного, «усеченного» состава быть не может» [18, с. 50].

Очевидно, однако, что здесь «мишенью» критики выступает терминология, а не объективно существующий в уголовном законе феномен. В усеченном составе момент окончания фактически переносится законодателем на стадию приготовления или покушения (подчеркнем – *фактически*, поскольку юридически путем такого переноса этот момент и трансформируется в «хронологическую точку» окончания преступления). Таковы, например, составы, предусмотренные ч. 1 ст. 162, ч. 1 ст. 163, ч. 1 ст. 209 УК. Например, в реальной действительности разбой *фактически завершается* тогда, когда субъект изъял у потерпевшего имущество и получил возможность им распоряжаться. Но законодатель в ч. 1 ст. 162 УК признал его *оконченным (юридически завершенным)* уже в момент самого нападения с применением опасного насилия или угрозой его применения. В рамках же деления в зависимости от функциональной роли последствий в составе усеченный состав, как правильно отмечается в литературе, «принципиально не отличается от формального состава преступления и может трактоваться лишь как его разновидность» [19, с. 6]. Действительно, последствия не фигурируют в конструкции этого состава ни как обязательный, ни как факультативный признак.

Немало разногласий вызывает и выделение составов создания опасности (или, как их еще называют, деликтов создания опасности, составов реальной опасности). Пример такого состава дает нам ч. 1 ст. 215 УК РФ: нарушение правил безопасности при размещении, проектировании, строительстве и эксплуатации объектов атомной энергетики, *если это могло повлечь смерть человека или радиоактивное заражение окружающей среды*. Одни авторы считают их материальными, другие – формальными, третьи – особым видом составов. Думается, что добрая половина всех споров есть следствие неопределенности в критерии данного деления и понятии преступных последствий. Если за основу деления брать момент окончания преступления, то составы создания опасности, вне всякого сомнения, есть самостоятельный вид составов. Если же в качестве критерия использовать функциональную роль последствий в составе, то напрашивается иной вывод.

При этом возможно последствия в узком смысле (описанные в уголовном законе) трактовать, в свою очередь, узко, т. е. как реальный

вред. С этой позиции опасность наступления вреда нельзя признать последствием. Нам же представляется, что рассуждать нужно иначе. Возможность наступления последствий влечет, как обоснованно отмечал более полувека назад В. Н. Кудрявцев, изменения во внешнем мире [20, с. 172]. Эта возможность – *объективно существующее явление*, причиной которого является совершение деяния, т. е. это последствие данного деяния. И в этом смысле такая возможность – то же последствие преступления, при этом *предусмотренное законом*. То есть, принимая во внимание нормативную природу состава, важно подчеркнуть, что законодатель в составах создания опасности закрепляет последствие. Значит, уголовному закону известны *два типа последствий преступления – реальные (смерть человека, тяжкие последствия и т. п.) и возможные (опасность наступления смерти человека или тяжких последствий и т. п.)*. Поскольку последствия – обязательный признак в составе создания опасности, они как бы «просматриваются» в нем» [21, с. 162], а, значит, состав последнего *исключительно в рамках классификации составов в зависимости от функциональной роли последствий в их конструкции* является материальным. В рамках же деления составов по моменту окончания – это автономный вид состава.

После изложенного понятно, почему не может быть признан логичным, на наш взгляд, критерий рассматриваемого деления, предложенный К. Т. Тедеевым: «По конструкции составов следует различать: а) материальные составы, б) формальные составы, в) усеченные составы, г) составы опасности» [22, с. 86]. В ином же месте работы критерием выделения названных видов составов автором названа «конструкция объективной стороны» [22, с. 15]. Как уже отмечалось, на *конструктивном уровне* последние два вида состава «растворяются» в понятии формальных и материальных составов, а потому основанием их выделения логичнее считать момент окончания преступления.

Вместе с тем деление составов по моменту окончания преступления не исчерпывается указанными выше видами. Так, Л. Л. Кругликов по этому основанию полагает возможным вести речь, как минимум, о шести видах состава, поскольку «в одних нормах момент окончания преступления связывается с фактическим наступлением последствий, в других – с угрозой их наступления, в третьих – с совершением действий (бездействия),

причем оказавшихся успешными для виновного, хотя и не повлекшими преступных последствий (о них не говорится в диспозиции статьи), в четвертых – с формальным моментом окончания деяния, в пятых – с совершением хотя бы части деяния, описанного в законе, в шестых – с приговорительными действиями» [23, с. 71].

По мнению А. Г. Безверхова, следует различать 1) классификацию конструкций «составов оконченного преступления» по признаку наличия (отсутствия) общественно опасного последствия (составы материальные, формальные, формально-материальные и деликты реальной опасности) и 2) классификацию конструкций «составов оконченного преступления» по признаку «создания условий для совершения преступления» (составы усеченные, с двойной превенцией, деликты соучастников и пр.) [24, с. 63–71].

Д. В. Решетникова предложила еще более дробное деление: «Подвижность такого объективного признака, как момент окончания позволяет говорить: 1) о материальных составах преступлений; 2) о формальных составах преступлений; 3) о составах создания реальной опасности; 4) об усеченных составах преступлений, в том числе составах «призывов» и деликтов соучастников; 5) о составах «уголовно наказуемых угроз»; 6) о составах с двойной превенцией; 7) о составах «преступной прикосновенности» (в том числе «вторичных преступлений»). Отдельно следует сказать о так называемых комплексных (комбинированных, смешанных) составах преступлений. В последнюю группу следует отнести такие конструкции, как составы формально-материальные, усеченно-формально-материальные, усеченно-формальные, создания опасности-материальные и др.» [25, с. 74–75].

Однако вызывает сомнения трактовка автором отдельных разновидностей составов. Так, к формально-материальным составам отнесены «составы преступлений, в которых не конкретизируются общественно опасные последствия преступления либо конкретизируются лишь частично. К этой группе формально-материальных составов относятся составы, где преступные последствия сформулированы законодателем с использованием оценочных категорий. Например, существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства (ст. 285, 286, 293 УК и др.)» [25, с. 105].

Очевидно, что при таком подходе состав как *законодательная* конструкция смешивается с реальной действительностью. Тот факт, что в жизни упомянутые должностные преступления могут быть совершены без причинения материального вреда, не влияет на их законодательное описание, произведенное сегодня с указанием последствий в виде существенного нарушения прав и законных интересов (в ст. 285 УК и др.). Это служит достаточным, на наш взгляд, основанием их причисления к составам с обязательными последствиями.

В то же время несомненным достоинством указанных подходов является стремление максимально полно определить все возможные разновидности составов преступлений в зависимости от момента их окончания. Но при этом во избежание путаницы следует крайне осторожно подходить к использованию терминологии для обозначения данных видов составов, чтобы избежать полисемии терминов «материальный состав», «формальный состав» и «формально-материальный состав». Эти составы выделяются в зависимости от функциональной роли последствий в их нормативных конструкциях, а не по моменту окончания. Следовательно, они охватывают некоторые виды составов, выделяемые в зависимости от момента окончания (составы создания опасности и т. д.). Так, в круг формальных составов в рамках первого деления входит и усеченный состав, а в рамках второго деления эти составы признаются самостоятельными видами. Поэтому при использовании момента окончания как критерия деления представляется недопустимым употребление тождественной терминологии. Иное было бы грубым нарушением правил логики и методологии научных исследований [26, с. 75].

Отталкиваясь от изложенных выше позиций, все многообразие видов составов, известных УК РФ, в зависимости от момента окончания преступления возможно разделить, по нашему мнению, на шесть нормативных построений: 1) составы с реальными последствиями (ч. 1 и ч. 2 ст. 105 УК и др.); 2) составы с возможными последствиями (составы создания опасности) (ч. 1 ст. 215 УК и т. п.); 3) составы завершённых деяний без последствий (ч. 1 ст. 126 УК и т. п.); 4) составы «деяний-приготовлений» (первый подвид усеченных – ч. 1–3 ст. 209 и т. д.); 5) составы «деяний-покушений» (второй подвид усеченных – ч. 1–3 ст. 162 УК и др.); 6) смешанные составы, объединяющие две или более разновидности составов (например, составы

завершенных деяний в комбинации с последствиями – ч. 1 ст. 159 УК и др.).

К числу смешанных относятся среди прочих и сочетания составов с реальными и возможными последствиями. Так, в ч. 1 ст. 340 УК говорится о нарушении, которое *повлекло* или *могло повлечь* причинение вреда. Основной состав умышленного причинения вреда здоровью (ч. 1 ст. 111 УК) имеет аналогичную, как представляется, конструкцию, включая как возможные, так и реальные последствия (вред, опасный для жизни, и вред, относящийся к тяжкому по причине потери зрения, речи, слуха и наступления иных реальных последствий).

Стоит упомянуть также, что выделение составов по моменту окончания порой упирается в проблему грамматического толкования уголовного закона. «Не во всех случаях конструирования состава преступления по типу материальных определение момента признания преступного деяния окончанным является простым»; «еще больше трудностей существует при определении момента окончания преступлений, описанных в рамках формальных составов, поскольку требуется установить, что имел в виду законодатель, описывая преступное деяние с помощью отглагольных имен существительных – процесс их совершения или же его логическое завершение» [19, с. 8-9].

Ярким подтверждением справедливости приведенной цитаты являются составы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления или антиобщественных действий, момент окончания которых традиционно вызывает «жаркие» споры в теории и практике. В 2011 г. Пленум Верховного суда РФ, как известно, дал новое толкование статей 150 и 151 УК РФ: в соответствии с п. 42 его постановления от 01.02.2011 г. вовлечение признается окончанным с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление или хотя бы одного из антиобщественных действий, предусмотренных ч. 1 ст. 151 УК РФ [27]. В сущности, Пленум путем указанного разъяснения превратил данные составы в составы с реальными последствиями в виде поведения несовершеннолетнего, обусловленного деянием взрослого, хотя уголовный закон позволяет интерпретировать их самым различным образом, в том числе и как усеченные (а именно «составы-покушения»), и как завершенные деяния (предполагающие сам факт согласия несовершеннолетнего совершить соответствующее преступление или антиобщественное действие).

Подводя итог, отметим важность разработки научно обоснованной классификации составов преступлений по моменту их окончания. С одной стороны, в ней нуждается законодатель, задачей которого является четкая и дифференцированная фиксация этого момента в Особенной части УК РФ. С другой стороны, ценность рассматриваемого деления не менее значима и для практиков, для которых понимание специфики квалификации преступлений, различающихся по моменту их окончания, – неперемное условие правильного применения уголовного закона.

Ссылки

1. Круглевский А. Н. Имущественные преступления. Исследование основных типов имущественных преступлений. СПб., 1913. 121 с.
2. Сергеевский Н. Д. О значении причинной связи в уголовном праве // Временник Демидовского юридического лицея. Книга 21. Ярославль, 1880. С. 3–171.
3. Иванчин А. В. Ширяев: жизненные вехи и научное наследие // Lex Russica. 2014. Т. ХСVI, № 9. С. 1104–1113.
4. Неклюдов Н. А. Уголовное право (Общая часть): конспект. СПб., 1875. 195 с.
5. Немировский Э. Я. Основные начала уголовного права. Одесса, 1917. 312 с.
6. Дурманов Н. Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955. 340 с.
7. Трайнин А. Н. Общее учение о составе преступления. М., 1957. 353 с.
8. Есаков Г. А., Крылова Н. Е., Серебренникова А. В. Уголовное право зарубежных стран. М., 2008. 225 с.
9. Коробеев А. И., Чанхай Лун. Состав преступления в доктрине уголовного права Китая и России: компаративистское исследование. М., 2013. 169 с.
10. Иванчин А. В. Конструирование состава преступления: теория и практика: монография / отв. ред. Л. Л. Кругликов. М., 2014. 352 с.
11. Иванчин А. В. Границы состава преступления в Особенной части УК РФ // Lex Russica. 2011. № 4. С. 729–740.
12. Соловьев О. Г. Современные подходы к использованию конструкций преступлений в сфере экономической деятельности в уголовном праве России // Вестник Ярославского государ-

ственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 3 (37). С. 71–74.

13. Наумов А. В. Российское уголовное право: Курс лекций. М., 2010. Т. 1: Общая часть. 781 с.

14. Энциклопедия уголовного права. СПб., 2005. Т. 3: Понятие преступления. 468 с.

15. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / под ред. А. И. Чучаева. М., 2013. 624 с.

16. Благов Е. В. Основной курс уголовного права. М., 2017. 360 с.

17. Иванчин А. В. Формирование теории конструирования состава преступления (эссе по случаю Юбилея Учителя) // Российский криминологический взгляд. 2015. № 1. С. 168–179.

18. Трайнин А. Н. Избранные труды / сост., вступ. ст. Н. Ф. Кузнецовой. СПб., 2004. 451 с.

19. Генчов Э. С., Драченев А. С. Оконченное преступление с точки зрения законодательной техники // Вопросы юридической техники в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Ярославль, 1997. С. 3–12.

20. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960. 247 с.

21. Российское уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В. П. Коняхина и М. Л. Прохоровой. М., 2014. 672 с.

22. Тедеев К. Т. Стадии совершения преступления и конструкции составов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 178 с.

23. Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве. СПб., 2005. 321 с.

24. Безверхов А. Г. Типология составов преступлений (некоторые проблемы законодательного конструирования) // Актуальные проблемы юридической науки. Тольятти, 2011. Ч. 2. С. 63–71.

25. Решетникова Д. В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. 223 с.

26. Абачиев С. К. Формальная логика с элементами теории познания. Ростов н/Д, 2012. 220 с.

27. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 349.2

В статье проанализирована проблема символов как особого средства юридической техники, а также символических действий как особого основания возникновения трудовых отношений. В свете этой концепции дан критический анализ последним изменениям в ст. 19.1 ТК РФ. Обоснована нецелесообразность признания отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми как отдельной разновидности скрытых действий. Квалифицирующими признаками, по мнению автора, допущения к работе является фактическое приступление работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его представителя без оформления трудового договора в письменной форме.

К л ю ч е в ы е с л о в а : символы; символические действия; средства юридической техники; трудовое отношение; трудовой договор.

The article analyses the problem of symbols as special means of legal technique and symbolical actions as special basis for labor relations. In the context of this notion the critical analysis is given under modifications of Art. 19.1 of the Labor Code of the Russian Federation. The inexpediency of recognition of the relations which have arisen on the basis of the civil contract, labor as a separate kind of the hidden actions is proved. The qualifying sign, according to the author, of admitting to work is the actual start of working by an employee with a permission or at the request of the employer or his representative even without a written employment contract.

К e y w o r d s : symbols; symbolical operations; means of the legal equipment; labor relation; employment contract.

Д. А. Смирнов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: Dima_Smirnov@bk.ru

Символы и символические действия в контексте последних изменений статьи 19.1 ТК РФ*

Научная статья

D. A. Smirnov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Symbols and Symbolical Actions in the Context of the Recent Modifications of Article 19.1 of the Labor Code of the Russian Federation

Scientific article

Вопросы правовой символики исследованы в правовой науке в целом недостаточно и нередко сводятся к анализу правовой защиты символов государства [1, 2]. В то же время проблема правовой символики гораздо шире и многообразней.

Некоторые философы достаточно широко понимают символ применительно к праву. Так, С. Г. Сычёва под одним из важнейших символов в политике понимает юридический закон. Она пишет: «...закон – это символ, а символ – это закон ... В каком смысле можно говорить, что закон – это символ? В том, что он выступает идеальным планом, конструкцией человеческого поведения в обществе. Это такая задача, которая в своём един-

стве должна выполняться огромным множеством индивидов, несмотря на их личную неповторимость. Закон стимулирует нас к действию или недействию» [3, с. 16].

На первый взгляд подобная точка зрения на закон в самом широком смысле и право в целом, будучи истинной, представляется малоперспективной при исследовании сугубо юридических символов. На уровне неопровержимой презумпции (правового постулата) можно признать, что для каждого человека закон и право являются определёнными символами (хотя и это суждение распространяется не на всех граждан). Равным образом правильным, на наш взгляд, будет утверждение, что

* Работа написана при финансовой поддержке ЯрГУ, проект ВИП-002.

закон одним фактом своего наличия уже оказывает влияние на поведение людей. Однако нам представляется (и в дальнейшем мы попытаемся доказать эту мысль), что законодатель в некоторых случаях намеренно использует свойства закона как символа для воздействия на поведение людей.

Если мы обратимся к восприятию знаков и символов в праве, то увидим, что проблематика символов и знаков обсуждается юристами достаточно активно. Однако в целом мы вынуждены констатировать, что дискуссии относительно природы правовых символов носят недостаточно определённый характер.

Так, большинство авторов вообще избегают давать определение символам в праве.

В работах по юридической символике достаточно часто приводится определение, данное М. Л. Давыдовой, согласно которому символ – это некоторая знаковая структура, служащая для обозначения идеального содержания, отличная от её непосредственного предметного бытия, открывающегося органам чувств [4, с. 56]. Однако данное определение было взято М. Л. Давыдовой из учебника А. И. Пигалёва по культурологии в качестве рабочего без какого-либо обоснования его использования и дальнейших разъяснений. В то же время указанные разъяснения необходимы ввиду того, что предложенное определение не выполняет функции разъяснения содержания обозначаемого понятия ввиду своей явно недостаточной конкретности: в частности, непонятно, что понимать под знаковой структурой, что такое идеальное содержание, что такое непосредственное предметное бытие.

П. Д. Шалагинов в кандидатской диссертации, посвящённой функциям правовых символов, даёт следующее определение правового символа – «...это создаваемый или санкционируемый государством условный знак, ценностное образование, выражающий определённое юридическое содержание и охраняемый государством» [5, с. 8].

Особое внимание правовым символам как средствам правоприменительной техники было уделено в одноимённой диссертации О. И. Шарно. Под правовым символом как средством юридической техники она предлагает понимать культурно-ценностное государственно-правовое юридико-техническое (прикладное) средство, предназначенное для эффективности восприятия правового материала, приобретающее в зависимости от политико-правового смысла определённые форму и содержание (от условного образа до знака), используемое в

определённом процедурном порядке и признаваемое и санкционируемое государством [6, с. 83]. Как мы видим, в данном определении автор обращает внимание на тесную связь правовых символов с культурой в целом. Поэтому в данное определение были включены признаки, характерные для символа как элемента культуры (в частности, его культурно-ценностный характер, изменчивость символа в зависимости от контекста).

В целом авторы, давая определение правовых символов как особого средства юридической техники, указывают множество самых разных признаков, касающихся в том числе и символа как категории культурной и философской. Мы полагаем, что при определении символа как средства юридической техники определяющим признаком должно быть назначение его применения, на основании чего символ может быть определён как особое средство юридической техники, используемое в целях экономии правового воздействия, а также имеющее целью воздействие на психологическое состояние субъекта правоотношений.

Что касается символических действий, то они исследованы в науке в целом недостаточно. Одним из первых о подобного рода действиях в отечественном правоведении упомянул Д. И. Мейер в рамках исследования понятия скрытых фактов как особых действий, которые хотя и не отвечают формальным требованиям к юридическим фактам, но в то же время свидетельствуют о намерении лица вступить в правоотношения и, соответственно, эти правоотношения порождают (например, фактическое принятие наследства) [7, с. 68–84]. Д. И. Мейер специально отграничивал скрытые факты от символических действий (хотя и указывал на их сходство в той части, что в обоих случаях вместо непосредственного выражения воли имеет место знак) по двум признакам: во-первых, в символическом действии знак является сугубо условным, состоит в искусственной связи с действием, тогда как знак скрытого факта свидетельствует о наличии действия в силу наличия внутренней связи с этим действием; во-вторых, знак в символическом действии совершается с целью его выражения и признаётся в качестве такового компетентными органами, в то время как знак скрытого факта не имеет назначения его выразить, выдаёт его против воли самого лица [7, с. 70].

Что касается собственно символических действий, то Д. И. Мейер рассматривал их как симптом состояния «...младенствующего общества,

которое одно под преобладающим влиянием воображения в состоянии бессознательно принимать знак действия за само действие, подобно тому как дети серьёзно принимают куклу за человека, игру за дело, и потому нередко действительно облакает символ в юридическое значение, свойственное самому действию» [7, с. 70–71]. Подобный взгляд на символические действия в настоящее время видится уже достаточно архаичным.

Достаточно развёрнутую критику позиции Д. И. Мейера дал Г. Ф. Дормидонтов. Он поставил под сомнение отграничение Д. И. Мейером скрытых фактов от презумпций и фикций. Согласно позиции Г. Ф. Дормидонтова, скрытые действия, по сути, представляют собой разновидность презумпции (неспроста соответствующий параграф он назвал «Скрытые действия (презумпция воли)»).

Рассуждая о скрытых действиях, Г. Ф. Дормидонтов с необходимостью выходит на проблему конклюдентных действий и выделяет две их разновидности: во-первых, это те действия, «...при которых заключение к скрытой воле действительно обязательно для судьи и для самого действующего, хотя бы даже он заявлял протест против такого заключения»; во-вторых, это «...те действия, при которых заключение к скрытой воле действующего сомнительно и допускает возможность нескольких предположений, из которых закон указывает одно (сообразуясь со степенью его вероятности, или, независимо от этого, по другим соображениям), как такое, которому предпочтительно должен следовать судья, если со стороны действующего не будет заявлено протеста...» [8, с. 58–49].

В современном трудовом праве ярким примером скрытых действий подобного рода являются действия, описанные в ч. 2 ст. 67 ТК РФ. А именно закон говорит здесь о двух случаях скрытых действий: фактическом допущении работника к работе и оформлении гражданско-правового договора вместо трудового.

При фактическом допущении работника к работе (если, конечно, выполнены все условия такого допущения) возникают права и обязанности, тождественные тем, которые возникают при заключении трудового договора в письменной форме, с единственной разницей – дополнительно у работодателя возникает обязанность оформить с работником договор в письменной форме в течение трёх рабочих дней. В. В. Архипов, на наш взгляд, обоснованно выводит из описываемой обязанности работодателя также и право работника

требовать оформления трудового договора в трёхдневный срок [9].

В этом контексте фактическое допущение представляет собой в чистом виде конклюдентную сделку первого типа по классификации Г. Ф. Дормидонтова. Мотивы работодателя, осуществляющего фактическое допущение, значения не имеют. Иными словами, знаковое действие в виде фактического допущения совершенно безапелляционно свидетельствует о желании работодателя (по крайней мере, на уровне неопровержимой презумпции) заключить трудовой договор.

В данном случае, однако, возникает следующая проблема: договор есть добровольное волеизъявление двух лиц, и закон не отвечает на вопрос, как быть в том случае, если работник отказывается подписывать трудовой договор (например, мотивируя это недостаточностью благоприятными для себя условиями договора) (ещё раз обратим внимание на то, что обязанность оформить договор возникает только у работодателя, а не у работника). Законодатель, насколько мы можем судить, в данном случае действовал по схеме: раз работодатель нарушил нормальный порядок заключения договора (осуществил скрытые действия), то и риски, связанные с исправлением этого положения, он принимает на себя. Однако независимо от мотивов законодателя мы вынуждены констатировать пробельность законодательства в регулировании подобных случаев.

Отчасти проблему решает обращение к общеправовому принципу запрета злоупотребления правом (признанному на уровне Пленума Верховного суда и даже частично применительно к увольнению работника – п. 27 Постановления Пленума Верховного суда от 17 марта 2004 года № 2). Полагаем, что при наличии злоупотребления правом со стороны работника, знающего об обязанности работодателя оформить с ним трудовой договор в трёхдневный срок и намеренно устанавливающего условия, явно неприемлемые для работодателя, принципиально возможно защитить права работодателя таким образом в виде освобождения от ответственности за несоблюдение трёхдневного срока (в первую очередь речь идёт о привлечении к административной ответственности по п. 4 ст. 5.27 КоАП РФ, хотя не исключаются и иные виды ответственности).

Однако как быть в том случае, если стороны вполне добросовестно не могут согласовать условия трудового договора, ответ дать достаточно сложно.

Несколько иная ситуация имеет место при второй разновидности скрытных действий – заключении гражданско-правового договора вместо трудового. Начать следует с того, что само по себе заключение гражданско-правового договора вместо трудового не влечёт за собой автоматически возникновения трудовых отношений (в отличие от фактического допущения). Для этого необходим (но недостаточен) особый юридический факт, который кодекс именуется «признанием отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми».

Следует обратить внимание на достаточно интересную в теоретическом плане проблему. Статья 16 ТК РФ «Основания возникновения трудовых отношений» относит признание отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми к случаям сложного фактического состава (о чём говорит и название статьи 19.1 ТК РФ), в то время как возникновение отношений на основании фактического допущения к таковым не относится.

Подобный подход законодателя нам видится достаточно странным, тем более что он влечёт и вполне осязаемые практические последствия. Как мы указывали выше, в результате фактического допущения трудовые отношения возникают автоматически и существуют независимо от того, оформят ли стороны в дальнейшем трудовой договор. Совсем иная ситуация имеет место при признании отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми. Как следует из положений ст. 19.1 ТК РФ, юридический факт признания гражданско-правовых отношений трудовыми сам по себе не влияет на их природу, а влечёт обязанность заказчика оформить трудовой договор не позднее трёх рабочих дней со дня такого признания, если иное не установлено судом (ч. 2 ст. 67 ТК РФ). Последняя оговорка законодателя является весьма загадочной. Так, В. А. Болдырев полагает, что это всего лишь «...способ противопоставления судебного срока сроку законному, закрепление возможности судебного усмотрения» [10]. Полагаем, что данная оговорка введена законодателем специально на тот случай, если работодатель в силу каких-то уважительных причин не сможет оформить трудовой договор в трёхдневный срок. Оценка этих причин, как мы видим, оставлена на откуп судебного усмотрения.

Следует обратить внимание и на терминологические несоответствия: и применительно к фактическому допущению, и применительно к при-

знанию отношений трудовыми законодатель, говоря об обязанности работодателя, оперирует термином «оформить трудовой договор». Если к фактическому допущению данный термин применён адекватно, то к признанию отношений трудовыми явно более подходит термин «заключить трудовой договор».

Таким образом, получается, что сам по себе факт признания гражданско-правовых отношений трудовыми не меняет их отраслевой природы, а влечёт обязанность работодателя заключить на основании этого признания трудовой договор (и таким образом реализуется сложный состав возникновения трудовых отношений).

На наш взгляд, подобная позиция законодателя является ошибочной и внутренне противоречивой, что очень хорошо проявляется при анализе собственно предписаний ст. 19.1 ТК РФ. Согласно ч. 2 ст. 19.1 ТК РФ, если отношения, возникшие на основании гражданско-правового договора, уже прекратились, признание этих отношений трудовыми отношениями осуществляется судом. Исходя из системного толкования данной нормы в связи с другими предписаниями данной статьи и статьи 67 ТК РФ, в течение трёх рабочих дней после вступления в законную силу решения суда работодатель обязан заключить с работником трудовой договор, который будет распространяться на гражданско-правовые отношения, имевшие место в прошлом и уже прекратившие своё действие. Без заключения данного договора отраслевая принадлежность указанных отношений не может быть изменена, что выглядит явно абсурдным.

Равным образом весьма странно смотрится рассматриваемая позиция законодателя и в контексте применения ч. 5 ст. 19.1 ТК РФ, которая предписывает, что при признании гражданско-правовых отношений трудовыми они считаются возникшими с момента фактического допущения работника к работе на основании гражданско-правового договора. Получается, что отношения, которые изначально можно квалифицировать как отношения, возникшие на основании фактического допущения, почему-то ставятся в зависимость вначале от признания их трудовыми, а затем от заключения работодателем с работником трудового договора. Нам подобный подход видится, по меньшей мере, странным.

Нельзя не отметить и тот факт, что изменения в ТК РФ, связанные с введением ст. 19.1 (ФЗ от 28.12.2013 № 421-ФЗ), ухудшили положение работника по сравнению с ранее действующими

нормами. Так, согласно предыдущей редакции ч. 4 ст. 11 ТК РФ, если судом было установлено, что договором гражданско-правового характера фактически регулировались трудовые отношения, то к этим отношениями применялись нормы трудового права. Это же предписание продублировано и в п. 8 Постановления Пленума от 17 марта 2004 года № 2, то есть ранее у судов было право переqualифицировать трудовые отношения, которым они пользовались достаточно активно.

В соответствии с новыми поправками в ч. 4 ст. 11 ТК РФ у судов есть право переqualифицировать гражданско-правовые отношения в трудовые «...в порядке, установленном настоящим Кодексом, другими федеральными законами...», то есть в порядке ст. 19.1 ТК РФ. И. К. Дмитриева пишет, что теперь ч. 4 ст. 11 ТК РФ «...носит более общий характер...», фактически конкретизируясь в положениях ст. 19.1 ТК РФ, с чем нельзя не согласиться [11].

Огрехи законодательного регулирования частично смягчаются судебной практикой, а именно суды в подобных случаях ссылаются на положения ч. 2 ст. 67 ТК РФ о фактическом допущении, на положения п. 8 Постановления Пленума Верховного суда от 17 марта 2004 г. № 2, согласно которым, если между сторонами заключен договор гражданско-правового характера, однако в ходе судебного разбирательства будет установлено, что этим договором фактически регулируются трудовые отношения между работником и работодателем, к таким отношениям в силу ч. 4 ст. 11 Трудового кодекса РФ должны применяться положения трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права. На основании этого они признают отношения трудовыми, а обязанность работодателя заключить трудовой договор выводят уже из факта этого признания [12–14]. Однако, как мы указывали выше, в строгом смысле ссылки на положения Постановления Пленума Верховного суда от 17 марта 2004 г. в данном случае необоснованны, так как они отсылают к положениям ч. 4 ст. 11 ТК РФ, а та, в свою очередь, к ст. 19.1 ТК РФ.

Следует также отметить, что ряд исследователей, например Г. В. Хныкин, скептически отнеслись к изучаемым изменениям, усомнившись в их эффективности [15, с. 17]. В. А. Болдырев также обращает внимание и на возможности злоупотребления правом со стороны работников в связи с указанными изменениями [16].

Нам представляется, что законодатель ввёл статью 19.1 ТК РФ и внёс изменения в статьи 11 и 67

ТК РФ без достаточной теоретической проработки, повинуясь сугубо прикладной цели обеспечения защиты работников от необоснованного заключения гражданско-правового договора, фактически регулирующего трудовые отношения.

Как мы отмечали выше, решение законодателя отнести случаи признания отношений на основании гражданско-правового договора трудовыми к сложному юридическому составу возникновения трудовых отношений является ошибочным. Более того, мы убедились, что законодатель, даже прописав отдельно процедуру признания отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми, вынужден был в конечном счёте обратиться к конструкции фактического допущения.

Полагаем, что выделение признания отношений, возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми как отдельной разновидности скрытых действий, наряду с фактическим допущением, нецелесообразно. Считаем, что по своей природе допущение работника к работе на основании гражданско-правового договора является всего лишь частным случаем фактического допущения. На наш взгляд, квалифицирующими признаками допущения к работе является, как это указано в ч. 2 ст. 67 ТК РФ, фактическое приступление работника к работе с ведома или по поручению работодателя или его представителя без оформления трудового договора в письменной форме. Оформлены ли были другие договоры или акты в целом (гражданско-правовые или какие-то другие), для установления факта возникновения трудовых отношений не должно иметь принципиального юридического значения.

Ссылки

1. Карабанова Е. Н. Особо почитаемые символы как объект уголовно-правовой охраны: проблемы законодательного регулирования // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2013. № 10. С. 62–65.
2. Куратов А. А. Выявление мотивов правонарушений, способствующих незаконному использованию Государственного герба Российской Федерации // *Административное право и процесс*. 2016. № 10. С. 60–63.
3. Сычёва С. Г. Проблема символа в философии. Томск, 2000. 197 с.
4. Давыдова М. Л. Правовые символы и символы в праве: понятие, значение, классификация // *Юридическая техника*. 2008. № 2. С. 56–63.

5. Шалагинов П. Д. Функции правовых символов: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 26 с.
6. Шарно О. И. Правовые символы как средство правоприменительной техники: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 183 с.
7. Мейер Д. И О юридических вымыслах и предположениях, о скрытных и притворных действиях. Казань, 1854. 127 с.
8. Дормидонтов Г. Ф. Классификация явлений юридического быта, относимых к случаям применения фикций. Казань, 1895. 189 с.
9. Архипов В. В. Место и значение трудового договора в регулировании и организации трудовых отношений: теория и практика // Законодательство и экономика. 2009. № 7. СПС «Консультант Плюс».
10. Болдырев В. А. Процедуры констатации факта существования трудового отношения // Современное право. 2015. № 1. СПС «Консультант Плюс».
11. Дмитриева И. К. Признание отношений, связанных с использованием личного труда и возникших на основании гражданско-правового договора, трудовыми // Законодательство и экономика. 2016. № 3. СПС «Консультант Плюс».
12. Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 10.02.2016 по делу № 33-1007/2016. СПС «Консультант Плюс».
13. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 10.03.2016 по делу № 33-5086/2016. СПС «Консультант Плюс».
14. Апелляционное определение Краснодарского краевого суда от 15.03.2016 по делу № 33-5087/2016. СПС «Консультант Плюс».
15. Хныкин Г. В. Потери и приобретения российского законодательства // Трудовое право в России и за рубежом. 2015. № 2. С. 15–19.
16. Болдырев В. А. Договорная констатация факта существования трудового отношения: риски злоупотребления правом // Гражданское право. 2015. № 6. С. 37–39.

Рассматриваются вопросы правомерности ограничений прав и законных интересов организаторов и участников публичных мероприятий. На основе анализа практики зарубежных государств в сфере свободы собраний формулируется предложение о рассмотрении ограничений публичных мероприятий как деятельности, связанной с выявлением, оценкой и выбором средств минимизации сопровождающих публичные мероприятия рисков. К числу критериев правомерности государственного вмешательства в организацию и проведение публичных мероприятий предлагается относить критерии явной и неизбежной опасности причинения вреда в ходе проведения акции, уровня, масштаба и возможностей преодоления негативных последствий.

Ключевые слова: конституционное право; ограничения; публичные мероприятия; свобода собраний; риски; акции; судебная практика.

The article deals with the issues concerning the lawfulness nature of the restrictions of rights and legal interests granted to organizers and participants of public events. Based on the analysis of foreign practice on freedom of assembly the author suggests defining restrictions on public events, as activities related to disclosing, assessment and finding the way of reducing the level of risks connected with the action. Criteria of apparent and inevitable danger, level, scale and possibility of managing adverse effect are given as the criteria of lawfulness of intervention in organization and holding public events.

Keywords: constitutional law; restrictions; public events; freedom of assembly; risks; actions; judicial practice.

С. В. Симонова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: owninginfo-owningworld@yandex.ru

Правомерные ограничения организации и проведения публичных мероприятий в гражданском обществе

Научная статья

S. V. Simonova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Lawful Restrictions Imposed on Organizing and Holding of Public Events in the Civic Society

Scientific article

В современной конституционно-правовой доктрине все большее число ученых склоняется к возможности оценки правомерности ограничений прав и законных интересов организаторов и участников публичных мероприятий с позиции широко применяемого за рубежом теста на пропорциональность, предполагающего установление легитимной цели, пригодности и необходимости ограничения, а также разумного соотношения между пользой и вредом применения ограничительного средства [1, с. 45–46; 2, с. 81–82]. Между тем анализ практики ряда зарубежных государств позволяет обнаружить переориентацию данного теста на оценку сопровождающих мероприятия рисков негативных последствий, для минимизации которых вводится ограничительная мера. В условиях отсутствия в российской правотворческой и правоприменительной практике

риск-ориентированной модели взаимодействия органов публичной власти и носителей свободы собраний данный подход заслуживает особого внимания.

Сопровождающие публичные мероприятия риски обусловлены объективной неопределенностью в отношении негативных последствий проведения акции, которые в случае высокой вероятности наступления должны быть минимизированы со стороны законодателя либо правоприменителя. Значение процесса выявления и последующей оценки рисков возможных негативных последствий как основы правомерного вмешательства в свободу собраний неоднократно разъяснялось в принятых в отношении Российской Федерации решениях Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ), в которых устанавливалась необоснованность вмешательства в свободу собраний в форме несогласования места

и времени проведения публичного мероприятия без всесторонней оценки обстоятельств, свидетельствующих о связанных с акцией *реальных угрозах*. В частности, данным органом межгосударственной правовой защиты был выработан ряд правовых позиций, ориентирующих национальные власти на конкретизацию рисков, которые сопровождают каждое публичное мероприятие в отдельности¹, а также на оценку вероятности причинения участниками акции вреда охраняемым законом ценностям². При этом ЕСПЧ неоднократно фиксировал факт презюмирования российскими органами публичной власти рисков неблагоприятных последствий в целях воспрепятствования выражению нежелательных с точки зрения должностных лиц мнений, настроений, требований и заявлений³.

В зарубежных государствах в целом сложилось несколько моделей оценки ограничений прав и законных интересов организаторов и участников публичных мероприятий на предмет соразмерности связанным с проведением акций угрозам охраняемым законом ценностям. Так, французской правоприменительной практикой был выработан подход, в соответствии с которым ограничение свободы собраний может быть установлено при любой величине риска нарушения общественного порядка и общественной безопасности в ходе публичного мероприятия [3, с. 91, 127]. Напротив, в ФРГ риск нарушения общественного порядка и общественной безопасности оценивается правоприменителем через призму доктрины «прямой угрозы», суть которой сводится к признанию правомерным лишь такого ограничения свободы собраний, которое направлено на нейтрализацию сопровождающей акцию неми-

нуемой угрозы охраняемым ценностям. Федеральный Конституционный суд ФРГ рекомендует судьям связывать данную угрозу исключительно с высокой степенью вероятности, что лицо, являющееся носителем свободы собраний, готово к насилию или к его оправданию, а также намеревается совершить действия, посягающие на охраняемые ценности [3, с. 119]. Вместе с тем вопрос о критериях определения высокого уровня угрозы для оправдания правомерности ограничения прав и законных интересов организаторов и участников публичных мероприятий до сих пор остается в немецкой правоприменительной практике без ответа.

В отличие от Франции и ФРГ, в Великобритании и США судьи озадачены поиском ответа на вопрос о характере последствий, которые могут либо могли бы наступить при отсутствии вмешательства в осуществление свободы собраний. Как следствие, правомерность ограничения оценивается исходя из представлений властного субъекта о реальности и неминуемости ущерба охраняемым законом ценностям со стороны публичного мероприятия [3, с. 123]. В американской доктрине данный тест получил наименование теста «явной и неизбежной опасности». Причем для оправдания правоприменительного ограничения в американской правовой системе важно, чтобы лицо, организующее публичное мероприятие или участвующее в нем, имело также намерение причинить своим поведением вред⁴. Очевидно, что подобное требование делает американский тест правомерности ограничений свободы собраний настолько строгим, что, используя его, практически невозможно оправдать ни одну ограничительную меру в отношении публичной акции. Между тем критерий умышленного отношения правообладателя к вредным последствиям едва ли можно расценить в качестве универсального ввиду сомнительности его применения в отношении нормативных ограничений свободы собраний. Практические условия организации и проведения мероприятий столь разнообразны, что необходимость ограничения свободы собраний может возникнуть и в отсутствие вины организаторов или участников акции, например если речь идет о необходимости ее прекращения в связи с насилием со стороны контрдемонстрантов или провокаторов.

Как видим, анализ опыта зарубежных государств в области оценки сопровождающих публич-

¹ См., например: Application no. 4916/07, Alekseyev v. Russia, Judgment of 31 July 2011, § 98. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-101257> (дата обращения: 01.09.2017).

² См., например: Application no. 26587/07, Krupko and others v. Russia, Judgment of 26 June 2014, § 51. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145013> (дата обращения: 01.09.2017); Application no. 74568/12, Frumkin v. Russia, Judgment of 5 January 2016, § 117, 127-128, 133-136. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-159762> (дата обращения: 01.09.2017).

³ См., например: Application no. 26587/07, Krupko and others v. Russia, Judgment of 26 June 2014, § 51. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-145013> (дата обращения: 01.09.2017); Application no. 74568/12, Frumkin v. Russia, Judgment of 5 January 2016, § 117, 127-128, 133-136. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-159762> (дата обращения: 01.09.2017).

⁴ См., например: U.S. Supreme Court, Brandenburg v. Ohio, 395 U.S. 444 (1969). URL: <http://caselaw.findlaw.com/us-supreme-court/395/444.html> (дата обращения: 01.09.2017).

ные мероприятия рисков позволяет выявить отсутствие в национальных практиках четких критериев, на основе которых возможна оценка величины риска причинения вреда охраняемым законом ценностям со стороны организаторов или участников публичных мероприятий. Данные критерии предложены в российском правовом регулировании применительно к организации государственного контроля (надзора), осуществление мероприятий в рамках которого с 2016–2018 годов производится с учетом отнесения деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и (или) используемых ими производственных объектов к определенной категории риска либо классу опасности⁵. При этом риск рассматривается через призму произведения вероятности наступления негативных событий на объем потенциального вреда⁶. Вероятность причинения вреда оценивается в практике государственного контроля (надзора) с учетом ранее совершенных нарушений обязательных требований. В свою очередь, уровень угрозы негативных последствий рассматривается с позиции условий и обстоятельств, приводящих к их наступлению, и особенностей подконтрольного субъекта. Оценку тяжести потенциальных негативных последствий предлагается производить с учетом степени тяжести случаев причинения вреда, масштаба распространения потенциальных негативных последствий и трудности их преодоления⁷. Между тем обозначенные критерии определения величины риска в сфере государственного контроля (надзора) не могут быть полностью заимствованы применительно к ограничениям публичных прав в целом

⁵ См.: ст. 8.1 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 01.05.2017) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // СЗ РФ. 2008. № 52, ч. 1. Ст. 6249.

⁶ См.: Базовая модель определения критериев и категорий риска (утв. Протоколом заседания проектного комитета 31.03.2017 № 19(3)) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ См.: п. 8–9 Правил отнесения деятельности юридических лиц и индивидуальных предпринимателей и (или) используемых ими производственных объектов к определенной категории риска или определенному классу (категории) опасности, утв. Постановлением Правительства РФ от 17.08.2016 № 806 (ред. от 22.07.2017) «О применении риск-ориентированного подхода при организации отдельных видов государственного контроля (надзора) и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 35, ст. 5326.

и свободы собраний в частности ввиду непропорциональности введения предварительных ограничительных мер исключительно по мотивам предшествующего противоправного поведения лица.

Представляется справедливым определить следующие основные правила выявления, оценки и выбора технологии минимизации сопровождающих организацию и проведение публичных мероприятий рисков, которым должны быть соразмерны правомерные ограничения в сфере свободы собраний.

Во-первых, вероятность причинения вреда охраняемым законом ценностям следует оценивать через призму неизбежности данного вреда. Указанная неизбежность должна быть связана с явной и неминуемой опасностью негативных последствий, предположение о наступлении которых подтверждено совокупностью прямых доказательств. К примеру, о высокой степени вероятности нарушения прав и законных интересов участников публичного мероприятия можно вести речь в том случае, если в ходе акции планируется выражение не защищаемых с позиции свободы мнений взглядов. В качестве же прямых доказательств неизбежности негативных последствий справедливо расценивать в том числе достоверные данные о том, что мероприятие проводится вблизи лиц, агрессивно настроенных в отношении участников акции.

Во-вторых, тяжесть связанных с публичным мероприятием негативных последствий для охраняемых законом ценностей необходимо оценивать с учетом возможности преодоления данных последствий силами органов публичной власти без каких-либо ограничений свободы собраний. Так, правомерным следует считать только такое ограничение в сфере публичных мероприятий, которое осуществляется при условии установления грамотного соотношения рисков законодателя и правоприменителя с рисками организаторов и участников акции: ограничения следует производить только в том случае, если бремя минимизации и преодоления этого риска не может быть возложено на носителей свободы собраний. Как представляется, ограничения должны налагаться исключительно в условиях отсутствия у властного субъекта возможности минимизации сопровождающей публичное мероприятие опасности, в том числе посредством принятия усиленных мер безопасности и оказания содействия организации и проведению акции. Достаточность подобных действий была подчеркнута в решении ЕСПЧ по делу «Фрумкин против России», в рамках которого Суд определил в качестве непропорционального такое

вмешательство в свободу собраний, которое было осуществлено в условиях одностороннего отказа органов публичной власти Российской Федерации от ведения диалога с организаторами и участниками акции по вопросу места проведения мероприятия и введения повышенных мер охраны общественного порядка [4, с. 12–26].

В-третьих, тяжесть вреда, причиняемого в связи с проведением публичного мероприятия, надлежит оценивать с учетом масштаба негативных последствий, предопределяемых характеристиками источника риска. Как было отмечено ЕСПЧ в решении «Примов против России», если в ходе проведения акции совершаются единичные акты насилия при общем сохранении мирных намерений участников мероприятия, принудительное прекращение всей акции в целом не может быть признано оправданным⁸. С учетом этого, справедливо признавать приоритет индивидуальных предварительных и последующих ограничительных мер над коллективными, вводимыми исключительно в случаях, когда использование индивидуальных мер не может предотвратить или пресечь действия, посягающие на охраняемые законом ценности.

В-четвертых, тяжесть связанных с публичным мероприятием негативных последствий следует оценивать с позиции уровня посягательства на охраняемые законом ценности. В правоприменительной практике ряда зарубежных государств предложены разумные правила определения оправдывающего наложение ограничений минимального уровня угрозы защищаемым законом ценностям: данный уровень предлагается устанавливать по итогам сравнения угрозы, обычно присущей мероприятию в определенных условиях, с угрозой, которую несет в себе конкретная акция [5, р. 745–746].

В-пятых, правомерное ограничение свободы собраний не может выступать в качестве фактора возрастания рисков иных негативных последствий в сфере организации и проведения публичных мероприятий, а также распространения практики самозащиты как реакции граждан на решения, действия и бездействие властных субъектов. Так, реализация ограничения не должна оказывать на граждан такого воздействия, которое оборачивалось бы отчуждением правообладателей от нормативно провозглашенных условий организации и прове-

дения публичных акций [6, с. 55–63]. В этой связи предлагаемые законодателем механизмы законного выражения мнений посредством проведения акций должны быть удобными для граждан и соответствовать опыту организаторов публичных мероприятий.

С учетом вышеизложенного правомерные ограничения публичных мероприятий справедливо определять как процесс и результат выявления, грамотной оценки и выбора оптимального способа минимизации правотворческим или правоприменительным органом риска, связанного с акцией. Применение риск-ориентированного подхода открывает новые возможности для повышения соразмерности осуществляемого на национальном уровне вмешательства в свободу собраний тяжести и вероятности причинения вреда охраняемым законом интересам. Сопровождающие публичные мероприятия риски могут быть оценены с позиции их неизбежности, пользы или вреда, масштаба и возможностей преодоления негативных последствий, а также уровня ожидаемого, длящегося или состоявшегося посягательства на публичные и (или) частные ценности.

Ссылки

1. Троицкая А. А. Пределы прав и абсолютные права: за рамками принципа пропорциональности? // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2. С. 45–69.
2. Шустров Д. Ограничительная оговорка и тест на пропорциональность в практике Верховного Суда Израиля // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2. С. 70–95.
3. Salát O. The right to freedom of assembly – A Comparative Study. Bloomsbury Publishing PCL, 2015. 314 p.
4. Шаблинский И. Г. Правовые условия проведения мирных собраний и решение Европейского Суда по правам человека по делу «Фрумкин против России»: Комментарий к Постановлению ЕСПЧ от 05.01.2016 (жалоба № 74568/12) // Международное правосудие. 2016. № 4. С. 12–26.
5. Wen-Chen Chang, Li-ann Thio, Kevin YL Tan and Jiunn-rong Yeh. Constitutionalism in Asia: cases and materials. Hart Publishing, 2014. 1056 p.
6. Бланкенегель А., Левин И. Г. Свобода собраний и митингов в Российской Федерации – сделано в СССР? «Лучше мы не можем» или «По-другому не хотим»? // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 2. С. 55–62.

⁸ См., например: Application no. 17391/06, Primov and others v. Russia, Judgment of 12 June 2014, § 55. URL: <http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-144673> (дата обращения: 01.09.2017).

УДК 342.7

В статье исследуются особенности установления и закрепления прав и обязанностей личности в конституционных актах. Делается вывод о том, что современная Конституция РФ не содержит сбалансированную систему прав и обязанностей личности и государства. Исходя из особенностей российской правовой системы (низкий уровень правосознания и правовой культуры индивидов, слабая управляемость и т. д.), обосновывается необходимость гармонизации конституционных прав и обязанностей и формулируются основные направления данного процесса для установления их органической целостности, что будет способствовать повышению эффективности функционирования общественных отношений.

Ключевые слова: гармонизация права; конституционные права; конституционные обязанности; совершенствование законодательства; конституция.

The article studies peculiarities of establishing and fixing the rights and responsibilities of individuals in constitutional instruments. It is concluded that the current Russian Constitution does not embody a balanced system of rights and duties of the individual and the state. Based on the characteristics of the Russian legal system (low level of legal awareness and legal culture of individuals, poor handling, etc.), the necessity of harmonization of constitutional rights and duties is justified. The author formulates main directions of the process for the establishment of a harmonious system that will contribute to improving the functioning of public relations.

Key words: harmonization of law; constitutional rights; constitutional responsibilities; improvement of legislation; Constitution.

А. С. Климова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: a.klimova@uniyar.ac.ru

Гармонизация конституционных прав и обязанностей как условие эффективного развития общественных отношений

Научная статья

A. S. Klimova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Harmonization of Constitutional Rights and Responsibilities as a Condition of Effective Development of Public Relations

Scientific article

Конституционные права и обязанности являются фундаментальным элементом в правовом статусе личности и отражают наиболее важные отношения между индивидом и государством. При этом в юридической науке и практике неоспоримой является неразрывная связь и единство данных явлений, которое иллюстрируется в сформулированной К. Марксом и Ф. Энгельсом фразе: «Нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав» [1, с. 13].

Именно установление в конституционных актах основных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина показывает соотношение государственных, общественных и индивидуальных интересов в стране. При этом для нормального функционирования отношений, строящихся на принципах взаимной ответственности государства и личности,

невозможным является удовлетворение только интересов личности или, наоборот, интересов общества – необходим учет их сочетания и взаимодействия. Следовательно, в конституции государства необходимо достижение баланса личных и общественных интересов путем закрепления наиболее важных прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Если первые отражают потребности индивидов, вторые нацелены на удовлетворение публичных интересов.

В настоящее время в основе как универсальных международных документов, так и национального законодательства многих стран лежит идея признания человека, его прав и свобод высшей ценностью. Большинство авторов полагают, что именно права и свободы обуславливают развитие всех сфер

жизнедеятельности гражданского общества, определяющих уровень его цивилизованности и прогрессивности. Стоит отметить, что даже некоторые учебники по конституционному праву практически не содержат информации о системе конституционных обязанностей личности [2; 3], что является неправильным, поскольку их наличие обусловлено сохранением и поддержанием в государстве в первую очередь законности и правопорядка. Интересными в этой связи являются высказывания С. А. Авакьяна о том, что в конституционном правовом регулировании не отражен еще один важный элемент – долг каждого перед обществом и государством, окружающим нас миром. Все явно преувеличивают статью 2 Конституции РФ, где отмечается, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. По мнению С. А. Авакьяна, в нашей Конституции следует «усилить постулаты: гражданство обязывает, собственность обязывает, совесть обязывает. Вот с этими канонами и стоит дальше существовать конституционно-политической системе России!» [4].

Следует также помнить, что именно обязанности в определенных ситуациях превалируют над правами человека и гражданина. Обязанности платить налоги, сохранять окружающую среду, нести военную службу, не нарушать права и свободы других лиц обслуживают в первую очередь общественные интересы. Они являются результатом исторического развития, без них не было бы возможным существование самого государства. Для реализации закрепленных в Основном законе прав человека существуют корреспондирующие обязанности государства и его органов, однако необходимо помнить, что без исполнения обязанностей личностью (например, по уплате законно установленных налогов и сборов) выполнение обязательств государством является невозможным.

Большинство авторов полагают, что права, закрепляемые в конституционных актах (петициях, декларациях, декретах и пр.), имеют естественную природу. Однако важно отметить, что обязанности личности также детерминированы естественным состоянием нахождения человека в обществе. Они, по мнению А. Шантавуана, налагаются естественными и неизменными началами нравственности, законами человеческими в силу принадлежности гражданина к обществу и государству [5, с. 7]. Поэтому составителями французской «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г. в разработанной Декларации обязанностей устанавливалось

следующее: «Дабы общество могло существовать, необходимо, чтобы члены общества знали также и выполняли свои обязанности» (ст. 1). Данное положение ничуть не потеряло своей актуальности и в наши дни, когда существует огромное количество злоупотреблений и нарушений обязанностей.

Поэтому свобода личности, содержащая одновременно возможности и необходимости, является объективной закономерностью стабильного развития социума, закрепляемой в Конституции, и в силу этого важнейшей характеристикой демократии, взаимной ответственности личности и общества [6, с. 294]. Только гармоничное отражение в конституционном и ином законодательстве личных и общественных интересов является залогом эффективного развития любых общественных отношений.

Анализируя Конституцию России, можно сделать вывод, что в настоящий момент нельзя говорить о наличии сбалансированной системы прав и обязанностей личности, законодателем сделан крен в сторону первых. Так, уже в главе 2 («Права и свободы человека и гражданина») Конституции РФ явно превалируют права и свободы. Однако в этой же главе мы находим и основные конституционные обязанности (ст. 17, 21, 36, 38, 43, 44, 57, 58, 59). Следовательно, логично ее было бы назвать «Права, свободы и обязанности человека и гражданина», что подчеркивало бы связь между правами и обязанностями.

Стоит также отметить, что, к сожалению, разработчиками действующей Конституции не были включены некоторые права и обязанности, закрепленные в предшествующих конституциях СССР и конституциях России. Например, не лишним было бы включение в ныне действующий Основной закон следующих положений Конституции РСФСР 1978 года: осуществление прав и свобод неотделимо от исполнения гражданином своих обязанностей (ст. 57); долг каждого гражданина – уважать национальное достоинство других граждан, укреплять дружбу наций и народностей многонационального государства (ст. 62); гражданин обязан уважать права и законные интересы других лиц, быть непримиримым к антиобщественным поступкам, содействовать охране общественного порядка (ст. 63). Данные положения ничуть не потеряли своей актуальности и в условиях демократического развития нашего государства.

В случае проведения конституционной реформы законодателю необходимо установление более

гармоничной системы прав и обязанностей личности, что будет способствовать повышению эффективности функционирования общественных отношений. Объем закрепляемых конституционных прав и обязанностей напрямую зависит от конкретно-исторических условий развития страны, уровня правосознания и правовой культуры граждан и должностных лиц, состояния законности и правопорядка. Поэтому, учитывая слабую управляемость различными сферами жизнедеятельности со стороны государства и институтов гражданского общества, высокий уровень правонарушений и преступности, отдельные ученые указывают на необходимость существенного расширения обязанностей личности и приведения их в более гармоничное сочетание с правами [7, с. 25]. Соглашаясь с указанным выводом, необходимо сформулировать следующие предложения, требующие, на наш взгляд, нормативного закрепления в Конституции Российской Федерации: а) каждый человек обязан уважать права, свободы, честь и достоинство других людей; б) каждый обязан добросовестно соблюдать общепризнанные принципы и нормы международного права и основанные на них законы государства; в) каждый обязан уважать жизнь другого лица; г) каждый, кому доверены государственные компетенции, должен рассматривать политическую власть как инструмент достижения экономической справедливости и социального порядка; д) запрещается использование властных полномочий в качестве инструмента господства отдельных лиц или групп по отношению к другим; е) каждый обязан осуществлять свой общественный вклад в соответствии со своими возможностями; ж) все обязаны участвовать в государственных расходах в соответствии со своей налоговой платежеспособностью; з) все мужчины и женщины обязаны проявлять уважение друг к другу; и) гарантируется защита прав, свобод и юридических обязанностей каждого в суде и ином компетентном органе; к) иностранцы, лица без гражданства, беженцы и мигранты, находящиеся в России, могут пользоваться всеми правами и должны выполнять все обязанности наравне с российскими гражданами, если иное не предусмотрено законом или международным договором,

международным пактом или конвенцией; л) соблюдение и защита прав и обязанностей человека и гражданина, закрепленных в Конституции и иных нормативных правовых актах, является обязанностью органов законодательной, исполнительной, судебной и муниципальной властей; м) лица, нарушившие закон и присягу, увольняются с этой должности и впредь не могут занимать ее, если их вина установлена приговором суда; н) никто не может быть принужден к исполнению обязанностей, противоречащих Конституции и законам Российской Федерации; о) федеральный закон регулирует обязанности каждого в случае серьезной опасности, катастрофы или общественного бедствия, а также ограничивает права и свободы человека и гражданина в чрезвычайных обстоятельствах.

Таким образом, с помощью включения указанных и иных юридических обязанностей в Конституцию РФ будет достигнут баланс между основными правами и обязанностями, созданы дополнительные нормативно-правовые предпосылки для укрепления законности и правопорядка в обществе, усиления ответственности личности перед государством и государства перед личностью.

Ссылки

1. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1960. Т. 16. 839 с.
2. Конституционное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. С. И. Носов. М., 2014. 391 с.
3. Конституционное право: университетский курс: учебник / под ред. А. И. Казанника, А. Н. Костюкова. М., 2015. Т. 2. 528 с.
4. Авакьян С. А. Как упрочить политический строй в России // НГ Политика. 2015. 17 февр.
5. Шантавуан А. Принципы 1789 г. СПб., 1907. 91 с.
6. Эбзеев Б. С. Конституция, власть и свобода в России: Опыт синтетического исследования. М., 2015. 336 с.
7. Матузов Н. И. Обязанности человека и гражданина как условие демократии и социальной стабильности // Право и политика. 2016. № 1 (193). С. 15–27.

В статье рассматриваются вопросы законодательной регламентации признаков превышения должностных полномочий по уголовному законодательству стран – бывших республик СССР. Автор оценивает подходы зарубежных законодателей, выделяя как положительные, так и отрицательные их стороны, а также возможность восприятия положительного опыта российским законодателем.

Ключевые слова: превышение должностных полномочий; существенный вред; тяжкие последствия; достоинства; недостатки; УК РФ; зарубежное законодательство.

The article deals with the issues of legislative regulation of the signs of excess of official authority in the criminal legislations of countries - former Soviet republics. The author assesses the approaches of foreign legislators, highlighting both positive and negative aspects of them, as well as the possibility of perceiving positive experience by the Russian legislator.

Keywords: abuse of official authority; significant harm; grave consequences; dignity; limitations; Criminal Code of the Russian Federation; foreign legislation.

А. А. Ильин

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: ilin978@yandex.ru

Особенности уголовной ответственности за превышение должностных полномочий по законодательству стран – бывших республик СССР

Научная статья

А. А. Ilin

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Features of Criminal Liability for Abuse of Official Authority under the Laws of Countries – Former Soviet Republics

Scientific article

В отличие от стран дальнего зарубежья уголовное законодательство стран – бывших республик СССР намного ближе к российскому в вопросах законодательной регламентации состава превышения должностных полномочий. Это проявляется, в частности, в сходной терминологии, объеме криминализации противоправного деяния, признаваемого превышением, в местонахождении состава среди других должностных преступлений и т. д.

Практически все уголовные кодексы рассматриваемой группы стран содержат самостоятельную норму о превышении должностных полномочий, имеющую идентичное либо сходное со ст. 286 УК РФ наименование: «Превышение должностных полномочий» (ст. 305 УК Кыргызской республики; ст. 309 УК Азербайджанской республики; ст. 316 УК Республики Таджикистан), «Превышение власти или служебных полномочий» (ст. 426 УК Республики Беларусь, ст. 365 УК Украины),

© Ильин А. А., 2017

«Превышение служебных полномочий» (ст. 317 УК Латвийской Республики). Исключение составляют лишь уголовные кодексы Литовской и Эстонской республик, описывающие составы превышения в рамках норм о злоупотреблении.

Весьма близка позиция стран – бывших республик СССР и по вопросам законодательной регламентации объективной стороны состава превышения полномочий, однако здесь есть свои особенности. В данном вопросе изучаемые страны можно условно разбить на три подгруппы в зависимости от степени сходства в описании состава с УК РФ. Первую подгруппу образуют страны, чьи уголовные кодексы практически идентичны с УК РФ в описании объективной стороны превышения (УК Азербайджана, УК Кыргызской Республики, УК Республики Казахстан, УК Республики Таджикистан). Так, например, ст. 316 УК Таджикистана характеризует объективные признаки

превышения как совершение действий, явно выходящих за пределы полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства [1], что полностью совпадает с признаками ст. 286 УК РФ. Вторую подгруппу образуют страны, чьи уголовные кодексы имеют определенные отличительные особенности (УК Республики Беларусь, УК Латвийской республики, УК Украины, УК Республики Узбекистан). Так, при описании деяния в УК Узбекистана (ст. 206) не используется признак «явности», но есть указание на источник предоставленных должностному лицу полномочий: «...совершение должностным лицом... действий, выходящих за пределы полномочий, предоставленных ему законом...» [2]. Указание на источник полномочий содержит также УК Латвийской Республики, называя наряду с законом задание, которое может быть возложено на лицо. Некоторые уголовные кодексы предусматривают возможность выхода должностного лица не только за пределы его полномочий, но и прав (ст. 365 УК Украины, ст. 317 УК Латвийской Республики, ст. 426 Республики Беларусь).

Все уголовные кодексы рассматриваемых стран аналогично УК РФ при описании последствий используют оценочное понятие «существенности» причиненного вреда, значение которого в материальном выражении раскрывается только в УК Украины.

В соответствии с Примечанием 3 к ст. 364 УК Украины «существенным вредом в статьях 364, 365, 367, если он заключается в причинении материального ущерба, считается такой вред, который в сто и более раз превышает не облагаемый налогом минимум доходов граждан» [3]. В соответствии с законодательством Украины сумма необлагаемого минимума устанавливается на уровне социальной льготы (п. 5 раздел XX переходных положений налогового кодекса Украины) и на 2017 год составляет 800 гривен [4]. Следовательно, существенным вредом будет признаваться сумма, превышающая 80000 гривен, что в рублевом эквиваленте составляет примерно 180 тыс. руб.¹ УК Республики Беларусь и Узбекистана пошли по другому пути, предусмотрев для характеристики материального вреда альтернативное последствие – «крупный ущерб» (УК Узбекистана) и «ущерб в крупном раз-

мере» (УК Республики Беларусь). Так, например, в соответствии с Примечанием 2 к гл. 35 УК Республики Беларусь ущербом в крупном размере признается размер на сумму, в двести пятьдесят и более раз превышающую размер базовой величины, установленной на день совершения преступления. Размер базовой величины, согласно постановлению Совмина от 28.11.2016 г. № 974, составляет 23 белорусских рубля [5], что эквивалентно примерно 685 российским рублям². Следовательно, ущербом в крупном размере по УК Республики Беларусь в рублевом эквиваленте признается сумма, превышающая 171 тыс. руб., что практически идентично порогу, установленному УК Украины. УК Узбекистана «крупным ущербом» признает ущерб в пределах от трехсот до пятисот минимальных размеров заработной платы (Раздел восьмой. Правовое значение терминов). Минимальный размер заработной платы в Республике Узбекистан с 01 октября 2016 г. составляет 149775 сумов в месяц [6], что эквивалентно примерно 1106 российским рублям³. Следовательно, крупным ущербом в рублевом эквиваленте признается сумма свыше 331 тыс. рублей. *Несмотря на существенную разницу в размерах названных сумм, общим для уголовных кодексов стран второй подгруппы является стремление на законодательном уровне конкретизировать размер «существенности» причиненного вреда, если он носит материальный характер, что, на наш взгляд, правильно, т. к. упрощает деятельность правоприменителя, которому не требуется в каждом конкретном случае особо доказывать «существенность» вреда, выраженного в той или иной денежной сумме.*

В научной литературе предлагается заимствовать законодательный опыт Республики Казахстан [7], в п. 14 ст. 3 УК которого дается определение «существенного вреда» [8, с. 219]. Данное предложение нам представляется спорным, поскольку критерии, заложенные в указанном определении, во многом неконкретны и принципиально не отличаются от разъяснений, данных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» [9], следовательно, не снимут возникающих на практике проблем

² Расчет произведен по курсу Центрального банка Российской Федерации на 15.11.2017.

³ Расчет произведен по курсу Центрального банка Российской Федерации на 15.11.2017.

¹ Расчет произведен по курсу Центрального банка Российской Федерации на 15.11.2017.

[10, с. 102–104]. Не совсем удачным выглядит и смешение последствий в виде существенного вреда с причинением значительного ущерба (п. 2 ст. 3 УК Республики Казахстан).

Уголовные кодексы стран третьей подгруппы (УК Литовской Республики, УК Эстонской Республики) существенно отличаются от ранее рассмотренных в вопросах описания объективной стороны превышения. Так, УК Литовской Республики, не раскрывая объективных признаков превышения полномочий, устанавливает, что такое деяние признается преступным в случае причинения «большого ущерба» (ст. 228) [11], а УК Эстонской Республики вообще не упоминает о превышении, но его объективные признаки выводятся из ст. 161¹, устанавливающей уголовную ответственность за злоупотребление властью: «Незаконное применение должностным лицом при выполнении своих служебных обязанностей оружия или насилия, а равно совершение им мучительных для потерпевшего или оскорбляющих его достоинство действий – наказывается лишением свободы на срок до шести лет» [12]. Объективная сторона здесь описана наиболее узко и выражается только в совершении действий, которые ни одно должностное лицо не вправе совершать.

Вопрос о субъективной стороне состава превышения полномочий во всех уголовных кодексах стран – бывших участниц СССР решен единообразно: превышение должностных полномочий возможно только с умышленной формой вины. Такой вывод следует либо из прямого указания закона на умысел как на единственно возможную форму вины (ст. 206 УК Узбекистана, ст. 426 УК Республики Беларусь, ст. 365 УК Украины, ст. 317 УК Латвийской Республики), либо из используемого законодателями признака «явности» выхода за пределы полномочий. Исключение составляет УК Литовской Республики, в ст. 228 которого не упоминается ни об умысле, ни о явности при превышении служебных полномочий. Однако и здесь неосторожная форма вины исключается в силу прямого указания закона: ч. 4 ст. 16 УК Литовской Республики устанавливает, что лицо подлежит уголовной ответственности за преступление или уголовный проступок, совершенные по неосторожности, лишь в случаях, особо предусмотренных в Специальной части Уголовного кодекса. Мотив и цель в качестве обязательных признаков основного состава ни в одном уголовном кодексе не фигурируют, следовательно, таковыми не являются.

Субъектом превышения должностных полномочий в большинстве уголовных кодексов рассматриваемых стран выступает должностное лицо. Исключение составляют УК Латвийской («государственное должностное лицо»), Литовской Республики («государственный служащий либо приравненное к нему лицо») и УК Республики Казахстан («лицо, уполномоченное на выполнение государственной функции»).

В вопросах дифференциации ответственности посредством выделения квалифицирующих признаков позиции законодателей стран – бывших участниц СССР во многом сходны, однако здесь есть свои особенности: практически все уголовные кодексы в качестве такового признают особый статус должностного лица (за исключением УК Литовской, Латвийской Республики и УК Украины), а вот особо квалифицирующие признаки, регламентированные ч. 3 ст. 286 УК РФ, встречаются не во всех уголовных кодексах рассматриваемых стран.

Так, ни об одном из них не упоминают УК Республики Узбекистан, УК Литовской и УК Эстонской Республики. В то же время они хорошо известны азербайджанскому, украинскому, белорусскому и киргизскому законодателям. Однако их влияние на дифференциацию уголовной ответственности различно: в УК Республики Беларусь и Таджикистан они имеют статус особо квалифицирующих, а в УК Кыргызской и Азербайджанской Республики – квалифицирующих. В отдельных случаях, в отличие от УК РФ, значение данных признаков определено законодательно: примечанием 4 к ст. 364 УК Украины, например, установлено, что тяжкими последствиями, если они заключаются в причинении материального ущерба, считаются такие, которые в двести пятьдесят и более раз превышают необлагаемый налогом минимум доходов граждан, что в рублевом эквиваленте составляет примерно 450 тыс. руб.⁴ Таким образом, из всех стран рассматриваемой группы лишь УК Украины конкретизирует не только «существенность» причиненного вреда, но и тяжесть наступивших последствий, если они выражаются материально. На наш взгляд, это положительный опыт, который должен воспринять и российский законодатель, поскольку минимизация оценочных категорий уголовного закона и законодательная расшифровка наиболее важных терминов

⁴ Расчет произведен по курсу Центрального банка Российской Федерации на 15.11.2017.

– необходимое условие высокого уровня законодательной техники [13, с. 11–12].

Помимо известных УК РФ квалифицирующих (особо квалифицирующих) признаков превышения должностных полномочий, уголовные кодексы стран рассматриваемой группы содержат и иные признаки, характеризующие превышение как совершенное: в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц (УК Республики Казахстан); в интересах организованной группы или преступного сообщества (УК Кыргызской Республики); с причинением особо крупного ущерба (УК Республики Узбекистан); из корыстной или иной личной заинтересованности (УК Республики Беларусь); в целях имущественной либо иной личной выгоды (УК Литовской Республики); с корыстной целью (УК Латвийской Республики); с причинением мучительных и оскорбляющих личное достоинство потерпевшего действий (УК Украины). Отметим, что последний признак был использован законодателем еще в УК РСФСР 1960 г. для построения квалифицированного состава превышения власти или служебных полномочий, однако в настоящее время его использование представляется нам нецелесообразным.

В некоторых уголовных кодексах стран – бывших республик СССР, в отличие от УК РФ, уголовная ответственность дифференцирована также посредством выделения специальной нормы, регламентирующей вопросы ответственности военнослужащих (УК Республики Таджикистан, УК Азербайджанской Республики, УК Украины, УК Латвийской Республики, УК Эстонской Республики). Наиболее нецелесообразным такое решение выглядит в УК Республики Таджикистан, поскольку между общей (ст. 316) и специальной нормами (ст. 391) возникает неразрешимая конкуренция, т. к. объективные признаки составов идентичны, а понятие «должностное лицо» в рамках главы 30 специфично (в нее входит общая норма о превышении): им признаются в том числе лица, постоянно, временно или по специальному полномочию выполняющие организационно-распорядительные, административно хозяйственные функции в Вооруженных силах Республики Таджикистан, других войсках и воинских формированиях. При таких обстоятельствах отграничение составов становится крайне сложным.

Не совсем логична позиция эстонского законодателя. Как было установлено нами ранее, УК Эстонской Республики самостоятельного состава превы-

шения полномочий не содержит, но его признаки усматриваются в ст. 161¹, устанавливающей ответственность за злоупотребление властью. Специальным составом для военнослужащих является ст. 259, также устанавливающая ответственность за злоупотребление властью. Например, если военачальник применяет насилие в отношении подчиненного, то его действия охватываются ч. 1 ст. 259 с санкцией до пяти лет лишения свободы, а если аналогичное деяние совершает должностное лицо, то его действия подпадают под признаки ст. 161¹, где санкция строже – до шести лет лишения свободы, т. е. возникает ситуация, при которой ответственность «гражданских» лиц является более строгой (сходная ситуация наличествовала и в УК РСФСР 1926 г.). Аналогичное положение наблюдается и в УК Украины: превышение полномочий должностным лицом, если оно сопровождалось насилием, наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет с лишением специального права (ч. 2 ст. 365), а за аналогичное деяние со стороны военного должностного лица – наказуемо лишением свободы от трех до семи лет: налицо сбой в законодательной технике при конструировании специальных составов. Интересна позиция азербайджанского законодателя. В отличие от общей нормы о превышении (ст. 309), где объективные признаки полностью совпадают с установленными в ст. 286 УК РФ, специальный состав (ст. 341) признает деяние преступным не только в случае причинения существенного вреда, но и если деяние совершалось систематически либо из корыстных побуждений. В качестве дополнительных квалифицирующих признаков выступают совершение деяния группой лиц (ст. 341.2.1.), с применением оружия (ст. 341.2.2.), тяжкие последствия (ст. 341.2.3.), а особо квалифицирующим является совершение деяния в военное время или в боевой обстановке (ст. 341.3). Санкции общей и специальной нормы за аналогичные деяния в виде лишения свободы равны [14].

При рассмотренных обстоятельствах позиция стран, выделяющих состав превышения полномочий военнослужащими в качестве самостоятельного, выглядит не вполне обоснованной.

Проведенный нами анализ уголовного законодательства стран – бывших республик СССР позволяет сделать ряд выводов.

Во-первых, признаки объективной и субъективной стороны основного состава превышения должностных полномочий в большинстве уголовных

кодексов сходны с признаками, установленными ст. 286 УК РФ, но при этом в уголовных кодексах ряда стран им дается законодательная расшифровка. Так, понятие «существенности» причиненного вреда и тяжких последствий раскрыто в УК Украины, «крупного ущерба» / «ущерба в крупном размере» в УК Республики Беларусь и Узбекистана, что отмечено нами в качестве положительного опыта, который заслуживает восприятия и российским законодателем. Так же как и отказ от признака «явности» как характеристики субъективной стороны состава превышения (УК Узбекистана).

Во-вторых, дифференциация уголовной ответственности в некоторых странах проводится посредством выделения квалифицирующих / особо квалифицирующих признаков, неизвестных действующему российскому законодательству.

В-третьих, уголовные кодексы некоторых стран (УК Республики Таджикистан, УК Азербайджанской Республики, УК Украины, УК Латвийской Республики, УК Эстонской Республики), дифференцируя уголовную ответственность, предусматривают специальную норму о превышении полномочий военнослужащими, однако с учетом отмеченных выше недостатков такое решение представляется не вполне обоснованным.

Ссылки

1. Уголовный кодекс Республики Таджикистан / отв. ред. Р. М. Асланов. СПб., 2001. 408 с.
2. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: http://fmc.uz/legisl.php?id=k_ug_32 (дата обращения: 15 ноября 2017 г.).
3. Уголовный кодекс Украины / науч. ред. В. Я. Таций, В. В. Сташис. СПб., 2001. 393 с.
4. Интернет-ресурс: <http://www.buhoblik.org.ua/nalogi/nalogo-voe-pravo/492--minimum-2013.html> (дата обращения: 15 ноября 2017 г.).

5. Интернет-ресурс: https://belarusbank.by/ru/33139/press/spravочно/bazovaya_velichina (дата обращения: 15 ноября 2017 г.).

6. Указ Президента республики Узбекистан от 22.08.2016 г. «О повышении размеров заработной платы, пенсий, стипендий и социальных пособий». URL: <http://goldenpages.uz/zarplata/> (дата обращения: 10 ноября 2017 г.).

7. Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252#pos=530;-74 (дата обращения: 17.11.2017 г.).

8. Колесников М. В. Уголовная ответственность за превышение должностных полномочий в законодательстве постсоветских государств // Балтийский гуманитарный журнал. 2016. Т. 5, № 2(15). С. 217–220.

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета. 2009. 30 окт.

10. Ильин А. А. Характеристика существенности причиненного вреда как признака превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) // Труды академии управления МВД России. 2013. № 1 (25). С. 1021–104.

11. Уголовный кодекс Литовской Республики. URL: <http://www.law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243877&subID=100107735,100107738,100107771,100107914#text> (дата обращения: 15 ноября 2017 г.).

12. Уголовный кодекс Эстонской Республики. СПб., 2001. 262 с.

13. Бражник С. Д., Касаткина Н. Н. Лингвистические (языковые) правила в законодательной технике // Юридическая наука. 2014. № 3. С. 10–12.

14. Уголовный кодекс Азербайджанской республики. URL: <http://ugolovnykodeks.ru/2011/11/ugolovnyj-kodeks-azerbajdzhanskoj-respubliki/143/> (дата обращения: 13 ноября 2017 г.).

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.98:656.2-051

Статья посвящена изучению закономерностей интеграции системы способностей субъекта деятельности. Экспериментальное исследование позволило установить, что целенаправленное развитие отдельных способностей содействует интенсивному реструктурированию и нарастающей интеграции системы способностей субъекта деятельности под влиянием формализованных требований и, как следствие, её обновлению, проявлению в новом качестве, которое отражается в повышении продуктивности деятельности.

Ключевые слова: способности субъекта деятельности; система; интеграция; реструктурирование; формализованные требования деятельности.

The article is devoted to the study of integration patterns of activity subject abilities system. Experimental research has made it possible to establish that purposeful development of separate abilities contributes to the intensive restructuring and the growing integration of activity subject abilities system under the influence of formalized requirements and its renewal as a result, manifestation in a new quality which is reflected in increasing the productivity of the activity.

Keywords: ability of the activity subject; system; integration; restructuring; formalized requirements of activities.

T. N. Soboleva

*Дальневосточный государственный университет путей сообщений
E-mail: t.n.s.25vivat@mail.ru*

Закономерности интеграции способностей субъекта деятельности под влиянием формализованных требований

Научная статья

T. N. Soboleva

Far Eastern State Transport University

Integration Patterns of Activity Subject Abilities Under the Influence of Formalized Requirements

Scientific Article

Способности субъекта деятельности, рассматриваемые В. Д. Шадриковым как свойства функциональных систем, реализующие конкретные психические функции, достроенные интеллектуальными операциями, по своей сущности относятся к системным образованиям, поскольку имеют характеристики системы: обладают оформленной целостностью; дифференцируются на конкретный состав способностей, взаимодействующих между собой; имеют индивидуальную меру выраженности, обуславливающую ту или иную степень успешности выполнения деятельности [1].

Способности субъекта деятельности под влиянием формализованного типа сложности требований обеспечивают воспроизведение конкретных, практических знаний, умений, при этом субъект

проявляет репродуктивную активность. Формализованные требования деятельности рассматриваются нами как требования, формализация которых достижима математическими методами расчёта в силу нормативных условий функционирования объекта и окружающей среды, когда у субъекта имеется чёткое представление о способах действия, но при этом необходим учёт изменяющихся условий (В. Н. Пушкин, Ю. Я. Голиков). Основная цель деятельности для субъекта состоит в поддержании и сохранении нормативных требований и условий функционирования объекта и окружающей среды, а результатом функционирования способностей субъекта деятельности будет выступать воспроизведение субъектом конкретных алгоритмов, пригодных для формализованных требований и адекватных им решений.

© Соболева Т. Н., 2017

Цель исследования состоит в выяснении картины интеграции способностей субъекта деятельности как системных образований под влиянием формализованных требований деятельности. В результате психологического анализа деятельности машиниста-оператора было выявлено 18 наименований способностей субъекта деятельности (см. примечание к рис.). Но не все способности в равной мере и степени обеспечивают продуктивность деятельности формализованного типа. Вся система способностей субъекта деятельности функционирует в соответствии с целью деятельности формализованного типа, но каждая способность вносит тот или иной вклад в продуктивность деятельности.

Мы предполагаем, что целенаправленное развитие отдельных способностей содействует реструктурированию системы способностей субъекта деятельности под влиянием формализованных требований, что может привести к проявлению системы в новом качестве, которое отражается в повышении продуктивности деятельности.

Были сформированы две выборки испытуемых: экспериментальная и контрольная, состоявшие из 18 испытуемых в каждой, всего 36 испытуемых машинистов-операторов. Соотношение стажа деятельности в выборках приблизительно одинаковое (от 5 до 12 лет). Испытуемые экспериментальной выборки приняли участие в формирующем эксперименте, целью которого явилась функциональная тренировка отдельных способностей субъекта деятельности в условиях временных ограничений и на фрагментах предстоящей деятельности формализованного типа методом компьютерной стабилографии с биологически обратной связью (разработчик С. С. Слива и др., 2001). Для формирующего эксперимента были выбраны такие способности субъекта деятельности, как специальные способности произвольной координации движений тела, способности идентификации и структурирования. Обоснованием выбора послужили факты о том, что в структуре индивидуальности свойства индивида, субъекта деятельности и личности представляют единство и взаимосвязь; являются системными свойствами субъекта деятельности; взаимосвязаны с другими психическими процессами и находятся во взаимовлиянии с ними; гибко, точно и быстро проявляются в параметрах продуктивности деятельности под влиянием формализованных требований; чувствительны к функциональной тренировке в условиях временных ограничений (Б. Ф. Ломов,

К. К. Платонов и др.). Основными задачами функциональной тренировки в рамках формирующего эксперимента являются следующие: 1) произвольно управлять координацией движения тела в условиях отклонения тела в различных направлениях; 2) осуществлять идентификацию единичных признаков на основании известных и относить их к определенной группе; 3) устанавливать взаимное расположение частей, составляющих целое какого-либо строения, и их взаимосвязей с последующим названием. Главный принцип функциональной тренировки обусловлен программными возможностями стабилографического метода: увеличением порога чувствительности датчиков стабилоплатформы, регистрирующих амплитуду, частоту, направленность движений тела, начиная с зоны высокой частоты, затем средней и низкой частоты.

Оценка способностей субъекта деятельности и параметров продуктивности деятельности экспериментальной выборки производилась после формирующего эксперимента, а продуктивность формируемых способностей – как до, так и после эксперимента.

Оценка продуктивности управляющей деятельности осуществлялась на компьютерных тренажерных комплексах «Торвест-Видео» (модели ТЭП70, ВЛС80, ЭП1, «Ярмак»). При проведении исследования на тренажере были соблюдены три условия: первое – к исследованию были допущены машинисты-операторы контрольной и экспериментальной групп, не имеющие опыта тренажерной подготовки на момент принятия участия в исследовании либо уже имевшие ситуативный опыт управления на тренажере в депо (примерно 2 раза в год по одной поездке); второе – для участвующих в исследовании маршрут был новым, за исключением четырех человек, которые когда-то (3–5 лет назад) работали на этом участке пути, но в рамках нашего исследования это считается допустимым; третье – для участников контрольной и экспериментальной групп задавался маршрут «Кноринг – Мучная» протяженностью 24 километра, с двумя ограничениями ($V=40$ км/ч) и перегонной скоростью 80 км/ч, где профиль пути характеризуется малой степенью сложности, соответствующей формализованным требованиям деятельности.

В результате исследования способностей субъекта деятельности и продуктивности управляющей деятельности на тренажере нами были получены 39 показателей на каждого из 36 испытуемых. При этом следует учитывать, что показателей

Экспериментальная группа

Контрольная группа

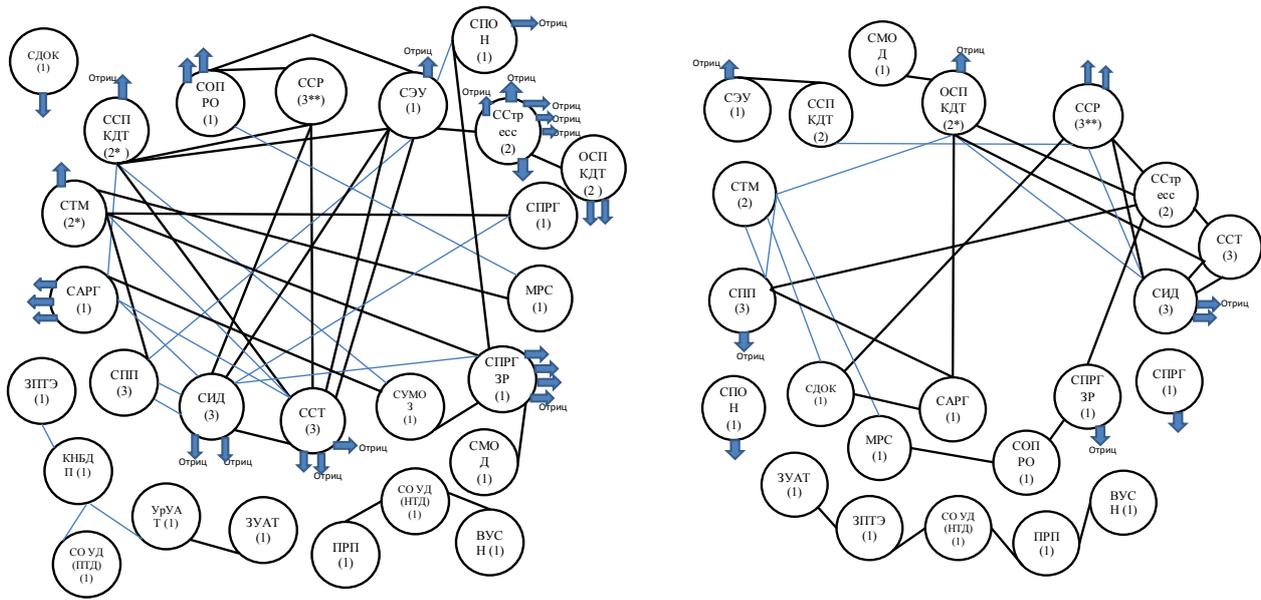

Рис. Коррелограммы взаимосвязей способностей в системе способностей субъекта деятельности под влиянием формализованных требований экспериментальной и контрольной групп:

$$r_{кр} = 0,708 \text{ для } P \leq 0,001 - a; r_{кр} = 0,590 \text{ для } P \leq 0,01 - б;$$

$$r_{кр} = 0,468 \text{ для } P \leq 0,05 - в; r_{кр} = 0,400 \text{ для } P \leq 0,1 - г:$$

ОСПКДТ – общая способность произвольной координации движений тела; ССПКДТ – специальная способность произвольной координации движений тела; ССР – способность сенсомоторной реакции; СЭУ – способности эмоциональной устойчивости; ССтресс – способности стрессоустойчивости; СТМ – способности технического мышления; МРС – мотивационно-рефлективные способности; СПП – способности профессиональной проницательности; СИД – способности идентификации; ССТ – способности структурирования; СПОН – способности понимания; СМОД – способности моделирования; СПРГ – способности програм-мирования; СПРГЗР – способности прогнозирования; САРГ – способности аргументирования; СДОК – способности доказательства; СОПРО – способности опровержения; СУМОЗ – способности умозаключения; ЗПТЭ – знания правил технической эксплуатации; ЗУАТ – знания управления автотормозами; ВУСН – время устранения ситуации неисправности; КНБДП – количество нарушений безопасности движения поезда; ПРП – продолжительность поездки; УрУА – уровень управления автотормозами; СО УД (ФТД) – субъективная оценка управляющих действий под влиянием формализованных требований деятельности; СО УД (ПТД) – субъективная оценка управляющих действий под влиянием полужормализованных требований деятельности; СО УД (НТД) – субъективная оценка управляющих действий под влиянием неформализованных требований деятельности.

Цифра в скобочках – количество показателей конкретной способности; *звёздочка указывает на наличие связей между показателями одной и той же способности: одна * – одна связь и т. п.; жирные линии – положительные взаимосвязи между способностями; тонкие линии – отрицательные взаимосвязи между способностями; широкие стрелочки, отведённые от способностей, указывают на наличие связей показателей способностей с показателями продуктивности деятельности.

способностей субъекта деятельности всего 30 (каждая изучаемая способность из 18 имеет различное число показателей), а показателей продуктивности управляющей деятельности – 9 (см. примечание к рис.).

На первом этапе исследования определялись значимые различия между экспериментальной

и контрольной выборками. В результате сравнительного анализа с использованием критерия *U* – Манна – Уитни (Statistics 17.0 версия) экспериментальной и контрольной выборок получены ожидаемые статистически значимые различия по показателям специальной способности произвольной координации движений тела (линейная

средняя скорость – $U_{кр} = 31,500$; качество функции равновесия – $U_{кр} = 31,000$), способностей идентификации (ошибки – $U_{кр} = 94,000$; скорость захвата – $U_{кр} = 45,500$; скорость укладки – $U_{кр} = 58,000$) и структурирования (ошибки – $U_{кр} = 103,500$; скорость захвата – $U_{кр} = 10,500$; скорость укладки – $U_{кр} = 77,000$), а также по отдельным показателям продуктивности деятельности (продолжительность поездки – $U_{кр} = 108,000$; время устранения ситуации неисправности – $U_{кр} = 94,000$; количество нарушений безопасности движения – $U_{кр} = 100,000$) в пользу экспериментальной группы (при условии, что $n_1 = 18$, $n_2 = 18$, $U_{кр} = 109$ для $P \leq 0,05$, $U_{кр} = 88$ для $P \leq 0,01$).

Значимые различия в пользу экспериментальной группы свидетельствуют о валидных методах функциональной тренировки способностей в условиях временных ограничений и на фрагментах предстоящей деятельности формализованного типа. Эмпирический факт подтверждает ранее полученные результаты исследования, проведенного М. М. Князевым, где доказана эффективность развития профессионально важных качеств до начала деятельности и на отдельных действиях предстоящей деятельности [3]. Об эффективности функциональной тренировки свидетельствуют полученные значимые различия до и после тренировки с использованием критерия T – Вилкоксона (Statistics 17.0 версия) по всем показателям специальных способностей произвольной координации движений тела, способностей идентификации и структурирования в экспериментальной группе.

Установленные различия между экспериментальной и контрольной группами по отдельным показателям наглядно доказывают преимущества экспериментальной группы. Машинисты-операторы подвижного состава, целенаправленно овладевшие специальными способностями произвольной координации движений тела, способностями идентификации и структурирования, оказались весьма продуктивными в управлении поездом на тренажёре под влиянием формализованных требований деятельности в сравнении с машинистами, не проходившими такой обучающей тренировки. Следовательно, у испытуемых экспериментальной группы способности произвольной координации движений тела, способности идентификации и структурирования приобрели выраженный, яркий характер оперативности, определяемый В. Д. Шадриковым как тонкое, гибкое приспособление свойств субъекта к требованиям деятельности [1]. Усиление

оперативного проявления трёх способностей оказало весомое влияние на рост продуктивности деятельности формализованного типа.

Следующим этапом исследования являлся корреляционный анализ и построение на этой основе коррелограмм. Анализ осуществлялся с помощью программной математической статистики (Statistics 17.0 версия).

Коррелограммы на рис. (а, б, в, г) контрольной группы свидетельствуют, что индивидуальный характер динамики структурирования способностей субъекта деятельности примечателен тем, что от высокого уровня к низкому уровню достоверности наблюдается увеличение количества вовлечённых способностей и нарастание между ними связей, причём основную, преимущественную часть составляют положительные связи и только малую часть – отрицательные связи. Такой индивидуальный характер динамики структурирования способностей свидетельствует о стабильно устоявшейся системе, которая имеет тенденцию к изменению в силу её естественного развития и созревания под влиянием формализованных требований деятельности в ходе профессионального становления.

Коррелограммы на рис. (а, б, в, г) экспериментальной группы свидетельствуют, что индивидуальный характер динамики структурирования способностей субъекта деятельности отличается тем, что от высокого уровня к низкому уровню достоверности наблюдается включение практически всех способностей, за исключением самого высокого уровня, и нарастание между ними как множественных положительных, так и множественных отрицательных связей. Индивидуальный характер динамики структурирования способностей экспериментальной группы свидетельствует о повышении динамичности, подвижности в направлении интенсивного переструктурирования и нарастающей интеграции под влиянием формализованных требований деятельности. Такому характеру интеграции способствовала функциональная тренировка отдельных способностей, которые встроены в систему способностей, развивающихся в ходе профессионального становления. В системе способностей субъекта деятельности произошёл скачок в развитии, который способствовал проявлению одновременно её стабильности (на что указывают положительные взаимосвязи) и нестабильности (на что указывают отрицательные взаимосвязи). Скачок обусловлен возникновением противоречия между высоким уровнем развития

способностей произвольной координации движений тела, способностей идентификации и структурирования, приобретших ярко выраженный оперативный характер, и другими способностями, имеющими пока прежний уровень развития. Но именно в этом противоречии и заключается суть развития системы способностей субъекта деятельности под влиянием формализованных требований, которое сопровождается появлением нового системного качества, способствующего высокой продуктивности деятельности. Интенсивное переструктурирование и нарастающая интеграция в системе характеризуются неравномерностью и гетерохронностью (см. рис. (а, б, в, г)).

Считаем приемлемым рассматривать четыре уровня достоверности, в соответствии с которыми и построены коррелограммы, как процесс свёртывания степени функциональной надёжности системы способностей субъекта деятельности от очень высокой степени надёжности для $P \leq 0,001$, затем высокой степени надёжности для $P \leq 0,01$, средней степени надёжности для $P \leq 0,05$ и низкой степени надёжности для $P \leq 0,1$ (см. рис.1 (а, б, в, г)).

Вместе с этим целесообразно рассматривать оперативный характер развития не только в отношении отдельных способностей, но и применительно к развитию системы способностей субъекта деятельности под влиянием конкретных требований. В связи с этим принципиальным моментом функциональной надёжности системы способностей субъекта деятельности является снижение её степени оперативности от высокого к низкому уровню. Исследования Д. А. Ошанина, В. Д. Шадрикова позволяют выделить специфические характеристики проявления системы способностей субъекта деятельности как оперативной [1; 2]. К таким характеристикам мы относим прагматичность и лаконичность. Прагматичность системы способностей субъекта деятельности рассматривается как её формирование, включающее необходимый и достаточный набор способностей и взаимосвязей между ними под влиянием формализованных требований деятельности. Лаконичность системы способностей субъекта деятельности рассматривается как её формирование, включающее только существенно значимый набор способностей и взаимосвязей между ними для формализованных требований деятельности. Если тип и сложность требований деятельности изменяется, то прагматичность и лаконичность структуры также меняется.

Процесс свёртывания степени функциональной надёжности структуры способностей субъекта деятельности имеет общую закономерность для контрольной и экспериментальной групп. Очень высокая степень функциональной надёжности обеспечивается пригодной к формализованным требованиям деятельности структурой и формируется по принципам прагматичности и лаконичности как в естественном процессе профессионального развития, так и в единстве этого процесса с функциональной тренировкой отдельных способностей. Высокая степень функциональной надёжности обеспечивается пригодной к формализованным требованиям деятельности структурой, но её формирование от прагматичности и лаконичности начинает смещаться в направлении полноты и избыточности. И, наконец, средняя и низкая степень функциональной надёжности обеспечивается пригодной к формализованным требованиям деятельности структурой, но её формирование осуществляется по принципам полноты и избыточности как в естественном процессе профессионального развития, так и в единстве этого процесса с функциональной тренировкой отдельных способностей (см. рис. (а, б, в, г)). Но прагматичность и лаконичность так же, как полнота и избыточность системы способностей субъекта деятельности, различны, то есть индивидуальны в контрольной и экспериментальной группах. В экспериментальной группе в сравнении с контрольной прагматичность и лаконичность, а также полнота и избыточность системы характеризуются значительно большим количеством способностей и связей, поскольку отдельные способности приобрели ярко выраженный оперативный характер благодаря функциональной тренировке и тем самым способствовали перестройке, обновлению взаимосвязей в системе, которая оказалась удачно пригодной, поскольку продуктивность деятельности на тренажёре в экспериментальной группе выше, чем в контрольной. Но пока структура способностей субъекта деятельности ещё является не устоявшейся системой (см. рис. (а, б, в, г)).

Подведём итог вышеизложенному: 1) целенаправленное повышение оперативности способностей произвольной координации движений тела, способности идентификации и структурирования способствуют неравномерной, гетерохронной перестройке и интеграции системы способностей субъекта деятельности, что проявляется в росте продуктивности деятельности формализованного типа; 2) характерным для очень высокой

функциональной надёжности системы способностей субъекта деятельности является оперативность переструктурирования и интеграции по принципам прагматичности и лаконичности в соответствии с формализованными требованиями деятельности; 3) функциональная надёжность системы способностей субъекта деятельности может снижаться за счет снижения оперативности по принципам полноты и избыточности в проявлении как отдельных способностей, так и системы в целом; 4) индивидуальный характер формирования системы способностей субъекта деятельности зависит от уровня развития отдельных способностей, которые направляют взаимосвязи в системе и оказывают большее или меньшее влияние на продуктивность деятельности.

Таким образом, в соответствии с такой целью деятельности, как поддержание и сохранение нормативных требований и условий функционирования объекта и окружающей среды, функционирование системы способностей субъекта деятельности значимо определяется степенью оперативности как отдельных способностей, входящих в систему, так и самой системы. Целенаправленное повышение оперативности способностей произвольной коор-

динации движений тела, идентификации и структурирования, входящих в систему способностей субъекта деятельности, оказало влияние на оперативное переструктурирование и интеграцию, что свидетельствует об обновлении системы. Функционирование обновлённой системы способностей способствовало воспроизведению субъектом конкретных алгоритмов, пригодных для формализованных требований и адекватных им решений, что проявилось в высоких показателях продуктивности управляющей деятельности на тренажёре.

Ссылки

1. Шадриков В. Д. От индивида к индивидуальности: Введение в психологию М.: Институт психологии РАН, 2009. 656 с.
2. Ошанин Д. А. Предметное действие и оперативный образ. М.: Московский психолого-социальный ин-т; Воронеж: МОДЭК, 1999. 512 с.
3. Князев М. М. Оптимизация системы обучающих воздействий на основе анализа структуры производственной деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 1973. 20 с.

В работе представлен анализ теоретических статей на тему влияния характеристик внимания на процесс творческого решения. Описываются данные о влиянии распределения и переключаемости внимания на процесс решения; применяемые в современных исследованиях методы индукции состояний внимания; материалы, используемые для оценки творческого мышления. Показаны противоречивые результаты исследований по рассматриваемой тематике; постулируется, что характер влияния того или иного состояния внимания решателя на его эффективность в решении задачи остается открытым.

Ключевые слова: инсайт; внимание; переструктурирование репрезентации.

The paper presents an analysis of theoretical articles on the influence of attention characteristics on the creative problem solving. The articles on the influence of the focus and the switching of attention on the decision process are described. The methods of induction of attention states used in modern research, materials used to evaluate creative thinking are described. Contradictory data are shown in the literature on investigated subject, it is postulated that the nature of the influence of this or that state of the solver's attention on its effectiveness in solving the problem remains open.

Keywords: insight; attention; representation change.

Т. Н. Ермакова, И. Ю. Владимиров

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: tan9erm@rambler.ru

E-mail: kein17@mail.ru

Роль внимания в процессе инсайтного решения*

Обзорная статья

T. N. Ermakova, I. Yu. Vladimirov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

The Role of Attention in the Insight Problem Solving

Review Article

Инсайт как переструктурирование репрезентации

Проблема инсайтного решения является одной из ключевых для психологии мышления и психологии познания в целом. Инсайтное решение является аномалией относительно общих механизмов решения мыслительных задач (пошаговое алгоритмическое и эвристическое вычисление), предлагаемых доминирующей в области психологии мышления теорией задачного пространства. До сих пор ведется дискуссия о наличии специфики в механизмах инсайтного решения и о том, в чем она состоит [1–3].

Наиболее правдоподобным является представление о том, что инсайтные процессы близки процессам восприятия, лежащим в основе переструктурирования образа. Эта идея, сформулированная К. Дункером, в дальнейшем получила развитие как

модель изменения репрезентации [4]. Первичная репрезентация, то есть представление о задаче, возникающее после ознакомления с условиями, часто не приводит решателя к успеху: его репрезентация условий и представления о желаемой цели часто не совпадают, противоречия между ними являются труднопреодолимыми. В подобном случае решатель сталкивается с некоторой безвыходностью (*impasse*), тупиком [4–5]. Преодоление тупика ведет к переструктурированию репрезентации и нахождению решения. Следовательно, чтоб понять природу изменения репрезентации в инсайтном решении, надо понять механику преодоления тупика.

Во многих исследованиях изучались способы фасилитации инсайтного решения, способы преодоления затруднения, например: способы снятия функциональной фиксированности через организацию зрительного поля задачи относительно

* Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 17-06-00672.

структуры опыта и стратегий зрительного поиска решающего [6–7], влияние положительных или отрицательных эмоций [8–10], роль рабочей памяти [11] и др. Во всех этих процессах одну из ключевых ролей играют процессы внимания (изменение широты фокуса, переключение внимания между элементами репрезентации, отвлечение и др.). Соответственно важным является понимание того, как внимание участвует в инсайтном решении, обеспечивая возможность изменения репрезентации.

Роль внимания в процессе нахождения инсайтного решения

Необходимо упомянуть несколько особенностей и характеристик внимания, которые необходимо учитывать при рассмотрении его роли в инсайтном решении. Внимание как психический процесс – достаточно сложный предмет для изучения; ввиду того что отсутствует конкретный продукт внимания, невозможно уловить его содержание [12]. Внимание традиционно выражается в связи с иной психической деятельностью, а точнее, с объектом этой деятельности. Внимание позволяет сохранить объект деятельности в фокусе, сосредоточиться на нем [12–13]. В работах У. Джемса также акцентируется двойственность направления внимания – на внутренний мир субъекта и на окружающее его пространство. [14]

Концентрация, распределенность, объем внимания, устойчивость, переключение традиционно выделяются как основные свойства внимания. [12]. При этом данные характеристики в рамках исследований могут рассматриваться и как устойчивые черты личности (к примеру, в целях психодиагностики [15–16]), и как состояния [17]. Например, предположение, что объем внимания изменяется в течение дня, говорит о том, что мы придерживаемся трактовки с точки зрения состояния.

Также важно учитывать наличие таксономии «внутреннего» и «внешнего» внимания. Первое из них направлено на элементы долговременной памяти, а второе – на объекты в окружающей среде [14, 18].

Рассмотрим как процессы внимания и attentionные способности проявляются в процессе инсайтного решения.

При решении творческих проблемных ситуаций актуализируются процессы внимания. Более высокий уровень attentionных способностей в целом, по мнению А. Аша и Дж. Вайли [19], способствует

процессам реструктуризации репрезентации условий и быстрее приводит к решению задач. Интересными в этом контексте становятся результаты исследования творческого мышления у людей с СДВГ. В исследованиях А. Абрахам и ее коллег [20] обнаружена двойственная специфика связи креативности и внимания: испытуемым с диагнозом присуща высокая способность преодолевать и избегать стереотипных реакций, но у них же наблюдается низкая способность сочинять функционально новые использования объектов в тесте на воображение. По итогу нет однозначного ответа о связи внимания как ресурса с процессом нахождения творческого решения.

Тем не менее в литературе по теме роли внимания в процессе инсайтного решения обнаруживаются противоречия в определении роли характеристик внимания в решении творческих задач. Существуют неоднозначные экспериментальные данные о характере связи некоторых состояний внимания с процессом творческого мышления.

М. Мюреем и Р. Бирн связь успешности решения инсайтных задач, устойчивости и избирательности внимания не была обнаружена экспериментально [21]. Изучение же связи таких характеристик, как распределение и переключение внимания, и креативности и творческого мышления является актуальным не одно десятилетие.

Одним из первых и базовых результатов исследования этой проблематики стали данные Г. Мендельсона и С. Смита и др. [22, 23], в результате которых обнаружено фасилитирующее действие состояния распределенного расфокусированного внимания в контексте решения творческих задач (на материале RAT – тест отдаленных ассоциаций).

Подобные результаты приведены и в ряде более современных работ [24–25].

Исследователи трактуют подобные результаты, объясняя, что расфокусированное внимание касается широты круга обрабатываемой информации: в него включаются не активированные до этого элементы, и это может помочь в понимании условия задачи и ее решении [25, 26]. Иными словами, расширяется тот круг элементов памяти, с которыми взаимодействует решатель. Таким образом, решатель может обратить внимание на большее количество возможных решений и связанных с ним элементов, проверить их и быстрее найти решение, подходящее условию задачи.

Подобный механизм лежит в основе объяснения позитивного влияния положительных эмоций

при решении творческих задач, так как известно, что положительные эмоции расширяют фокус внимания [10]. Испытуемые, которые находятся в позитивном настроении, производят больше новых креативных ответов на различные задачи [8, 24].

С другой стороны, эти данные не подтверждаются результатами ряда исследований. Так, было обнаружено отсутствие влияния характеристик внимания на скорость нахождения решения инсайтной задачи [27–28], то есть внимание, по мнению второй группы исследователей, – не связанный с креативностью процесс. В исследовании нахождения инсайтного решения с помощью методов ЭЭГ и нейровизуализации также не были найдены подтверждения гипотезы о связи повышения творческой способности и внимания [29].

Если изучению влияния фокуса внимания на творческий процесс посвящено достаточно большое количество статей, то исследованию влияния состояния переключенного внимания посвящено меньшее количество работ. В экспериментах М. Мюррея и Р. Бирн [21] полученные результаты говорят о том, что испытуемые с высокой степенью переключения внимания успешнее в решении инсайтных задач. Подобные результаты получили и Л. Томас, и А. Ллерас [30].

Таким образом, вопрос о характере влияния различных характеристик и состояний внимания на решение инсайтных задач и творческих задач в целом остается открытым.

При исследовании «интеллектуального внимания» (в терминах У. Джемса) также обнаруживается вклад переключаемости внимания и широты фокуса в продуктивность решения. Состояния глубокого осознания («mindfulness») и блуждания внимания («mind-wandering») в этом плане будут противостоять друг другу в эффективности [31–32].

«Mind-wandering» — это возникновение независимых от целевого стимула и не связанных с задачей мыслей, некоторое блуждание мысли, отвлечение от цели. «Mindfulness» — это, напротив, осознанное привлечение внимания к задаче и сосредоточение на ней, осознанное переживание происходящего с субъектом от одного момента к другому [15, 33]. Первое обычно связывают с переключением внимания с узкого круга элементов на широкий. Второе состояние, напротив, — с переключением внимания с широкого круга обрабатываемых элементов на узкий.

С одной стороны, в исследованиях [28, 34] обнаружена эффективность состояния «mind-

wandering» для решения творческих задач в связи с повышением переключения и расширения фокуса внимания в данном состоянии. С другой стороны, обнаруживаются экспериментальные результаты об отсутствии необходимости переключения внимания испытуемого. Показаны незначимые различия между обычным состоянием испытуемого и специально вызванным состоянием с высокой степенью переключения [35].

Проблемы исследования роли внимания в инсайтном решении и возможные «точки роста»

В качестве заключения проведенного нами анализа литературы о роли внимания в инсайтном решении рассмотрим возможные причины разночтений и противоречивых результатов:

1) Отсутствие однообразного понимания особенностей внимания как черт или состояний. Так, в экспериментальных сериях нередко смешиваются понимание характеристик внимания как черт и как состояний [26, 36]. Данное искажение может привести к неверной интерпретации результатов, так как полученные данные будут трактовать свойства как рядоположенные элементы, хотя они не являются таковыми;

2) Отсутствие единых стимульных материалов для индукции того или иного состояния внимания, фиксации наличного состояния внимания. Используемые в различных исследованиях стимулы разнообразны, отличаются друг от друга по многим существенным характеристикам. Перечислим некоторые из них: тесты «Оптический лифт» и «Плюс-Минус» [21], а также «Шкала скрининга стимула» [36, 37]. Индукция состояния сфокусированного или расфокусированного внимания достигается в результате использования следующих методов: карандашный тест «Соедини по номерам» [24], работа в шумном помещении (шум в данном случае заставляет испытуемого фокусироваться на задании) [36], просматривание и перерисовывание примитивного рисунка с инструкцией к максимальному сохранению деталей [24], выполнение заданий испытуемыми при сохранении определенного мимического паттерна [25]. Фридман и коллеги использовали нахмуренные брови как действие, фокусирующее внимание, и поднимание бровей как действие, распределяющее внимание испытуемого [25]. Таким образом, материал заданий отличается по модальности, сложности, привычности для испытуемого;

3) Неоднозначность используемых заданий для творческого решения. Текстовые инсайтные задачи, тест отдаленных ассоциаций RAT [38], описание неопределенной фигуры и придумывание дизайна для одежды [39], тест необычное использование предмета AUT, в котором испытуемых просят придумать наиболее непривычные способы использования привычных предметов, к примеру кирпича [40]. Используется также Conceptual expansion task – задача перед испытуемыми в этом случае связать очень далекие по смыслу языковые единицы, придумав связи между ними [20]. В некоторых случаях используется придумывание описания к юмористической картинке [25];

4) Несоблюдение формальных норм проведения экспериментального исследования: есть данные, которые были получены без наличия контрольной группы испытуемых.

Таким образом, вопрос о характере влияния различных характеристик и состояний внимания на решение инсайтных и творческих задач в целом остается открытым. Спорной признается общая методика индукции состояний внимания – отсутствует единообразие в методах индукции того или иного состояния. В литературе по данной тематике обнаруживаются противоречивые данные о характере влияния того или иного состояния внимания решателя на его эффективность в решении задачи. Отсутствуют эмпирически обоснованные объяснения механизмов, которые обслуживают влияние внимания на процесс решения задач.

Дальнейшее изучение роли процессов внимания в переструктурировании репрезентации в ходе инсайтного решения требует систематизации и, по возможности, унификации методов исследования. Требуется также системный теоретический анализ используемых в различных моделях концептов, описывающих процессы и компоненты внимания. И, наконец, необходимо построение теоретической модели инсайта, позволяющей описывать и предсказывать процессы, происходящие с репрезентацией условий задачи в процессе поиска решения.

Ссылки

1. Weisberg R. W., Alba J. W. An examination of the alleged role of «fixation» in the solution of several «insight» problems // *Journal of Experimental Psychology*. 1981. Vol. 110, № 2. P. 169–192.
2. Metcalfe J., Wiebe D. Intuition in insight and noninsight problem solving // *Memory & Cognition*. 1987. Vol. 15. P. 238–246.

3. Спиридонов В. Ф., Логинов Н. И., Мухутдинова А. О. Противоречие в структуре репрезентации задачи как условие возникновения инсайта // *Психологический журнал*. 2016. Т. 37, № 1. С. 61–68.

4. Knoblich G., Ohlsson S., Raney G. An eye movement study of insight problem solving. *Memory & Cognition*. 2001. Vol. 29. P. 1000–1009.

5. Ormerod T. C. MacGregor J. N., Chronicle E. P. Dynamics and constraints in insight problem solving // *Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory and Cognition*. 2002. Vol. 28, № 4. P. 791–799.

6. Defeyter M. A., German T. P. Acquiring an understanding of design: evidence from children's insight problem solving // *Cognition*. 2003. Vol. 89, № 2. P. 133–155.

7. Владимиров И. Ю., Корнилов Ю. К., Коровкин С. Ю. Современные теории мышления: учебное пособие. 2-е изд, стереотип. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 177 с.

8. Isen A. M., Daubman K. A. Nowicki G. P. Positive affect facilitates creative problem solving // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. Vol. 52, № 6. P. 1122–1131.

9. Коровкин С. Ю., Никифорова О. С. Когнитивные и аффективные механизмы юмористической фасилитации решения творческих задач // *Экспериментальная психология*. 2014. Т. 7, № 4. С. 37–51.

10. Люсин Д. В. Влияние эмоций на внимание: анализ современных исследований // *Когнитивная психология: феномены и проблемы* / сост. В. Ф. Спиридонов. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 146–160.

11. Мониторинг загрузки исполнительского контроля как метод фиксации микродинамики мыслительного процесса / И. Ю. Владимиров [и др.] // *Психология когнитивных процессов: сборник статей* / под ред. А. Г. Егорова, В. В. Селиванова. Смоленск: Универсум. С. 18–22.

12. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: в 2 т. М.: Педагогика, 1989. Т. 1. 488 с.

13. Выготский Л. С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Проблемы общей психологии / под ред. В. В. Давыдова. М.: Педагогика, 1982. 504 с.

14. Психология внимания / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романова. М.: ЧеРо, 2001. 858 с.

15. Using self-report assessment methods to explore facets of mindfulness / R. A. Baer [et al.] // *Assessment*. 2006. Vol. 13, № 1. P. 27–45.

16. Brown K. W., Ryan R. M. The benefits of being present: mindfulness and its role in psychological well-being // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. Vol. 84, № 4. P. 822–848.

17. Broadway J. M., Franklin M. S. and Schooler J. W. Early event-related brain potentials and hemispheric asymmetries reveal mind-wandering while reading and predict comprehension // *Biological Psychology*. 2015. Vol. 107. P. 31–43.
18. Chun M. M., Golomb J. D., Turk-Browne N. B. A taxonomy of external and internal attention // *Annual Review of Psychology*. 2011. Vol. 62. P. 73–101.
19. Ash I. K., Wiley J. The nature of restricting in insight: An individual-differences approach // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2006. Vol. 13. P. 66–73.
20. Creative thinking in adolescents with attention deficit hyperactivity disorder (ADHD) / A. Abraham [et al.] // *Child Neuropsychology*. 2006. Vol. 12, № 2. P. 111–123/
21. Murray M. A., Byrne R. M. J. Attention and working in insight problem-solving // *Proceedings of the Annual Meeting of the Cognitive Science Society*. 2014. Vol. 36. P. 1571–1575.
22. Mendelsohn G. A. Associative and attentional processes in creative performance // *Journal of Personality*. 1976. Vol. 44, № 2. P. 341–369.
23. Smith S. M., Ward T. B., Finke R. A. *The Creative Cognition Approach*. Cambridge: MIT Press, 1995. 357 с.
24. Gasper K., Clore G. L. Attending to the big picture: mood and global versus local processing of visual information // *Psychological Science*. 2002. Vol 13, № 1. P. 34–40.
25. Attentional priming effects on creativity / R. S. Friedman [et al.] // *Creativity Research Journal*. 2003. Vol. 15. P. 277–286.
26. Дорфман Л. Я., Гасимова В. А. Внимание как опосредующий фактор креативного мышления в процессе переработки // *Сибирский психологический журнал*. 2008, № 28. С. 11–15.
27. Smith S. M., & Blankenship, S. E. Incubation effects // *Bulletin of the Psychonomic Society*. 1989. Vol. 27, № 4. P. 311–314.
28. Inspired by distraction: mind wandering facilitates creative incubation / B. Baird [et al.] // *Psychological Science*. 2012. Vol. 23, № 10. P. 1117–1122.
29. Dietrich A., Kanso R. A review of EEG, ERP, and neuroimaging studies of creativity and insight // *Psychological Bulletin*. 2010. Vol. 136, № 5. P. 822–848.
30. Thomas L., Lleras A. Swinging into thought: Directed movement guides insight in problem solving // *Psychonomic Bulletin & Review*. 2009. Vol. 16, № 4. P. 719–723.
31. Ostafin B. D., Kassman K. T. Stepping out of history: mindfulness improves insight problem solving // *Consciousness & Cognition*. 2012. Vol. 21, № 2. P. 1031–1036.
32. Smallwood J., Schooler J. W. The science of mind wandering: empirically navigating the stream of consciousness // *Annual Review of Psychology*. 2015. Vol. 66. P. 487–518.
33. Brown K. W., Ryan R. M. The benefits of being present: mindfulness and its role in psychological well-being // *Journal of Personality and Social Psychology*. 2003. Vol. 84, № 4. P. 822–848.
34. Zedelius C. M., Schooler J. W. Mind wandering «Ahas» versus mindful reasoning: alternative routes to creative solutions // *Frontiers in Psychology*. 2015. Vol. 6. P. 834–844.
35. Dijksterhuis A., Meurs T. Where creativity resides: the generative power of unconscious thought // *Consciousness and Cognition*. 2006. Vol. 15, № 1. P. 135–146.
36. Kasof J. Creativity and breadth of attention // *Creativity Research Journal*. 1997. Vol. 10, № 4. P. 303–315.
37. Mehrabian A. Individual differences in stimulus screening and arousability // *Journal of Personality*. 1977. Vol. 45, № 2. P. 237–250.
38. Baas M., De Dreu C. K. W., Nijstad B. A. A meta-analysis of 25 years of mood-creativity research: Hedonic tone, activation, or regulatory focus? // *Psychological Bulletin*. Vol. 134, № 6. P. 779–806.
39. Howard-Jones P. A. and Murray S. Ideational productivity, focus of attention, and context // *Creativity Research Journal*. 2003. Vol. 15, № 2, 3. P. 153–166.
40. Creativity and speed of information processing: A double dissociation involving elementary versus inhibitory cognitive tasks / L. Dorfman [et al.] // *Personality and Individual Differences*. 2008. Vol. 44. P. 1382–1390.

Представлены теоретические и эмпирические материалы, раскрывающие специфику рефлексивных процессов и качеств личности как детерминант стилей принятия решения в деятельности управленческого типа. Показано, что одним из наиболее конструктивных средств такого раскрытия является выявление взаимосвязи стилей принятия управленческих решений как одного из центральных конструктов психологии менеджмента, с одной стороны, и основных показателей рефлексивности личности – с другой. Установлены и объяснены основные закономерности данной взаимосвязи.

К л ю ч е в ы е с л о в а : управленческая деятельность; эффективность; рефлексивность; взаимосвязь; стиль принятия управленческих решений; структурная организация; ситуационный подход; метакогнитивная сфера личности; «метакогнитивная петля».

The article presents theoretical and empirical materials that reveal the specifics of reflexive processes and personality traits as determinants of activity of management type. It is shown that one of the most constructive tools of such disclosure is to identify the relationship of the styles of managerial decision-making, as one of the central constructs in the psychology of management, on the one hand, and key indicators of reflexivity of identity from other side. Established and explained the main regularities of this relationship.

К e y w o r d s : management activity; efficiency; reflexivity; relationship; style of managerial decision-making; structural organization; situational approach; metacognitive sphere of the personality; «metacognitive loop».

А. А. Карпов

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail karpov.sander2016@yandex.ru*

Рефлексивность как детерминанта стилей принятия решений в управленческой деятельности*

Научная статья

А. А. Karpov

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Reflectivity as Determinants of Decision-Making Styles in Management Activity

Scientific Article

Постановка проблемы. Одним из ключевых понятий психологии менеджмента, теории управления и организационной психологии является категория управленческой деятельности. От психологически корректного, обоснованного и, по возможности, полного понимания ее сущности и содержания во многом зависит решение всех других управленческих проблем, формирование адекватного общего представления о «науке управления». Необходимо учитывать то, что в собственно психологическом плане управленческая деятельность существенным образом отличается от всех иных видов профессиональной деятельности. В ряде случаев она качественно специфична по отношению к ним, а отчасти – характеризуется и такими аспектами и особенностями, которые про-

отивоположны их содержанию. Сложность управленческой деятельности обусловлена следующими основными обстоятельствами.

Во-первых, это ее наиболее общие особенности – высокая степень ответственности; жесткость предъявляемых к ней требований; многообразие внешних и внутриорганизационных факторов, требующих учета; неопределенность условий реализации и др.

Во-вторых, очень большое количество функций, которые составляют структуру этой деятельности. Даже каждая из них в отдельности предъявляет чрезвычайно жесткие и специфические требования к руководителю. Весь их комплекс обуславливает чрезвычайно широкий спектр требований к психике руководителя, его личности.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента РФ для молодых кандидатов наук, № проекта МК-2796.2017.6.

© Карпов А. А., 2017

И, наконец, в-третьих, реализация каждой из управленческих функций представляет вполне самостоятельную деятельность, причем не только индивидуальную, но и совместную. Фактически управленческую деятельность принято считать так называемой деятельностью «второго порядка», то есть, «деятельностью по организации деятельности» (метадеятельностью) [1, 2].

Существенную роль в организации управленческой деятельности играет класс метакогнитивных процессов, в том числе рефлексии и рефлексивности как отдельного личностного качества. К настоящему моменту, однако, практически отсутствуют определенные обоснованные научные представления по данному вопросу, что обуславливает его высокую актуальность.

Рефлексия обладает *наивысшей* степенью сложности, интегративности среди всех известных сегодня процессов психики. Она выступает как продукт интеграции всех трех основных классов психических процессов – когнитивных, регулятивных и коммуникативных. Ее результатом является то, что у человека возникает феномен сознания. Сознание – это результативная сторона рефлексии, но одновременно и ее условие [2–5].

Одновременно с этим очень важно отметить, что одно из наиболее традиционных и широко представленных в психологии управления направлений – это исследование стилей руководства и лидерства, а также проблема принятия решений. Обе эти категории фактически определяют все содержательные и процессуальные характеристики управленческой деятельности, являются, несомненно, системообразующими по отношению к ней. Согласно высказыванию одного из специалистов в области зарубежной теории управления Ф. Харрисона, «принятие решений – это интегральная часть управления организацией любого рода. Более чем что-либо другое, компетентность в данной области отличает менеджера от неменеджера...» [1, с. 178]. Таким образом, использование категории принятия управленческих решений, а также их стилевых параметров, в частности, может способствовать всецелому рассмотрению деятельности управленческого типа.

К настоящему времени сложился целый ряд различных концептуальных подходов к разработке классификаций стилей руководства, стилей принятия управленческих решений и др., что делает возможным разработку комплексных научно-исследовательских процедур.

Актуальным представляется выявление закономерностей, характеризующих взаимосвязь уровня структурной организации рефлексивности и стилей принятия управленческих решений. Именно это и является основной *целью* данной работы.

Общая выборка состояла из представителей управленческого персонала ряда коммерческих и образовательных предприятий и организаций г. Ярославля в количестве 120 человек. В состав испытуемых входили руководители среднего и высшего управленческих звеньев. Возрастной состав испытуемых варьировался от 27 до 47 лет.

Методы исследования. В ходе исследования было использовано пять психодиагностических методик опросного типа: методика диагностики рефлексивности (методика А. В. Карпова, В. В. Пономаревой) [4, 5]; методика уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта [5]; тест рефлексии деятельности (В. Д. Шадриков, С. С. Кургиян, М. Д. Кузнецова) [6]; Психодиагностическая методика опросного типа «Стиль принятия управленческих решений» (А. В. Карпов, Е. В. Маркова) [2, 7]. Помимо этого, в исследовании был реализован отдельный блок математико-статистических процедур, включавший в себя коэффициент ранговой корреляции Спирмена (ρ), метод вычисления матриц интеркорреляций, метод определения индексов структурной организации, метод экспресс- χ^2 , а также метод параллельных профилей.

Анализ результатов исследования. После проведенного психодиагностического обследования всех испытуемых было выделено три основных, наиболее широко представленных в данной выборке стиля принятия управленческих решений – реализаторский, ситуационный и авторитарный. Аналитический этап исследования предполагает в нашем случае построение графиков «параллельных профилей» основных параметров трех исследованных стилей принятия управленческих решений. В результате сопоставления этих профилей было установлено, что различия между ними (то есть фактически между выраженностью *отдельных* партеров стилей принятия решения) хотя и существуют, но являются все же относительно частными и незначимыми – фрагментарными и несущественными. Тем самым – в известной мере вопреки априорным предположениям – было установлено, что на этом уровне исследования (*аналитическом*) стилевые особенности процессов принятия управленческих решений не эксплицируют каких-либо

Значения структурных индексов для трех стилей принятия решений

Структурные индексы	Стиль принятия управленческих решений		
	ситуационный	авторитарный	реализаторский
ИКС	18	6	7
ИДС	2	3	2
ИОС	16	3	5

систематических и устойчивых различий в их обусловленности со стороны рефлексивных факторов. В связи с этим возникает необходимость перехода на иной более мощный и адекватный природе изучаемого предмета уровень рассмотрения, то есть на собственно *структурный* уровень.

Следующим этапом исследования стало определение матриц интеркорреляций на основе полученных данных. По результатам построения данных матриц нами был выполнен подсчет индексов структурной организации показателей рефлексивности личности. Как уже было отмечено ранее, индекс когерентности структуры параметров (ИКС) определяется как функция числа положительных значимых связей в структуре и степени их значимости; индекс дивергентности структуры (ИДС) – как функция числа и значимости отрицательных связей в структуре; индекс организованности структуры (ИОС) – как функция соотношения общего количества положительных и отрицательных связей, а также их значимости. При этом учитываются связи, значимые при $\alpha = 0,01$ и $\alpha = 0,05$; первым приписывается «весовой» коэффициент 3 балла, вторым – 2 балла. В ряде случаев учитываются и связи на $\alpha = 0,10$ (с «весовым» коэффициентом 1 балл) [2, 3, 9].

На рисунках 1–3 представлены структурограммы показателей рефлексивности личности для руководителей с реализаторским, авторитарным и ситуационным стилями принятия управленческих решений.

Индекс когерентности структуры (ИКС) у группы руководителей с реализаторским стилем принятия управленческих решений оказался равен 7, в то время как для группы руководителей с ситуационным стилем принятия управленческих решений данный показатель оказался равен 18. Наименьший показатель ИКС был выявлен у руководителей с авторитарным стилем. Вместе с тем и индекс общей организованности структуры (ИОС) у группы руководителей с ситуационным стилем является наивысшим. В свою очередь, индекс дивергентности структуры (ИДС) для группы руководителей, предпочитающих авторитарный стиль принятия управленческих решений, является хотя и статистически небольшим, но в сравнении с двумя другими группами он тем не менее является наибольшим.

Данные, полученные в результате исследования, можно суммировать в следующей таблице.

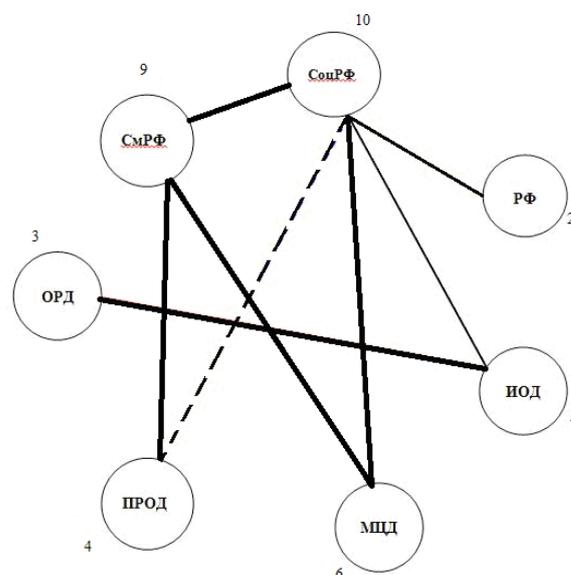

Рис. 1. Структурограмма показателей рефлексивности личности для группы испытуемых – руководителей с ситуационным стилем принятия управленческих решений:

СамРФ – саморефлексия, СоцРФ – социорефлексия, методика уровня выраженности и направленности рефлексии М. Гранта; РФ – рефлексия, методика диагностики рефлексивности А. В. Карпова и В. В. Пономаревой; ИОД – рефлексивные компоненты информационной основы деятельности (здесь и далее – тест «Рефлексивности деятельности В. Д. Шадрикова, С. С. Кургиняна), МЦД – рефлексивные компоненты мотивации и целеполагания деятельности, ПРОД – рефлексивные компоненты принятия решения в реализации деятельности, ОРД – принятие решения и реализация деятельности, тест рефлексии деятельности; Σ_z – общий суммарный показатель по методикам на рефлексивность для групп испытуемых

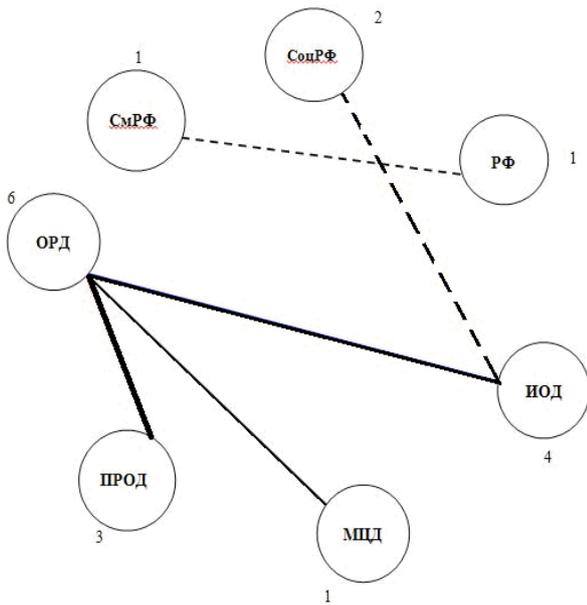

Рис. 2. Структурограмма показателей рефлексивности личности для группы испытуемых – руководителей с авторитарным стилем принятия управленческих решений: обозначения те же, что и к рис. 1

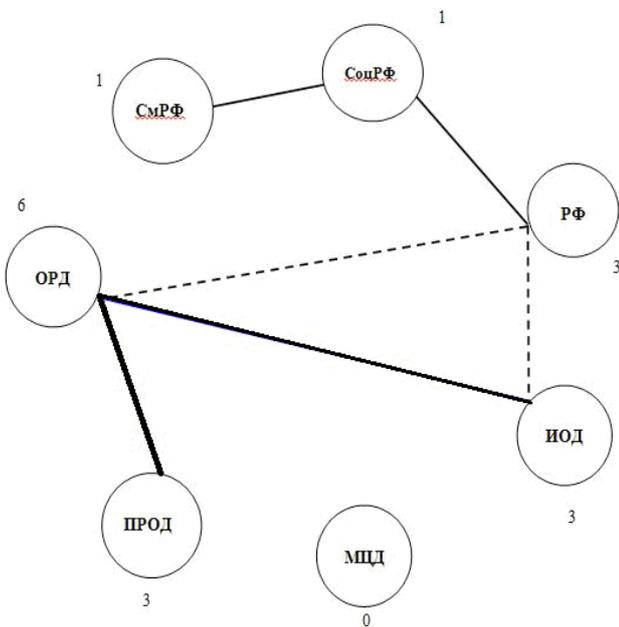

Рис. 3. Структурограмма показателей рефлексивности личности для группы испытуемых – руководителей с реализаторским стилем принятия управленческих решений: обозначения те же, что и к рис. 1

В отношении анализа полученных результатов важно отметить, что ситуационный стиль руководства и в том числе стиль принятия управленческих решений традиционно рассматриваются в качестве наиболее эффективных в деятельности управленческого типа. Ситуационный подход в менеджменте предполагает оценку взаимодействия различных ситуационных переменных внутренней и внешней среды организации для трансформации поведения руководителя, реализации управленческих функций, внутри- и внешнеорганизационных коммуникаций и др. и, как следствие, для адаптации организации и процесса управления. По результатам проведенного исследования структура показателей рефлексивности личности выше у тех испытуемых-руководителей, которые предпочитают ситуационный стиль принятия управленческих решений. В то же время именно эта структура обладает наименьшей дезорганизацией ее элементов, что выражается в низком значении ИДС. В связи с этим высоко интегрированная структура показателей рефлексивности личности руководителя является одним из важнейших условий эффективности управленческой деятельности и одной из составляющих ситуационного стиля принятия управленческих решений.

Вместе с тем наименьшее значение структурной организации рефлексивности личности имеют испытуемые-руководители с авторитарным стилем принятия управленческих решений. Вероятно, подобный результат следует объяснить тем, что руководители такого типа в основном склонны эффективно реализовывать так называемую функцию принятия ответственности (особенно в процессе принятия управленческих решений), обладают внешним локусом контроля, принимают решения в рамках автократического или локального структурного уровня принятия управленческих решений.

Следующим этапом исследования являлась реализация метода *экспресс- χ^2* , необходимого для определения гомогенности/гетерогенности исследуемых структур.

По результатам проведенного исследования было обнаружено, что качественные изменения внутри структур показателей рефлексивности отсутствуют. Имеются лишь количественные различия между группами испытуемых, разделенных по стилю принятия управленческих решений в отношении структурной организации личностных показателей рефлексивности для каждой из групп.

Такой вывод был сделан нами в результате проведения метода экспресс- χ^2 . Этот метод показывает, что различия между структурами показателей рефлексивности обусловлены только их количественными перестройками. В связи с этим представляется возможным высказать следующее предположение интерпретационного характера, содействующее объяснению полученного результата. По-видимому, в основе психического обеспечения процессов принятия управленческих решений (в том числе, и в аспекте его собственно рефлексивных детерминант) лежит некоторая общая достаточно инвариантная структура. Она, сохраняясь и воспроизводясь при разных частных вариантах реализации процессов принятия решения, то есть при разных стилях, в то же время изменяется в плане степени совершенства своей организации, то есть именно в количественном плане. Это и проявляется в факте отсутствия *качественных* различий в выявленных структурах (и, следовательно, в их гомогенности), но одновременно и в наличии существенных *количественных* различий между ними.

Вместе с тем важно констатировать, что очень высокий уровень рефлексивности не является условием высокой эффективности управленческой деятельности, в том числе и для руководителей, предпочитающих ситуационный стиль принятия управленческих решений. Действительно, специальные исследования, проведенные ранее, показали, что между уровнем рефлексивности и эффективностью управленческой деятельности нет прямой связи. Лучшими в своем деле оказались руководители, у которых способность к самоанализу, восприятию внутреннего мира других людей была на *среднем* (хотя и достаточно развитом) уровне [1, 2, 6]. Руководители, имеющие низкий «индекс рефлексивности», обладают недостаточными способностями к выполнению основных управленческих функций; характеризуются в целом как профессионально неэффективные. Но и руководители с сильно выраженной «склонностью к раздумьям», часто прибегающие к тщательному анализу происходящего, нередко не справляются с работой, требующей обработки больших массивов информации, необходимости оперативного принятия решения (зачастую в условиях дефицита времени и неопределенности). В связи с этим можно констатировать, что «рефлексивный руководитель» не всегда оказывается эффективным.

Общее снижение степени эффективности управленческой деятельности при наивысших показа-

телях уровня развития рефлексивности находит свое отражение в наших предыдущих исследованиях [8, 9, 10], посвященных, в частности, разработке *структурно-феноменологического подхода* в метакогнитивизме. Описан феномен «*metacognitive loop*» (дословно – «метакогнитивная петля») [10, 11, 12], возникающий при наличии очень высокого уровня развития метапроцессов, в том числе рефлексии, когда данный уровень оказывается настолько высок, что в определенной мере начинает оказывать негативное воздействие на эффективность и продуктивность мыслительных процессов и деятельности человека.

Таким образом, рассматривая рефлекссию как детерминанту деятельности управленческого типа, важно подчеркнуть следующее. Одним из главных условий эффективной реализации управленческой деятельности является не столько общий уровень рефлексивности личности, сколько степень структурной организации параметров рефлексивности личности руководителя. Как показало наше исследование, наивысшее значение степени структурной организованности рефлексивных качеств характерно для традиционно наиболее успешного – ситуационного стиля принятия управленческих решений.

Выводы

1. В настоящее время одним из наиболее актуальных вопросов в рамках психологии менеджмента является раскрытие и объяснение закономерностей детерминационного влияния рефлексии на результативные параметры и процессуальные характеристики управленческой деятельности.

2. Существует устойчивая и закономерная взаимосвязь между стилями принятия управленческих решений и показателями рефлексивности личности.

3. Имеет место также и закономерная взаимосвязь между стилем принятия управленческих решений и значениями индексов структурной организации показателей рефлексивности личности, то есть степенью ее собственной структурной организации.

4. Структурная организация основных компонентов рефлексивности личности у руководителей, предпочитающих ситуационный стиль принятия решений, является наиболее высокой по отношению ко всем иным стилям.

5. Степень структурной организации параметров рефлексивности личности, реализующей авторитарный стиль принятия управленческих решений, представлена наиболее низкими значениями.

Ссылки

1. Карпов А. В. Психология менеджмента: учебник для вузов. М.: Гардарики, 1999. 582 с.
2. Карпов А. В., Карпов А. А., Маркова Е. В. Психология принятия решения в управленческой деятельности. Метасистемный подход. Ярославль: ЯрГУ; М.: РАО, 2016. 644 с.
3. Карпов А. А., Карпов А. В. Введение в метакогнитивную психологию: учебное пособие. М.: МПСУ, 2015. 215 с.
4. Карпов А. В., Пономарева В. В. Психология рефлексивных механизмов управления. М.: Институт психологии РАН, 2000. 283 с.
5. Карпов А. В., Скитяева И. М. Психология рефлексии. М.: Институт психологии РАН, 2002. 320 с.
6. Шадриков В. Д., Кургинян С. С. Исследование рефлексии деятельности и ее диагностика через оценку конструкторов психологической функциональной системы деятельности // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8, № 1. С. 106–126.
7. Карпов А. В., Маркова Е. В. Стиль процесса принятия управленческих решений и эффективность руководства // Психология инновационного управления социальными группами и организациями. М.; Кострома: Костр. гос. ун-т, 2001. С. 169–172.
8. Карпов А. А. Внимательность как профессионально-важное качество руководителя // Методология современной психологии: сб. / под ред. В. В. Козлова, А. В. Карпова, В. Ф. Петренко. М.; Ярославль, 2014. Вып. 4. С. 187–193.
9. Карпов А. А. Структурно-феноменологический подход в метакогнитивной психологии // Вестник ЯрГУ им. П. Г. Демидова. Гуманитарные науки. 2016. № 4 (35). С.
10. Карпов А. А. Феноменология и диагностика метакогнитивной сферы личности: монография. Ярославль: ЯрГУ, 2016. 208 с.
11. Metcalfe J., Greene M. J. Metacognition of Agency // Journal of Experimental Psychology. 2007. Vol. 136, № 2. P. 184–199.
12. Son L. K., Metcalfe J. Metacognitive and Control Strategies in Study-Time Allocation // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 2000. Vol. 26, № 1. P. 204–221.

Социальный запрос на инженерные кадры ставит задачу профориентации старшеклассников на технические специальности. В статье раскрываются мотивы выбора профессий реалистического и исследовательского типа, сочетание которых и предполагает выбор оптантом инженерно-технических специальностей. Исследование, проведенное на выборке старшеклассников, позволило выявить особенности мотивов и ценностных ориентаций школьников, предпочитающих тот или иной тип профессии по классификации Дж. Холланда.

Ключевые слова: профессиональная ориентация; профессиональное самоопределение; мотив; ценностная ориентация; тип профессии.

The social request for engineering personnel sets the task of professional orientation of high school students to technical specialties. The article reveals the motives for choosing realistic and research-type professions, the combination of which presupposes the choice of engineering and technical specialties by the optant. A study conducted on a sample of high school students made it possible to identify the features of the motives and values of schoolchildren who prefer one or another type of profession according to the classification of J. Holland.

Keywords: professional orientation; professional self-determination; motive; value orientation; type of profession.

Е. В. Маркова, Е. И. Сидорова, А. Н. Сергеев

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: mark_ev@mail.ru

E-mail: e.i.sidorova@yandex.ru

E-mail: e.i.sidorova@yandex.ru

Мотивационные особенности старших школьников, предпочитающих реалистические и исследовательские типы профессий

Научная статья

E. V. Markova, E. I. Sidorova, A. N. Sergeev

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Motivational Characteristics of Schoolchildren Who Prefer Realistic and Research Types of Professions

Scientific Article

По данным Министерства труда и социальной защиты РФ в 2017 году (как и в предыдущие годы) наиболее востребованными на трудовом рынке стали специалисты высшей квалификации в сфере науки и техники. При этом выпускники школ все же предпочитают гуманитарные факультеты вузов. Такое противоречие заставляет оптимизировать профориентационную работу и строить ее с учетом мотивационных и ценностно-ориентационных особенностей старшеклассников [1].

Согласно теории профессионального выбора, разработанной Дж. Холландом, успех в профессиональной деятельности зависит от соответствия условия типа личности и типа профессиональной среды [2]. Люди стремятся найти профессиональную среду, свойственную своему типу, которая

позволила бы им полнее раскрыть свои способности, выразить ценностные ориентации. По классификации Дж. Холланда наибольшую склонность к занятиям техникой, к инженерному делу имеет реалистический и исследовательский тип личности. Представители данных типов занимаются конкретными объектами и их практическим использованием: вещами, инструментами, машинами. Отдают предпочтение занятиям, требующим моторных навыков, ловкости, конкретности. Выявление на ранних этапах профориентации школьников, относящихся к данным типам, позволит обеспечить им профильную подготовку по такому учебному предмету, как физика.

Объект исследования: профессиональное самоопределение старших школьников.

Предмет исследования: система мотивационных и ценностно-ориентационных особенностей старших школьников как фактор профессионального самоопределения.

Цель исследования: выявить мотивационные и ценностно-ориентационные особенности, связанные с профессиональным выбором старшеклассников.

Гипотеза исследования: фактором выбора типа профессионального самоопределения школьников могут выступать их мотивационные и ценностно-ориентационные особенности.

Цель исследования конкретизирована в следующих задачах:

1. Определить факторы профессионального самоопределения;
2. Выявить роль мотивационных и ценностно-ориентационных особенностей старших школьников как факторов самоопределения;
3. Выявить особенности мотивационных и ценностно-ориентационных особенностей у школьников с различной направленностью профессионального самоопределения.

Описание выборки: исследование проводилось на учениках 11 классов общеобразовательных школ города Ярославля (67 человек).

Инструментарий:

- 1) «Опросник терминальных ценностей» И. Г. Сенина [3];
- 2) «Опросник профессиональных предпочтений» Дж. Холланда [2];
- 3) «Опросник источники мотивации» Дж. Барбуто, Р. Скола [4].

Для доказательства гипотезы о связи ценностных ориентаций личности и профессиональных предпочтений были использованы методы: корреляционный анализ, однофакторный дисперсионный анализ.

Рассмотрим специфику ценностных ориентаций и мотивов деятельности в группах школьников.

Реалистический тип. Для школьников с высокими баллами по показателю реалистический тип профессиональных предпочтений могут быть характерны: эмоциональная стабильность, надежность; практичность, бережливость; упорство, настойчивость, уверенность в себе, склонность к риску, целеустремленность; скромность, застенчивость, откровенность, искренность, естественность.

При сравнении полярных групп с высокой и низкой степенью предпочтения реалистического типа

по каждой ценностной ориентации были выявлены различия по уровню выраженности такой ориентации, как духовное удовлетворение. Чем выше уровень предпочтения реалистического типа профессий, тем меньше ориентация на духовное удовлетворение.

Исходя из вышеперечисленных характеристик, низкая ориентация на духовное удовлетворение при высокой степени предпочтения реалистического типа профессий может объясняться высокой эмоциональной стабильностью, упорством и настойчивостью, которые присущи данным испытуемым. Хорошо развитая сила воли позволяет таким испытуемым выполнять свою работу не потому, что им этого хочется, а потому, что это является необходимостью.

При сравнении трёх групп с высокой, средней и низкой степенью предпочтения реалистического типа профессий по каждому источнику мотивации были выявлены различия по шкале инструментальная мотивация.

При высокой степени предпочтения реалистического типа профессий у испытуемых наблюдается средняя ориентация на внешние вознаграждения. При средней степени предпочтения этих же профессий ориентация на внешние вознаграждения достаточно высока. У старших школьников с низкой степенью предпочтения реалистического типа ориентация на внешние вознаграждения низкая. Таким образом, школьники с высокой ориентацией на материальное вознаграждение не рассматривают профессии реалистического типа как привлекательные для себя, но при этом они не отвергают их, а, скорее, «держат на запасном пути» как возможность улучшить материальное положение на первых этапах карьеры или во время студенческой жизни. А те школьники, которые отвергают инструментальную мотивацию и предпочитают работу, приносящую духовное удовлетворение, не принимают для себя профессии Реалистического типа.

После применения однофакторного дисперсионного анализа было выявлено, что респонденты с преобладающим реалистическим типом профессиональных предпочтений малоориентированы на удовольствие от процесса деятельности ($F = 2,1; p = 0,01$).

Ориентация на внутренние процессы, работа исключительно по принципу «хочу – не хочу» считается признаком инфантильного отношения к профессиональной деятельности. Поэтому лица,

которые выбирают профессии реалистического типа как требующие волевого усилия, демонстрируют отказ от данной установки. Старшеклассники, ориентированные на реалистические профессии, заявляют о своей готовности к волевой регуляции в деятельности.

Исследовательский тип. Респонденты с преобладающим исследовательским типом профессиональных предпочтений обладают низкой внешней мотивацией ($F = 2,7$; $p = 0,002$). Это не просто внешняя мотивация, а ориентация на внешнее окружение, общественное мнение (аналогом, по А. Маслоу, является социальная потребность) [5].

Для школьников с высокими баллами по показателю исследовательский тип профессиональных предпочтений могут быть характерны: независимость, самостоятельность, самомотивация, ориентированность на задачу, погруженность в работу; сдержанность, интроспективность, склонность к анализу, рациональность, методичность; любознательность, интеллектуальность, оригинальность, креативность, эрудированность; уверенность в себе, ориентированность на нетрадиционные ценности и установки.

Исходя из вышеперечисленных характеристик, низкая ориентация на внешнюю мотивацию может объясняться тем, что данным испытуемым достаточно внутренней мотивации (самотивации).

Для респондентов с преобладающим исследовательским типом профессиональных предпочтений не имеет большого значения принятие и поддержание своих черт, компетентности и ценностей со стороны других индивидуумов. Это объясняется тем, что для них характерны уверенность в себе и ориентированность на нетрадиционные ценности и установки, которые могут быть не приняты другими индивидами.

Артистический тип. Для респондентов с высокой степенью предпочтения артистического типа профессий могут быть характерны: независимость, самостоятельность, нонконформизм; импульсивность, экспрессивность, эмоциональность, чувствительность; непрактичность, беспорядочность; интуитивность, ориентированность на ценности красоты и эстетичности, образность мышления, «правополушарность»; стремление к самовыражению, демонстративность; оригинальность, открытость, свобода от условностей; альтернативные варианты решения проблем.

При сравнении полярных групп с высокой и низкой степенью предпочтения артистического типа

были выявлены различия по источнику инструментальная мотивация.

Чем выше уровень предпочтения артистического типа профессий, тем меньше ориентация на внешние вознаграждения.

Исходя из характеристик артистического типа, можно предположить, что его представителям присущи совершенно другие ценности. Такие люди ценят красоту, эстетичность; для них важна возможность самовыражения, независимость, оригинальность, открытость. Характерны для представителей артистического типа импульсивность и непрактичность, которые обуславливают их низкую ориентацию на внешние вознаграждения.

Социальный тип. При сравнении полярных групп с высокой и низкой степенью предпочтения социального типа были выявлены различия по ценностной ориентации «материальное положение». Чем выше уровень предпочтения социального типа профессий, тем ниже ориентация на материальное положение ($F = 2,4$; $p = 0,004$).

Низкая ориентация на высокое материальное положение может объясняться тем, что испытуемые с преобладающим Социальным типом профессиональных предпочтений больше ориентированы на общение и взаимодействие с людьми, чем на материальные блага. Для таких людей важными являются эмоциональная теплота, дружелюбие, жизнерадостность, оптимистичность, настроенность на других людей, понимание. Они обычно бывают убеждены в том, что материальный достаток не есть главное условие жизненного благополучия. В качестве мотивирующего фактора в их работе может выступать осознание того, что они могут быть полезными, оказывать эмоциональную поддержку, достигать поставленной цели. Для респондентов с преобладающим социальным типом профессиональных предпочтений высокое материальное положение не имеет значения.

Предпринимательский тип. При сравнении трёх групп с высокой, средней и низкой степенью предпочтения предпринимательского типа были выявлены различия по ценностной ориентации «индивидуализация». При высокой степени предпочтения предпринимательского типа профессий ориентация на такую ценность, как индивидуализация, достаточно высока. Старшие школьники со средней степенью предпочтения предпринимательского типа ориентируются на нее мало, а при низкой степени предпочтения наблюдается средняя и низкая ориентация на индивидуализацию.

Индивидуальность как ценность – наличие собственных мнений, взглядов, убеждений, защита своей неповторимости, непохожесть на всех остальных – является одним из важнейших качеств лидера. Исходя из характеристики предпринимательского типа его представителям свойственно стремление к лидерству, власти, высокому статусу, а также доминантность, самоуверенность. На основании этого можно сделать вывод, что такая ценностная ориентация, как индивидуализация, позволяет предположить выбор школьником предпринимательского типа профессий.

Конвенциальный тип. При сравнении полярных групп с высокой и низкой степенью предпочтения конвенциального типа были выявлены различия по ценностным ориентациям «индивидуализация» и «достижения».

Чем выше уровень предпочтения конвенциального типа профессий, тем больше ценится индивидуализация. Исходя из характеристики конвенциального типа, можно предположить, что высокая ценность индивидуализации заключается в стремлении к независимости, важности сохранения своей неповторимости, собственных взглядов, убеждений, а также в желании не поддаваться влиянию массовых тенденций.

Чем выше уровень предпочтения конвенциального типа профессий, тем больше ценятся достижения, что предполагает стремление человека к конкретным и осязаемым результатам в различные периоды жизни. Такие люди, как правило, тщательно планируют свою жизнь, ставя конкретные цели на каждом ее этапе и считая, что главное – добиться этих целей. Кроме того, большое количество жизненных достижений служит для таких людей основанием для высокой самооценки.

Выводы

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы:

1. Существует определенная ценностно-мотивационная регуляция профессиональных пред-

почтений старшеклассников. Ведущими ценностными ориентациями при их профессиональном самоопределении являются материальное положение, достижения и сохранение индивидуальности;

2. Школьники, ориентированные на реалистический тип профессий, проявляют такие мотивы выбора будущей деятельности, как значимость достижения конкретного результата, достаточный уровень материального вознаграждения, возможность самостоятельности;

3. Школьники, ориентированные на исследовательский тип профессий, проявляют такие мотивы выбора будущей деятельности, как возможность самостоятельности, независимость от социального мнения, саморазвитие, возможность решения сложных целей;

4. При организации профориентационной работы, направленной на привлечение старшеклассников к реалистическим и исследовательским видам деятельности необходимо делать акцент на возможность самореализации, на самостоятельность, независимость и личную значимость результата работы.

Ссылки

1. Саковская О. Н. Мотивация профессиональной деятельности: текст лекций. Ярославль: ЯрГУ, 2014. 88 с.

2. Воробьев А. Н., Сенин И. Г., Чирков В. И. Опросник профессиональных предпочтений по Холланду. М.: Когито-Центр, 2001. 20 с.

3. Сенин И. Г. Опросник терминальных ценностей: Руководство. Ярославль: Содействие, 1991. 19 с.

4. Сидоренко Е. В. Мотивационный тренинг. СПб.: Речь, 2005. 240 с.

5. Маслоу А. Х. Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2008. 352 с.

Реформа Вооруженных Сил Российской Федерации была и остается одной из наиболее острых и обсуждаемых тем российским обществом. Актуальными вопросами остаются: перевод большинства частей на контрактный принцип комплектования, появление в армии большого количества военнослужащих-женщин, поступление в войска новых видов вооружения и военной техники. Необходима новая технология процесса адаптации военнослужащих к условиям профессиональной деятельности.

Ключевые слова: женщина-военнослужащий; адаптация; гендерная адаптация.

Reform of the Armed Forces of the Russian Federation was and remains one of the most pressing and debated topics of Russian society-tion. Relevant issues include: translation of most parts on a contract principle of recruitment, the appearance in the army of a large number of the female military personnel, the entry into force of new types of weapons and military equipment, all these factors shape the army and Navy a qualitatively different situation. Therefore, a new process technology adaptation to the conditions of professional activity.

Key words: A female soldier, adaptation, gender adaptation.

И. В. Пучка

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова
E-mail: puchka_79@mail.ru*

Особенности адаптации женщин-военнослужащих к условиям контрактной службы

Научная статья

I. V. Puchka

P. G. Demidov Yaroslavl State University

Features of Adaptation of Female Soldiers to the Conditions of Contract Service

Scientific Article

Специфика военной службы традиционно была ориентирована на военнослужащих мужчин. Однако современная армия характеризуется притоком в ее ряды женщин-военнослужащих. Исходным положением социально-педагогического анализа статуса и направленности профессиональной деятельности женщин-военнослужащих в военно-социальной среде выступает понимание личности женщины как индивида, включенного в общую систему общественных связей и отношений и вырабатывающего на этой основе свой внутренний мир, систему жизненных приоритетов, направленность ценностно-мотивационной сферы профессионального сознания и модели взаимодействия [1, с. 27–29].

Опыт войск свидетельствует, что присутствие женщин в военно-социальной среде в определенной мере социокультурно облагораживает взаимоотношения в воинском коллективе, часто

стимулирует социальную и служебную активность мужчин в нужном направлении.

Однако, как показывает практика, особенности женской психики накладывают серьезный отпечаток на взаимоотношения в коллективах с выраженной феминизированностью. Повышенная эмоциональная чувствительность женщин, стремление к справедливости распределения служебной нагрузки, борьба с фаворитизмом в таких подразделениях (узлы связи, тыловые структуры, медицинские учреждения и т. п.) часто становятся причиной неоправданных конфликтов на почве выяснения «женских» проблем. Семейные проблемы у женщин-военнослужащих также, как правило, отражаются на эффективности служебной деятельности больше, чем у мужчин. [2, с. 59–61].

В различные виды нормативно-правовых документов были внесены изменения, чтобы

полностью женщины и мужчины имели равные права и свободы, равные возможности для самореализации. В соответствии с Федеральным законом «О воинской обязанности и военной службе» [3, с. 38, ст. 34] первый контракт о прохождении военной службы может быть заключен с гражданами женского пола, как состоящими, так и не состоящими на воинском учете. Важно отметить, что одним из основных условий заключения первого контракта является возраст гражданина, поступающего на военную службу: от 18 до 40 лет – единый для мужчин и женщин. Ранее Законом Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе» от 1993 г. возраст для заключения первого контракта был установлен: для мужчин – от 18 до 40 лет, а для женщин – от 20 до 40 лет, что противоречило ч. 3 ст. 19 Конституции Российской Федерации [4, с. 9].

Наше исследование было проведено в одной из воинских частей Вооруженных Сил РФ. При поступлении на контрактную службу испытуемым был предложен многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (МЛЮ-АМ), разработанный в 1993 г. А. Г. Маклаковым и С. В. Чермяниным. Целью данного этапа являлось выявление адаптивных возможностей воен-

нослужащих на основе оценки некоторых психофизиологических и социально-психологических характеристик, отражающих интегральные особенности психического и социального развития. Было протестировано 100 человек, 50 мужчин и 50 женщин военнослужащих по контракту. Результаты отражены в таблице 1

Таким образом, уровень адаптивных способностей и у мужчин и у женщин-военнослужащих достаточно высокий, а разница показателей составляет всего 2 %. Большинство военнослужащих и мужчин и женщин поступивших на контрактную службу, уверены в себе, своих силах. Возможно, это объясняется качественным проведением профессионального психологического отбора на первичной стадии зачисления и отсеиванием кандидатов с неустойчивой психикой. Но есть и другие причины высокой адаптации женщин-военнослужащих. В частности, женщины идут в армию со специфической личностной направленностью и, следовательно, с глубинной внутренней мотивацией. Это обуславливает психологическую готовность к будущей военной деятельности и особым условиям жизни. В итоге это облегчает и оптимизирует процесс адаптации. С помощью методики «ОТеЦ» мы попыта-

Таблица 1

Интерпретация адаптивных способностей по методике «Адаптивность»

<i>Мужчины</i>	<i>Женщины</i>	<i>Уровень адаптивных способностей Интерпретация</i>
46 чел. 92 %	45 чел. 90 %	Группы высокой и нормальной адаптации. Легко адаптируются к новым условиям деятельности, быстро входят в новый коллектив, достаточно легко и адекватно ориентируются в ситуации, быстро вырабатывают стратегию своего поведения. Как правило, не конфликтны, обладают высокой эмоциональной устойчивостью.
4 чел. 8 %	5 чел. 10 %	Группа удовлетворительной адаптации. Обладают признаками различных акцентуаций, которые в привычных условиях частично компенсированы и могут проявляться при смене деятельности. Поэтому успех адаптации зависит от внешних условий среды. Эти лица, как правило, обладают невысокой эмоциональной устойчивостью. Возможны асоциальные срывы, проявление агрессии и конфликтности. Лица этой группы требуют индивидуального подхода, постоянного наблюдения, коррекционных мероприятий.
нет	нет	Группа низкой адаптации. Обладают признаками явных акцентуаций характера и некоторыми признаками психопатий, а психическое состояние можно охарактеризовать как пограничное. Возможны нервно-психические срывы. Лица этой группы обладают низкой нервно-психической устойчивостью, конфликтны, могут допускать асоциальные поступки. Требуют наблюдения психолога и врача (невропатолога, психиатра).

лись сравнить ценностную структуру в мужской и женской выборке. Для этого мы использовали статистический критерий Мана-Уитни. Основные различия в мужской и женской выборке наблюдаются в таких ценностных ориентациях, как «активные социальные контакты», «развитие себя». Ценность «активные социальные контакты» в большей степени выражена у мужчин. Мы предполагаем, что они в большей степени стремятся к установлению благоприятных взаимоотношений с другими людьми, для них очень значимы все аспекты человеческих взаимоотношений. У женщин более выражена ценность «развитие себя». Мы предполагаем, что они в большей степени стремятся к самосовершенствованию, считая при этом, что потенциальные возможности человека почти неограниченны и что первую очередь в жизни необходимо добиваться наиболее полной их реализации. Наблюдаются различия и между ценностями «духовное удовлетворение» и «сохранение собственной индивидуальности». Ценность «духовное удовлетворение» в большей степени выражена у женщин. Мы это связываем с тем, что для них более важно получение морального удовлетворения во всех сферах жизни. Такие люди, как правило, считают, что главное – это делать то, что интересно и что приносит внутреннее удовлетворение. Женщинам важна прежде всего самореализация, то есть занятие любимым делом, имеющим богатую содержательную сторону вне зависимости от степени иерархии. Женщины работают, ориентируясь на содержание. Они ставят поручение в центр собственной деятельности и придают большое значение качеству выполняемой работы, что подтверждают и научные исследования, проведенные в данном направлении.

Другим фактором, облегчающим адаптационный процесс женщин, является специфический гендерный тип, присущий выбирающим данный вид деятельности. В частности, современные исследования [5, с. 49–50] указывают, что в военной профессии более эффективны мускулинные девушки. При освоении военной профессии они демонстрируют эмоциональную устойчивость и зрелость, мотивацию на овладение профессией. Все это значительно облегчает профессиональную адаптацию. Мы предполагаем, что такой гендерный тип преобладает у женщин-военнослужащих.

Высокий уровень адаптации, продемонстрированный и женщинами и мужчинами, еще не означает, что он достигается с помощью одних и тех же психологических качеств. Общеизвестно, что характерные половые различия при осуществлении профессиональной деятельности присутствуют. Не составляет исключения и военная профессия. Наш анализ профессиональной модели женщин-контрактников выявил характеристики, типичные именно для их пола. Женщины-военнослужащие в сравнении с мужчинами-военнослужащими отличаются повышенной рефлексией, экстернальностью, повышенной чувствительностью и эмоциональностью, развитыми коммуникативными способностями. Все вместе это создает так называемое «женское» поведение при решении военных задач. Одной из приоритетных научных задач является его характеристика.

Учитывая все вышесказанное, мы разработали теоретический конструкт дальнейшего этапа исследования. Мускулиненная женщина хотя и будет более адаптивна в «мужской» профессии по компетентностным требованиям, тем не менее не является полностью идентична мужчине при выполнении военных заданий. Характеристики пола проецируются на деятельность и условия деятельности. Поэтому женщина-военнослужащая учитывает свои особенности и формирует полоориентированные формы профессионального поведения. Это требует от нее постоянного сравнения своих действий с действиями сослуживцев-мужчин и корректировки в случае расхождения. Однако эта корректировка проходит не на процессуальном, а, в основном, на результативном этапе. Поэтому женщина-военнослужащая осуществляет деятельность «по-своему», но с получением требуемого приказом результата.

Следовательно, одной из насущных психологических задач является детальное исследование «женского» профессионального военного поведения с целью профотбора, профобучения, реабилитационных программ для военных. Важно изучить структуру профессионального типа женщины в сравнении с мужчиной-профессионалом и определить в этом типе характеристики, сугубо связанные с полом, отделив их от гендерных. Важно дать оценку этим характеристикам с точки зрения их принадлежности к профессионально-важной структуре качеств. Выяснить компенсаторные возможности в случае необходимости.

В совокупности решение этих задач имеет теоретическое и практическое значение для обеспечения научного проектирования и формирования военной деятельности.

Ссылки

1. Емельяненко А. А., Петровская М. В. К вопросу о роли и месте женщины в военно-профессиональной деятельности // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Современные проблемы и перспективные направления развития авиационных и систем военного назначения, форм и способов их боевого применения». Воронеж: ВАИУ, 2011. Ч. 1. С. 49–50.
2. Ровенских О. А. Гендерные особенности адаптации к профессии // Актуальные вопросы современного военного образования. Калининград: КПИ ФСБ РФ, 2007. С. 59–61.
3. Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе». Федеральный закон «О статусе военнослужащих»: текст изм. и доп. на 2014 г. М.: Эксмо, 2014. 160 с.
4. Конституция Российской Федерации. М.: Красная звезда, 2007. 64 с.
5. Ровенских О. А. Проблемы социальной адаптации военнослужащих, проходящих службу по контракту // Инновации в сфере профессионального военного образования. Калининград: КПИ ФСБ РФ, 2008. С. 27–29.

В условиях постоянной социальной и экономической динамики возникает необходимость в прогнозировании способности субъекта к успешному выполнению трудовой деятельности. Поэтому актуальным становится определение потенциальных возможностей развития субъекта в конкретной трудовой деятельности. Особенно важным становится теоретическое осмысление и эмпирическая проверка выделения личностного потенциала военнослужащих как фактора повышения эффективности работы Вооруженных Сил Российской Федерации.

Ключевые слова: личностный потенциал; военнослужащий; самооценка; успешность деятельности; самоэффективность.

In the conditions of constant social and economic dynamics, there is a need to predict the ability of the subject to successfully perform labor activity. Therefore, it becomes relevant to determine the potential for the development of a subject in a specific work activity. Especially important is the theoretical comprehension and empirical verification of the allocation of personal potential of servicemen as a factor in increasing the effectiveness of the armed forces of the Russian Federation.

Keywords: personal potential; military man; self-esteem; success of activity; self-efficacy.

М. Б. Бондаренко

ВУНЦ «ОВА ВС РФ» им. Фрунзе

E-mail: maksim_bond@mail.ru

Личностный потенциал и успешность военных профессионалов

Научная статья

М. В. Bondarenko

VUNTS «OVA of the armed forces» to them. Frunze

Personal Potential and Success of Military Professionals

Scientific Article

В психологическом анализе профессиональной деятельности военнослужащих многие актуальные вопросы продолжают оставаться недостаточно раскрытыми. Особенно это относится к той группе вопросов, которые связаны с освещением роли личностного потенциала в деятельности военнослужащих. Военная служба является профессиональной деятельностью с высокой социальной значимостью. Вооруженная защита Отечества во все времена считалась почетной обязанностью и долгом каждого гражданина. При этом армия всегда рассматривалась как единица общества, поэтому в ней находят отображение все социально-экономические и политические процессы, которые происходят в обществе.

В профессиональной военной деятельности выделяют два основных вида: деятельность в боевых условиях (боевая деятельность) и деятельность в обычных (мирных) условиях. Особенно актуальным является выявление психологических условий эффективности и надежности боевой деятельности военнослужащих. Они отражаются в постоянной

готовности выполнить свое профессиональное предназначение в любое время и в любых условиях, в том числе и при непосредственном риске для жизни, что само по себе вызывает определенное психологическое напряжение. Военно-профессиональная деятельность в мирное время — это деятельность, связанная с подготовкой к участию в боевых действиях [1, 2].

Для измерения общей готовности человека осуществлять профессиональную деятельность целесообразно использовать понятие «личностный потенциал». Феноменологию, отражающую эффекты личностного потенциала или его недостаточности, в разных подходах в психологии обозначали такими понятиями, как воля, сила Эго, внутренняя опора, локус контроля, ориентация на действие и некоторые другие. Лучше всего, пожалуй, ему соответствует понятие «жизнестойкость» (hardiness), введенное С. Мадди (Maddi, 1998). Мадди определяет жизнестойкость не как личностное качество, а как систему установок или убеждений, в определенной мере поддающихся формированию и развитию.

Это установки на включенность в деятельность, контроль за событиями, принятие вызова и риска, установки на жизнь в целом [3]. Анализ исследований С. Мадди, Д. А. Леонтева, фундаментальных положений о сущности личности Л. С. Выготского и С. Л. Рубинштейна позволяет на теоретическом уровне предположить, что ядерными компонентами личностного потенциала являются саморегуляция и самодетерминация, в совокупности выражающиеся в самоэффективности. Самоэффективность, в свою очередь, связана с самооценкой личности.

Формирование профессиональной готовности выражается в достижении определенного уровня личностной зрелости. Проведенный анализ психолого-акмеологической литературы позволил установить, что важнейшим условием, позволяющим человеку стать субъектом процесса саморазвития, является достижение некоторого определенного уровня личностного и профессионального самосознания [4–6]. Личностный потенциал предстает как интегральная характеристика уровня личностной зрелости, а главным феноменом личностной зрелости и формой проявления личностного потенциала является как раз феномен самодетерминации личности на деятельность.

Самодетерминация деятельности лежит в основе ее успешности. Под *успешной деятельностью* понимается такая деятельность, результаты которой обладают необходимой социальной и личностной значимостью и в целом соответствуют первоначально поставленным целям деятельности [7]. В этом случае успешная профессиональная деятельность выступает как реализованная направленность личности на успех в конкретной сфере профессиональной активности в социуме. Успешная деятельность приводит к удовлетворенности трудом, высокой оценке профессионала в системе социума (например, начальством) и в итоге к переживанию субъективного личностного благополучия.

Таким образом, психологическая готовность к профессиональной деятельности может быть понята и как своеобразная форма самодетерминации. Она позволяет оптимизировать первый, самый трудный, этап работы: вхождение в деятельность и первичную адаптацию. Существует система факторов, постоянно действующих на каждого из нас и позволяющих активно или пассивно адаптироваться. Активная адаптация обеспечивается механизмами самодетерминации. Самодетерминация лежит в основе формирования лич-

ностной зрелости и может служить показателем личностного потенциала. Итак, основой личностного потенциала в рамках профессиональной готовности выступает система, включающая самоэффективность, связанную с ней самодетерминацию и самооценку.

Подводя итог теоретическим рассуждениям, необходимо эмпирически доказать, что у профессиональных военных существует взаимосвязь между личностным потенциалом и успешностью в профессии.

В качестве гипотезы исследования мы выдвинули предположение о том, что успешная профессиональная деятельность военнослужащих детерминирована различными характеристиками личностного потенциала и что у военнослужащих будет преобладать завышенная самооценка. Проверка данной гипотезы осуществлялась на выборке военнослужащих из 100 человек, относящихся к одной военной профессии. Исследование проводило в военной части хранения и вооружения техники, войсковая часть № 62...5.

Использовались методики: «Удовлетворенность трудом» (Розановой); экспертная оценка; «Самооценка личности» (Петровского-Будасси); «Шкала психологического благополучия» (Риффа). Для математического анализа использовались статистические критерии Манна-Уитни и Колмогорова-Смирнова.

Полученные результаты свидетельствуют, что у большинства военнослужащих преобладает завышенная (56 %) и адекватная (38 %) самооценка. С учетом специфики данной деятельности такая самооценка отражает уверенность человека в своих профессиональных и личных силах. Высокая самооценка при трезвой (реалистичной) оценке своих возможностей и способностей является основным условием успешного решения профессиональных задач военнослужащими. Однако слишком завышенная самооценка чревата опрометчивыми решениями. Показателем успешности деятельности, уверенности в себе, осознании своей самоэффективности выступает удовлетворенность своим трудом. Наши результаты представлены на рисунке.

Исходя из этих данных, удовлетворены своим трудом полностью или частично только 29 %. При этом 71 % признаются в своей неудовлетворенности данной деятельностью. Таким образом, мы выявили внутреннее противоречие личностного потенциала военнослужащих – это высокая самооценка и неудовлетворенность своей

результативностью. Необходимо было выяснить причины и следствия данного противоречия.

Удовлетворенность трудом военнослужащих

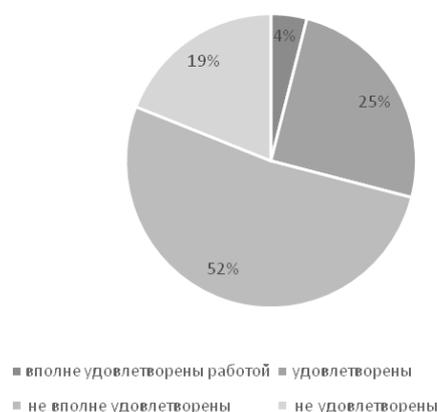

Рис. Процентное соотношение уровня удовлетворенности трудом у военнослужащих

Для этого мы изучили структуру личностного потенциала у военнослужащих. Нами был проведен качественный анализ самооценки и экспертной оценки. Кроме самооценки и удовлетворенности трудом, активными оказались: положительные социальные отношения, самостоятельность, доминирование, возможность личностного роста, наличие базовых жизненных целей и самопринятие. Мы выяснили, что структурные связи этих компонентов отличаются специфичностью. В частности, для полноценной структуры личностного потенциала характерны тесные положительные связи между выделенными компонентами. И действительно, мы зафиксировали на уровне $p < ,01$ и $p < ,05$ положительные связи между психологическим благополучием и самопринятием, самооценкой, жизненными целями и личностным ростом. Эти связи «цементируют» структуру личностного потенциала и обеспечивают адаптированность и успешность деятельности военного. Однако на таких же уровнях значимости зафиксированы отрицательные корреляции между доминированием и самостоятельностью (автономией), а также самооценкой и положительными отношениями с другими. Мы объясняем это особенностями деятельности. Например, стремление доминировать логично для военнослужащих с учетом наличия экстремальных острых ситуаций в боевой обстановке. Но это

требует и высокой самостоятельности. Однако последняя входит в противоречие с высокой формализованностью и жесткостью приказа как базового организационного принципа военной профессиональной деятельности. Выявлена отрицательная взаимосвязь между самооценкой и положительным отношением с другими. Под положительным отношением подразумевается как умение сопереживать, так и способность быть открытым для общения. Но специфика военной ситуации не предусматривает высокую открытость и сопереживание другим. Поэтому чем выше самооценка и ответственность за выполнение своих обязанностей, тем ниже способность налаживать положительные взаимоотношения с окружающими. Это своеобразная форма защиты от возможных переживаний из-за жесткой линии поведения с окружающими.

Данные противоречия являются следствием специфики деятельности профессиональных военных, и они неизбежны. Вместе с тем они дисбалансируют личностный потенциал и отражаются на профессиональной эффективности.

Для выявления связи структуры личностного потенциала с успешностью деятельности нами был использован метод полярных групп. Для этого по результатам экспертной оценки мы разделили всю выборку по степени успешности деятельности и взяли две группы: наиболее успешных и наиболее неуспешных. Полученные результаты представлены в таблице.

Сравнительный анализ выраженности составляющих личностного потенциала у успешных и неуспешных военнослужащих

Составляющие личностного потенциала	X (успешные)	X (неуспешные)	U	p-level
Удовлетворенность трудом	24,6	34,8	211	0,001
Положительное отношение с другими	56	47	704	0,3556
Самостоятельность (автономия)	57	51	449,5	0,0007
Доминирование (управление окружением)	61,3	58	443	0,0005
Личностный рост	65	48,1	714	0,4079
Цели в жизни	65	53,9	640,5	0,1248
Самопринятие	62,7	56,1	714,5	0,4106
Психологическое благополучие	345,6	312,6	628	0,0979

Действительно, по целому ряду компонентов (удовлетворенность, самостоятельность, доминирование) структура в группах успешных и неуспешных значимо отличается. Внутригрупповые корреляционные связи также подтверждают данный вывод. У успешных военнослужащих положительное отношение с другими значимо коррелирует с удовлетворенностью трудом. Профессионалы считают: чем больше они удовлетворены условиями труда, тем лучше у них будут складываться отношения с их подчиненными и коллегами.

Однако здесь мы выявили еще одно противоречие. Положительное отношение с другими отрицательно коррелирует с психологическим благополучием и автономией. Независимые личности оценивают себя исходя из собственных стандартов и нередко вступают в конфронтацию с окружающими, чувствуя себя при этом вполне благополучно. Военнослужащие с низким уровнем благополучия быстрее находят контакт с сослуживцами, имеют больше тем для обсуждения. Они стремятся использовать социальные контакты для улучшения своего положения. Личностная дисгармония приводит к возникновению эффекта личностной стагнации, скуки, неспособности справиться с повседневными делами. Потеря внутриличностных ориентиров провоцирует чувство бессилия в управлении окружающим миром. И тогда усиливается стремление к поиску социальной поддержки через социальное взаимодействие. Это подтверждается и выявленной нами зависимостью: у неуспешных военнослужащих личностный рост положительно коррелирует с управлением окружением. Итак, незрелость личностного потенциала связана с неудовлетворенностью собой и стремлением к управлению окружением, а высокий уровень личностного потенциала связан с автономией и независимостью от социума.

В итоге мы пришли к заключению, что базовыми качествами структуры личностного потенциала для успешных военнослужащих являются: самооценка, автономия, личностный рост, самопринятие и психологическое благополучие. Базовыми структурами личностного потенциала для неуспешных военнослужащих являются: самооценка, положительное отношение с другими, управление окружением.

Результаты данного исследования подтверждают наше предположение, что структура лич-

ностного потенциала успешных и неуспешных военнослужащих значимо отличается. Она характеризуется различными базовыми качествами и противоречивыми отношениями между ними. Личностный потенциал влияет на успешность деятельности и профессиональную готовность военнослужащих.

Личностный потенциал способствует успеху трудовой деятельности. Его структура влияет на субъективную оценку самооффективности. Чем выше уровень развития человека, тем богаче его личностный трудовой потенциал, отсюда — выше качество профессиональной деятельности. Противоречивый характер личностного потенциала профессиональных военных обусловлен спецификой деятельности и особенностями условий, в которых она протекает. Проведенный анализ структуры личностного потенциала военнослужащих свидетельствует, что уровень его сформированности во многом определяет возможность самореализации военнослужащего, а следовательно, и его профессиональную пригодность. Это позволяет сделать вывод о том, что личностный потенциал является важной составляющей профессиональной успешности деятельности военнослужащего.

Ссылки

1. Батищев В. Моральная готовность и психологическая способность военнослужащего к боевым действиям // Ориентир. 2007. № 9. С. 52–56.
2. Васильева О. С., Калачинская О. А Особенности социальной устойчивости военнослужащих в условиях повышенной боевой готовности // Российский психологический журнал. 2012. Т. 9, № 3. С. 49–55.
3. Maddi S. The effectiveness of hardiness training / S. Maddi, S. Kahn, K. Maddi // Practice and research. 1998. № 2, Vol. 50. P. 78–86.
4. Зимбардо Ф. Формирование самооценки. Самосознание и защитные механизмы личности. Самара: Бахрах, 2003. 405 с.
5. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М.: Политиздат, 1972. 304 с.
6. Карпов А. В. Психология сознания. Метасистемный подход. М.: РАО, 2011. 1088 с.
7. Самоукина Н. В. Психология и педагогика профессиональной деятельности. М.: Экмос, 2008. 352 с.

УДК 316.64

В статье вводится понятие «этическая зоркость» как способность к распознаванию этической дилеммы в ситуации профессиональной деятельности. Представлен анализ результатов исследования, направленного на выявление уровней сформированности этической зоркости у психологов-консультантов. Описаны основные характеристики трех уровней этической зоркости: рационально-прагматичный, эмоционально-ситуативный, личностно-ответственный.

Ключевые слова: психолог-консультант; этическая дилемма; этическая зоркость; нравственная регуляция поведения.

The term 'ethical vigilance' is introduced in the article. It means ability to discover ethical dilemmas in professional activity. The results of the research which was performed to discover the level of ethical vigilance maturity of consulting psychologists are presented. Main characteristics of three levels of ethical vigilance are described in the article. They are rational- pragmatic, emotional-situational, personal-responsible

Keywords: psychological counsellor; ethical dilemma; ethical vigilance; moral regulation of behavior.

А. Б. Армашова

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова

E-mail: a.armashova@gmail.com

Исследование этической зоркости психологов-консультантов в ситуациях этических дилемм

Научная статья

A. B. Armashova

P. G. Demidov Yaroslavl State University

The Research of Ethical Vigilance of Consulting Psychologists in the Situations of Ethical Dilemmas

Scientific Article

Постановка проблемы. Этическое поле деятельности психолога-консультанта определяется влиянием социо-культурного (преобладающие в данном обществе нормы и ценности поведения), профессионального (требования сообщества, зафиксированные в этических кодексах), личностного (смыслы, ценности, мировоззрение и убеждения специалиста) контекстов. Этичность профессионального поведения напрямую зависит от развития нравственной зрелости и моральной надежности специалистов.

На данный момент мало исследований, посвященных изучению психологических детерминант профессионального поведения психологов в этически неоднозначных ситуациях (М. В. Бадалова, Е. К. Веселова, Ф. Г. Майленова). В работах рассматривается связь мировоззрения специалиста с характеристиками морально-нравственной сферы личности, делаются выводы о важности конгруэнтности этических систем, регулирующих моральный выбор, изучаются различные аспекты ответ-

ственности психолога-консультанта. Исследование детерминант восприятия этических дилемм как ситуаций, обладающих наибольшей степенью неопределенности, представляется нам актуальным и позволяет выйти на выявление механизмов нравственной регуляции поведения специалиста, влияющих на его способность к распознаванию этического поля ситуации и на его моральную надежность.

Этическая дилемма представляет собой ситуацию морального выбора, выход из которой предполагает лишь взаимоисключающие решения, причем ни одно из этих решений не является безусловным с моральной точки зрения [1]. На основе теоретического анализа и опроса экспертов (психологи-консультанты, члены Региональной Ассоциации психологов-консультантов (г. Ярославль)) были выделены следующие признаки ситуации этической дилеммы: безусловная альтернативность обстоятельств; уникальность ситуации; немедленное принятие решения.

Теоретический анализ отечественных и зарубежных подходов к моральному выбору как предмету психологического исследования (Б. С. Братусь, Е. К. Веселова, В. П. Зинченко, В. В. Знаков, Т. В. Корнилова, А. Н. Леонтьев, В. Д. Шадриков, А. А. Хвостов, Л. Колберг, К. Гиллиган, Н. Айзенберг, Дж. Вудворди, Д. Олмен, Дж. Грин, Дж. Хайдт, Г. Гигеренцер, Дж. Рест, Д. Бартелс, И. Ялом и др.) и подходов к рассмотрению феноменологии морального выбора с точки зрения философии (Р. Г. Апресян, А. В. Бакштановский, В. Т. Ганжин, А. А. Гусейнов, О. Г. Дробницкий, Т. А. Кузьмина, Ф. Г. Майленова, О. Б. Николаичев, Ю. В. Согомонов, А. И. Титаренко и др.) позволил нам определить конструкт «этическая зоркость» и выделить его основные характеристики.

Этическая зоркость – способность распознавать глубину этического поля профессиональной деятельности, осознавать личностную значимость и ответственность за профессиональный выбор и последствия своих решений для всех вовлеченных сторон в ситуации этической дилеммы. Признаками проявления этической зоркости в данной ситуации являются: видение безусловной альтернативности ситуации; отсутствие ясности решения для специалиста, четкого алгоритма действий; наличие процесса самоопределения (рефлексии ценностей) при принятии решения.

В статье мы приводим результаты исследования этической зоркости в ситуации этических дилемм, направленного на выявление уровней её сформированности у психологов-консультантов и их качественную характеристику.

Выборка. В исследовании приняли участие 50 человек (из них 7 мужчин, 43 женщины) в возрасте от 23 до 66 лет с высшим психологическим образованием и стажем работы в консультировании от 0 до 26 лет.

Методы исследования: метод постановки моральных дилемм. В ситуациях этическая дилемма не является очевидной. Вопросы поставлены максимально широко, чтобы раскрыть когнитивные и эмоциональные аспекты нравственной регуляции выбора, не задавая определенную логику рассуждений и восприятия ситуации. Фактор социальной одобряемости ответов был снижен косвенной формулировкой вопросов о позициях и эмоциях консультанта в ситуациях. Были выбраны две ситуации, заключающие в себе этические дилеммы. Краткое содержание ситуаций: 1. К консультанту обратился мужчина 38 лет.

В ходе консультации выяснилось, что клиент имеет проблему зависимости (ЛСД, кокаин, алкогольная зависимость) и что на данный момент он является распространителем наркотиков; 2. Психолог консультирует клиента (тема – измена). После очередной консультации консультанту позвонила его знакомая, оказавшаяся женой клиента (она, по ее словам, случайно обнаружила визитку психолога со знакомой фамилией). Женщина очень просит дать ей информацию о причинах прихода мужа, надеется, что консультант поймет ее переживания и поможет избавиться от мучительной неопределенности.

Данные ситуации включены в пособие Н. В. Ключевой и Н. С. Головчановой [2] как примеры этически сложных случаев. Они соответствуют всем выделенным нами признакам этической дилеммы. Участникам исследования было предложено ответить на три вопроса: 1) какие мысли могут быть у консультанта по поводу своей позиции в этой ситуации?; 2) какие чувства может переживать консультант?; 3) какие действия консультанта возможны в данной ситуации? Проводился контент-анализ ответов участников на основе категорий, соответствующих выделенным характеристикам этической зоркости.

Метод анкетирования (опроса) использовался для выявления признаков этической зоркости и этических представлений психологов-консультантов. Была разработана анкета, состоящая из вопросов открытого типа. Обработка вопросов производилась методом контент-анализа. Проводился анализ содержания ответов на следующие вопросы: 1) что для Вас этика в работе психолога-консультанта? – Вопрос направлен на исследование сущностного понимания этической сферы в профессии, её глубины и определение её личностной значимости для специалиста; 2) есть ли в Вашем профессиональном окружении психологи-консультанты, вызывающие у Вас доверие как профессионалы? Попробуйте выделить 5 общих характеристик, которыми они обладают. – Анализ содержания ответов на данный вопрос позволяет определить представление о степени важности нравственных качеств для профессиональной деятельности психолога; 3) каковы, по Вашему мнению, главные, сущностные проявления «человеческого в человеке». – Вопрос использован для определения личных представлений о нравственности, чтобы исследовать их включенность в реальную этическую систему личности.

Анализ и интерпретация результатов

Был проведен качественный и количественный анализ комментариев специалистов. При наличии в ответах категорий, отражающих признаки этической зоркости, присваивался 1 балл за каждое задание. Таким образом, было выделено 3 группы участников исследования с разным уровнем сформированности этической зоркости: рационально-прагматичный (до 2 баллов ($M-0,5\sigma$)); эмоционально-ситуативный (3 балла (M)) и личностно-ответственный (от 4 баллов ($M+0,5\sigma$)). Характеристики состава групп отображены в таблице.

Рационально-прагматичный уровень (первый уровень – 48 % выборки). Анализ содержания реакций участников данной группы показал тенденцию к однозначному восприятию ситуаций, сложность распознавания проблемности и глубины этического поля. Как правило, ситуации оценивались с точки зрения норм определенной этической системы (профессиональной или общественной) либо исходя из актуальных потребностей личности консультанта или клиента. Мы можем полагать, что для участников данной группы ситуации не явились этическими дилеммами, поскольку не переживались ими как личностный выбор. Ряд исследователей нравственного сознания рассматривает отсутствие выбора, когда субъект при решении моральной дилеммы рассматривает только одну из возможных альтернатив, как проявление более обдуманной, выстраданной позиции личности. Однако, с нашей точки зрения, определяющую роль играет феноменология принятия решения в данной ситуации. Согласно функционально-уровневой концепции принятия решений думающей лично-

стью выборы, сделанные на постпроизвольном уровне регуляции («на том стою и не могу иначе»), не относятся к выборам как таковым ввиду отсутствия у субъекта выбора самого переживания данной ситуации, атрибутивного феноменологического признака выбора – «бремени решения» [3]. В эмоциональных реакциях доминировало чувство страха перед обстоятельствами ситуации, опасности, беспомощности, тревоги (87 % ответов).

Содержательную специфику реакций участников данной подгруппы на ситуации этической дилеммы, можно описать следующим образом:

1) *Личностно-ориентированные представления (20 % ответов в группе).* В данном случае ситуация, касающаяся распространения наркотиков, оценивалась, прежде всего, с точки зрения личной безопасности психолога-консультанта. Основным чувством, руководящим принятием решения, являлось чувство страха. Ситуация со звонком знакомой воспринималась как нарушение границ консультанта. Таким образом, призмой восприятия ситуации явились личные потребности консультанта, что привело к выбору оборонительной стратегии поведения, не учитывающей весь контекст ситуации и последствия своих решений для других вовлеченных в неё сторон;

2) *Социально-ориентированные (18 % ответов в группе).* Реакции данного типа предполагали ориентацию на систему установленных норм (гражданский, профессиональный этический кодекс и т. д.). Безусловно, профессиональная деятельность психолога-консультанта предполагает учет норм этических систем. Однако слепое следование любой норме без осознанности её принятия и придания личного смысла (конвенциональный уровень

Таблица

Характеристики состава групп различных уровней этической зоркости

Уровень этической зоркости	Объем подгруппы	Состав		Возраст	Стаж	Этическая зоркость (средний показатель в группе)
		мужчины	женщины			
Рационально-прагматичный	24	5	20	23–59	0–25	1.45 ($M-0,5\sigma$)
Ситуативно-эмоциональный	15	2	13	24–59	0–26	3
Личностно-ответственный	11	0	11	23–66	0–24	4.54 ($M+0,5\sigma$)

нравственного развития (Л. Колберг), группоцентрический уровень развития смысловой сферы (Б. С. Братусь) подобно ориентации только на личные потребности, приводит к нечувствительности ко всему этическому полю ситуации и ограниченному пониманию сущности своей профессиональной деятельности. Отличительной чертой данных реакций является уход от личной ответственности в принятии решения; как правило, используются слова «обязан», «должен», ссылки на кодексы и профессиональные обязанности;

3) *Профессионально-ориентированные* (62 % ответов в группе). Наиболее распространенным типом реакций в данной группе явилось отношение к ситуациям как к интересным, сложным профессиональным случаям. Ответы участников начинались с определения порядка действий специалиста или интерпретации проблемы клиента. Подобный способ восприятия ситуации исключил рассмотрение её этического измерения в принципе и в некоторых случаях привел к обозначению действий психолога, которые противоречат профессиональной этике (например, консультирование знакомой). Во многих ответах также присутствует неконгруэнтность позиции специалиста и его эмоциональных реакций, что может быть отнесено к феномену двойной морали, описанному Е. К. Веселовой [4], когда специалист вынужден придерживаться системы правил и норм, не соответствующей его личной ценностной системе. При работе в помогающих профессиях это может привести к рессисменту и этическим нарушениям. В данную группу ответов также вошли реакции, заключающиеся в сомнениях в своей профессиональной компетентности.

Общей характеристикой данной группы является низкая степень осознанности самой сущности этического поля профессии. На основе анализа определений этики, которые дали участники группы, можно сделать предположение об отсутствии понимания этики как ядра помогающих профессий и личностной зрелости в принципе. Этика понимается весьма формально и конвенционально, что констатирует отчужденность в личных представлениях сферы этического от непосредственно профессиональной деятельности. По результатам контент-анализа характеристики психолога-консультанта, вызывающего доверие, в основном представляют собой профессиональные навыки и качества успешной личности; нравственных характеристик упоминается крайне мало

(13 % от общего числа ответов), что подтверждает низкую значимость этической составляющей для участников на данный момент.

Ситуативно-эмоциональный уровень (второй уровень – 30 % выборки). Анализ ответов показал, что на данном уровне сформированности этической зоркости специалисты в своих решениях менее склонны к формальному следованию определенной этической системе: ответы уже не похожи на вывод решения, диктуемого обстоятельствами, представляют собой рассуждения о том, какие ценности специалиста актуализируются, указывают на моральные конфликты, вызванные данными ситуациями. Реакции свидетельствуют о переживании личностного выбора в данных ситуациях. Описание эмоций консультанта осознанные, указываются причины реакций, и, что важно, они согласуются с позициями и размышлениями. Без включения эмоциональной составляющей невозможно формирование нравственного сознания, а эмоционально-нравственная установка, которую описывал Н. А. Корниенко [5], как высший уровень эмоционального переживания способствует тому, что в разных ситуациях человек активно выступает с определенных нравственных позиций, не только осознавая эти ситуации, но и переживая и эмоционально реагируя на них [5]. Возможно, именно это позволяет данным специалистам распознавать этические дилеммы в данных ситуациях. Однако, распознавая этическую дилемму в одной ситуации, в другой ситуации консультанты не проявили эту способность, оценивая ее с одной позиции, не производя в ней ценностного самоопределения. Выявленные нами характеристики в данной группе во многом совпадают с характеристиками среднего уровня качества моральной ответственности [6]. Можно предположить, что такая нестабильность и включенность консультантов в контекст ситуации связана с тем, что у них выражена сформированность гуманистической мотивации, положительных нравственных ценностей и смысловых образований личности, богатство эмоций и переживаний. В то же время когнитивный аспект морального мировоззрения, осознание своей ответственности за последствия выбора еще недостаточно развиты. Определения этики в работе психолога-консультанта в данной группе были более личными; тематику определений можно разделить: на обозначение своего понимания конкретных этических принципов (54 % ответов); отождествление профессиональной

этики с этикой в жизни, общечеловеческой этикой (20 % ответов); указание на важность этики для профессии (26 % ответов).

Личностно-ответственный уровень (третий уровень – 22 % выборки). Участники данной группы распознавали этические дилеммы в обеих ситуациях, согласно результатам контент-анализа. Основным отличительным признаком ответов явилось осознание личной ответственности за последствия при принятии решения в данной ситуации и переживания тяжести выбора на эмоциональном уровне. Таким образом, мы предполагаем, что именно осознание ответственности специалиста за своё профессиональное поведение, значимости принятого решения и его последствий для вовлеченных в ситуацию людей, восприятие другого как ценности явились факторами, позволившими участникам отнестись к ним как личностному выбору, предполагающему процесс самоопределения, рефлексии ценностей относительно обстоятельств данной ситуации. Все определения этики, которые были даны консультантами, персональные, самостоятельные и содержат указания на личную ответственность специалиста. Качества психологов-консультантов обозначенные участниками данной группы также включали нравственные характеристики, указывающие на отношение к другому как к ценности.

Таким образом, нами было выявлено, что уровни этической зоркости психолога-консультанта

в ситуации этической дилеммы отличаются друг от друга по таким проявлениям, как восприятие ситуации как личного выбора и его осознанное эмоциональное переживание, осознание личной ответственности за своё профессиональное поведение, значимость принятого решения и его последствий для вовлеченных в ситуацию людей.

Ссылки

1. McConnell T. Moral dilemmas // Stanford Encyclopedia of Philosophy. URL: <http://plato.stanford.edu/entries/moral-dilemmas/>
2. Ключева Н. В., Головчанова Н. С. Этика и профессиональное общение психолога-консультанта: метод. указания. Ярославль: ЯрГУ, 2012. 68 с.
3. Корнилова Т. В. Психология неопределенности: Единство интеллектуально-личностной регуляции решений и выборов // Психологический журнал. 2013. Т. 34, № 3. С. 89–100.
4. Веселова Е. К. Психологическая деонтология: дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2003. 184 с.
5. Корниенко Н. А. Психологические основы эмоционально-нравственного развития личности: монография / под ред. Г. В. Залевского. Новосибирск: НГПУ, 1996. 378 с.
6. Гаевая Т. Г. Моральная ответственность как качество личности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1987. 26 с.

Дополнительные сведения об авторах

Иерусалимская Светлана Юрьевна – доктор исторических наук

Волкова Татьяна Игоревна – кандидат исторических наук, доцент

Смирнова Юлия Борисовна – кандидат исторических наук, доцент

Щербаков Виталий Леонидович — руководитель археологической экспедиции Костромского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника

Бутин Андрей Юрьевич (Игумен Антоний) – магистр истории, преподаватель Костромской духовной семинарии

Буюкли Дарья Андреевна – аспирант

Кольцов Михаил Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент

Капля Анна Сергеевна – аспирант

Шарова Александра Сергеевна – аспирант

Иванчин Артем Владимирович – доктор юридических наук, профессор

Смирнов Дмитрий Александрович – кандидат юридических наук, доцент

Симонова Снежана Владимировна – аспирант

Климова Анна Сергеевна – аспирант

Ильин Андрей Александрович – кандидат юридических наук

Соболева Татьяна Николаевна – кандидат психологических наук, доцент

Владимиров Илья Юрьевич – кандидат психологических наук, доцент

Ермакова Татьяна Николаевна – аспирант

Карпов Александр Анатольевич – кандидат психологических наук, доцент

Маркова Елена Владимировна – доцент, кандидат психологических наук

Сидорова Екатерина Игоревна – аспирант

Сергеев Александр Николаевич – старший преподаватель

Пучка Иван Викторович – соискатель

Бондаренко Максим Борисович – соискатель

Армашова Анастасия Борисовна – аспирант

Contributors

Ierusalimskaya Svetlana Yurievna – Doctor of Historical Sciences

Volkova Tatiana Igorevna – Candidate of Historical Science, Associate Professor

Smirnova Yulia Borisovna – Candidate of Historical Science, Associate Professor

Scherbakov Vitaly Leonidovich – head of the archaeological expedition of the Kostroma State Historical, Architectural and Arts Museum-Reserve

Butin Andrej YUr'evich (Igumen Antony) – Master of History, lecturer of the Kostroma Theological Seminary

Buiukli Daria Andreevna – Postgraduate Student

Koltsov Mikhail Viacheslavovich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Kaplya Anna Sergeevna – Postgraduate Student

Sharova Alexandra Sergeevna – Postgraduate Student

Ivanchin Artem Vladimirovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor

Smirnov Dmitry Alexandrovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor

Simonova Snezhana Vladimirovna – Postgraduate student

Klimova Anna Sergeevna – Postgraduate student

Ilin Andrei Aleksandrovich – Candidate of Juridical Sciences

Soboleva Tatyana Nikolaevna – Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor

Vladimirov Ilya Yur'evich – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

Ermakova Tatyana Nikolaevna – Postgraduate Student

Karpov Alexander Anatolievich – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

Markova Elena Vladimirovna – Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences

Sidorova Ekaterina Igorevna – Postgraduate Student

Sergeev Alexander Nikolaevich – Senior Lecturer

Puchka Ivan Viktorovich – Researcher for Candidate's Degree

Bondarenko Maxim Borisovich – Researcher for Candidate's Degree

Armashova Anastasia Borisovna – Postgraduate Student